

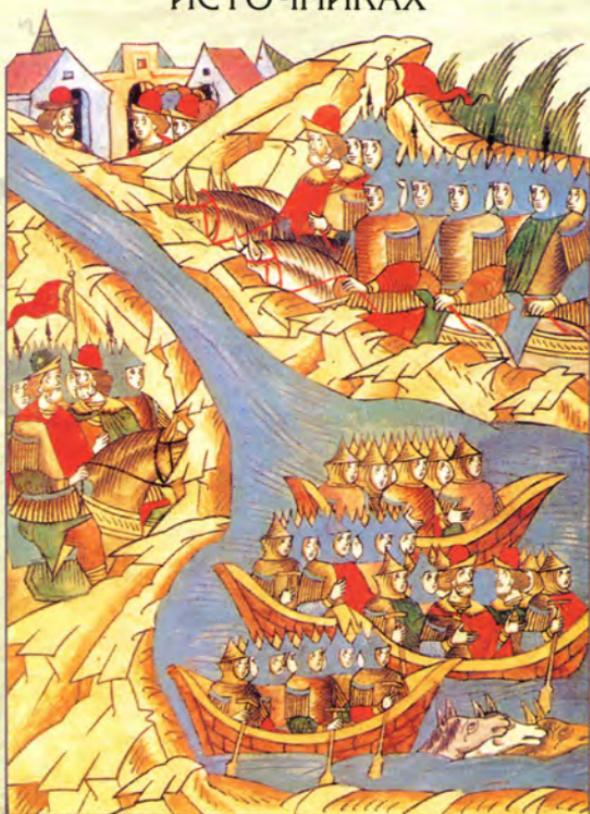
SERIES MINOR

Т. Н. ДЖАКСОН

AUSTR Í GÖRÐUM

ДРЕВНЕРУССКИЕ ТОПОНИМЫ
В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ
ИСТОЧНИКАХ

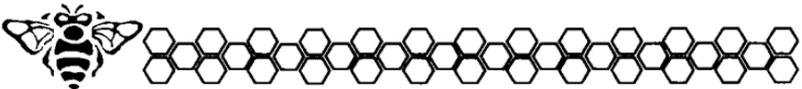

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

STUDIA HISTORICA

МАЛАЯ СЕРИЯ

Т. Н. ДЖАКСОН

AUSTR Í GÖRÐUM:
ДРЕВНЕРУССКИЕ ТОПОНИМЫ
В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ
ИСТОЧНИКАХ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 63.3(2)4
Д 40

Издание осуществлено при поддержке
Посольства Исландии в Российской Федерации

Джаксон Т. Н.

Д 40 AUSTR Í GÖRDUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 208 с., рис., табл. — (Studia historica. Series minor).

ISBN 5-94457-022-9

Книга Т. Н. Джаксон, основанная на памятниках древнескандинавской письменности, представляет собой по преимуществу топонимическое исследование. В ней воссоздана целостная система пространственного видения скандинавами «Восточной части мира», определено место Древней Руси на «ментальной карте» средневекового скандинава, собраны сведения о древнерусских городах и восточноевропейских реках.

ББК 63.3(2)4

*На обложке воспроизведена миниатюра из
Лицевого летописного свода XVI века
(БАН, 31.7.30–2. л. 24)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-022-9

9 785944 570222 >

© Т. Н. Джаксон, 2001
© Ю. С. Саевич. Оформление
серии, 2000

Содержание

Предисловие	9
Введение	11
Глава 1. «Восток» в картине мира древних скандинавов	15
«Теоретический» уровень	15
Так называемый «практический» уровень	17
«Восточная часть мира» (<i>Austrhálfa</i>)	19
Путешествия в «Восточную четверть» и в пределах ее	19
Как относиться к географическим представлениям авторов <i>sağ</i> ?	22
Глава 2. Север Восточной Европы в этногеографических традициях древнескандинавской письменности	23
Топонимия скальдических стихов и рунических надписей	25
Топонимия королевских и родовых <i>sağ</i>	28
Топонимия географических трактатов, скальдических тул и <i>sağ</i> о древних временах	30
Глава 3. <i>Austrvegr</i> — «Восточный путь» скандинавских викингов	39
Топонимы с корнем <i>aust-</i> в рунических надписях и скальдической поэзии	40
Топонимы с корнем <i>aust-</i> в ранних королевских <i>sağ</i>	45
Топонимы с корнем <i>aust-</i> в более поздних источниках	46

Глава 4. Garðaríki: «Страна городов» или «Страна укреплений»?	49
Толкования. Методология	49
Источники	51
Возникновение топонима Garðar	53
О топониме Garðaríki	59
Глава 5. Древнерусские города	61
Новгород	63
Ладога	63
Киев	64
Полоцк	68
Города Волго-Окского междуречья	68
Список древнерусских городов в «Книге Хаука»	69
Алаборг	77
Данпарстадир	81
Глава 6. Hólmgarðr — Новгород: «Город на острове» или «*Хълмъ-городъ»?	83
Имя Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки»	83
Хольмгард (Новгород) — один из центров международной торговли	93
Глава 7. Aldeigja — Ладога	105
Топонимика и археология	105
О сожжении Ладоги норвежским ярлом Эйриком	108
Ладога и Ладожская волость	109
Ладога на пути из Скандинавии в Новгород	113
О торгово-пропускных функциях Ладожской волости	114
Глава 8. «Palteskja ok þat ríki allt, er þar liggir til»	123
О скандинавском имени Полоцка	123
О скандинавах в Полоцке и о статусе Полоцкой земли	125
Об укреплённости Полоцка	131
О вече в Полоцке	135
О Торвальде Путешественнике	136
Глава 9. Суздаль и Суздальская земля	141
Суздальская земля	142
О связи Суздальской земли и Беломорья	145

<i>Об «Андрее Суздальском»</i>	148
<i>Еще раз о списках русских городов и княжеств</i>	150
<i>К вопросу о происхождении древнерусского названия города</i>	154
<i>О древнескандинавском наименовании Суздаля</i>	155
Заключение	157
Summary	159
Список сокращений	169
Библиография	173
Этногеографический указатель	199

ПРЕДИСЛОВИЕ

В древнейших скандинавских письменных памятниках — в выполненных рунами надписях на мемориальных стелах, воздвигнутых в XI в. на территории Швеции и Норвегии, — сохранились известия о людях, погибших *austr í Gørdum* «на востоке в Гардах»¹. Сам факт наличия этих текстов убеждает нас в том, что по крайней мере к XI в. в скандинавском обыденном сознании прочно утвердилось представление о нахождении «на востоке» страны, носящей имя *Gardar* «Гарды».

Слова *austr í Gørdum* не случайно вынесены мной в название книги. Во-первых, в них отразилась географическая направленность моих интересов, а именно — к землям, лежащим на востоке от Скандинавии. Во-вторых, в них заключена сущностная сторона представленного здесь материала — ведь речь в книге идет о топонимах, использовавшихся древними скандинавами для обозначения восточноевропейских земель, а «Гарды», как полагает абсолютное большинство исследователей, обозначают Древнюю Русь.

В значительной своей части книга эта опирается на мои работы второй половины 1980-х — начала 1990-х годов, в которых проводилось сопоставление сведений саг с археологическими материалами, полученными при раскопках целого ряда древнерусских городов. Я не стала при подготовке этой публикации «доводить» археологическую литературу до дня

¹ См.: Мельникова 1977а. №№ 6₂, 13, 16, 34, 48, 51, 63, 68, 92.

сегодняшнего (*update it*), поскольку учет новейшей литературы [см. исчерпывающие библиографии в соответствующих статьях сборника «Les centres proto-urbains russes»] не меняет принципиально моих выводов.

Публикация книги стала возможной благодаря финансовой поддержке Посольства Исландии в Российской Федерации. Хочу в связи с этим выразить самую сердечную благодарность проявившему интерес к моей работе чрезвычайному и полномочному послу Исландии в Российской Федерации господину Йону Эгиллу Эгильссону.

ВВЕДЕНИЕ

Древнескандинавские письменные памятники — в число которых входят скальдические стихи, рунические надписи, историографические сочинения, исландские саги (родовые, королевские, о епископах, о древних временах), норвежские гомилии и жития святых, исландские географические сочинения, исландские анналы — содержат многочисленные сведения по истории Древней Руси [Джаксон 1995; Древняя Русь в свете зарубежных источников, 408–563]. Основная часть этого материала соотносится с раннефеодальным периодом русской истории (X — конец XI в.), с временем формирования относительно единого государства. Информация содержится по преимуществу в сагах и касается княжения двух правителей: это — Владимир Святославич, великий князь киевский, 978–1015 гг. и Ярослав Владимирович Мудрый, князь новгородский в 1010–1016 гг., великий князь киевский в 1016–1018, 1018/1019 — 20 февр. 1054 г. К более раннему времени относятся сведения саг, скальдических стихов и рунических надписей о походах дружин скандинавских викингов по «Восточному пути» в Восточную Прибалтику и на север в Беломорье [Джаксон 1993; Джаксон 1994а]. Небольшое количество известий приходится на период феодальной раздробленности, на конец XI — вторую половину XIII в. Большой частью это включенные в генеалогии датских конунгов сведения о матримониальных связях русской княжеской

династии со скандинавскими дворами в XI — первой половине XII в. и некоторые данные о времени правления великого князя Александра Невского (1250—1263 гг.) [Джаксон 2000а].

Политические связи. Скальдические стихи и королевские саги сохранили уникальную информацию о пребывании на Руси четырех норвежских конунгов: Олава Трюггвасона (в 977—986 гг.), Олава Харальдссона (в 1029—1030 гг.), Магнуса Олавссона (с 1029 по 1035 г.) и Харальда Сигурдарсона (в начале 1030-х и в 1043—1044 гг.) [Джаксон 2000б]. Уникальность ее определяется тем, что русские источники, знающие скандинавов на Руси, не называют имен норвежских конунгов, находившихся здесь на службе, и не упоминают воспитывавшихся здесь сыновей конунгов. То, что в это время на Руси находят пристанище четыре норвежских конунга, бежавшие сюда после поражения в борьбе за власть у себя на родине, свидетельствует об активном участии Руси в политической жизни Скандинавии.

Матримониальные связи. В значительной мере уникальны сведения древнескандинавских источников о матримониальных связях русской княжеской династии со скандинавскими дворами в XI — первой половине XII в. Ни один из русско-скандинавских браков не упоминается в древнерусских источниках. Сведения о целом ряде браков — Ярослава Мудрого (Ярицлейва саг) и Ингигерд, дочери Олава Шведского (1019 г.); их дочери Елизаветы (Эллисив) и Харальда Сигурдарсона (ок. 1044 г.); внука Ярослава Мудрого, Владимира Всеволодовича Мономаха и Гиты, дочери Харальда Английского (ок. 1074—1075 гг.); сына Мономаха, Мстислава (по сагам, Харальда) и Кристин (по НПЛ, Крестины), дочери Инги Стейнкельссона, шведского конунга (ок. 1095 г.); дочери Мстислава Маль(м)фрид и норвежского конунга Сигурда Крестоносца (ок. 1111 г.), а затем — датского конунга Эйрика Эймуна (1133 г.); другой дочери Мстислава, Ингибьёрг (или Энгильборг), и датского конунга Кнута Лаварда; их сына Вальдемара Датского и Софии, дочери минского князя Володаря Глебовича (1154 г.) — содержатся (помимо исландско-норвежских источников) в «Деяниях архиепископов гамбургской церкви»

Адама Бременского и в нескольких средневековых датских источниках («Деяниях датчан» Саксона Грамматика, Датских Бартолианских анналах) [Джаксон 1982]. Наличие этого материала в источниках весьма показательно: если саги, анналы и хроники, направленные на возвеличение скандинавских конунгов, ставят в один ряд с ними «конунгов» русских, значит, известность и влияние этих последних в Северной Европе были велики. Матримониальные династические связи русского княжеского рода с королевскими фамилиями Скандинавии свидетельствуют, с одной стороны, о широте внешнеполитических сношений Руси и о ее активной внешней политике, а с другой стороны — о могуществе средневековой Руси, к союзу с которой стремились скандинавские страны. Кроме того, этот материал указывает на то, что политические отношения Руси с рядом скандинавских стран в XI—XII вв. были мирными, дружественными [Пашуто 1968, 146—147].

Варяги на службе у русских князей. Скандинавские источники сохранили сведения о вовлечении какой-то части скандинавов во внутреннюю жизнь древнерусского общества, и в первую очередь — в войско князя в качестве профессиональной военной силы. Сводь королевских саг «Круг земной» и «Красивая кожа» повествуют о предводительстве Олава Трюптвасона и Харальда Сигурдарсона в войске князя (Владимира и Ярослава, соответственно), «которое он отправил охранять страну». В той же роли оказывается, согласно «Пряди об Эймунде», знатный норвежец Эймунд Хрингссон, поступающий на службу сначала к Ярославу Мудрому, а затем к его брату — полоцкому князю Брячиславу Изяславичу (Вартилаву саги). При том, что нет данных, способных подтвердить прямую информацию саг, т. е. тот факт, что именно названные норвежцы стояли во главе древнерусского войска, содержащаяся в этих известиях косвенная информация сомнения не вызывает, поскольку верифицируется русскими источниками. Русские князья вплоть до XI в. нанимали к себе на службу дружины викингов и заключали с их предводителями своего рода коллективный договор, на что указывают и летописи, и саги. Условия такого договора донесла до нас «Прядь об Эймунде» [Мельникова 1978б].

Варяги-«находники». Информации о варягах-«находниках» на Русь в источниках почти нет. В тех немногих рунических надписях XI в., которые упоминают *Гарды* и *Хольмгард*, далеко не всегда можно различить, о чем идет речь — о военном нападении или о торговом предприятии, — поскольку викинг всегда был и купцом, и воином одновременно. На конце VIII — начало XI в. приходится по преимуществу повествования саг о поездках скандинавских викингов в Восточную Прибалтику и о сезонных нападениях их разрозненных дружин с целью грабежа на *Эйстланд* и *Курланд* [Джаксон 1981]. На XII—XIII вв. ложатся сообщения о пограничных конфликтах в Финнмарке. Сообщений о военных походах непосредственно на Русь в королевских сагах и хрониках всего два: о датируемом 997 г. сожжении Ладоги ярлом Эйриком Хаконарсоном и о походе ярла Свейна Хаконарсона (в 1015 г.) по *Восточному пути* в Карелию и на Русь.

Торговые связи. Русско-скандинавская торговля (представленная в силу специфики источников как торговля норвежско-новгородская) отражена в источниках с достаточной полнотой, даже несмотря на то, что в эпоху викингов (VIII—XI вв.) торговля не была специализированным занятием какой-то конкретной категории населения (викинги могли выступать и как грабители, и как торговцы). В XII в., как следует из источников, торговые связи Руси и Скандинавии носили в известной мере постоянный, регламентированный характер.

Тот образ Древней Руси, о котором пойдет далее речь в этой книге, можно назвать *историко-географическим*. Здесь предпринимается попытка, вчитавшись в древнескандинавские тексты, составить по ним представление о скандинавской ойкумене, о «ментальной карте» средневекового скандинава, о месте Древней Руси на этой «карте», о ее городах и реках. По преимуществу это — топонимическое исследование, что мне представляется оправданным с точки зрения поставленных мною целей, поскольку топонимия принадлежит к основным маркирующим элементам в процессе структурирования «социального пространства» [Настич 1985, 50].

ГЛАВА 1

«ВОСТОК» В КАРТИНЕ МИРА ДРЕВНИХ СКАНДИНАВОВ

Прежде всего обратимся к представлениям средневековых скандинавов о «востоке», о «Восточной части мира», называемой ими *Austrhálfa*.

В литературе утвердилось мнение, что памятники древнескандинавской письменности донесли до нас историко-географические представления двух уровней — теоретического и практического [Мельникова 1978а; Melnikova 1996, 13–18]. Это утверждение требует специального рассмотрения.

«Теоретический» уровень

В «теоретических» описаниях, таких как зачины географических сочинений, начало «Саги об Инглингах» (цитируемое ниже), Пролог «Младшей Эдды» и др., Земля предстает в виде плоскости, окруженной океаном и разделенной на три части:

Круг земной, где обитает род человеческий, сильно изрезан заливами. Большие моря вдаются в землю из окружающего [ее] океана. Известно, что море (Средиземное. — *Т. Д.*) тянется от Нёрвасунда (Гибралтарского пролива. — *Т. Д.*) и вплоть до Йорсалаланда (Палестины. — *Т. Д.*). От этого моря отходит на северо-восток длинный залив, который называется Свартахав (Черное море. — *Т. Д.*). Он разделяет трети

света. Восточная называется Азией, а западную некоторые называют Европой, а некоторые — Энеей. А к северу от Свартахав простирается Свитьод Великая, или Холодная. [...] С севера, с гор, лежащих за пределами всех населенных мест, течет через Свитьод река, правильное название которой Танаис (Дон. — Т. Д.). [...] Эта река разделяет трети света. Восточная называется Азией, а западная — Европой [IF, XXVI, 9–10].

В «Саге об Инглингах», как можно видеть, Снорри не придерживается до конца традиции, разделяющей мир на три части (*heimspriðjungar*), и называет лишь две из них: восточную — Азию и западную — Европу, однако в Прологе к «Младшей Эдде», отличающемся от других ее частей тем, что «в нем очень сильно дает себя знать средневековая латиноязычная ученость» [Стеблин-Каменский 1970, 197], Снорри называет и третью, южную, часть света — Африку [Младшая Эдда, 11]. Таким образом, в «Саге об Инглингах» Европа занимает западную, а в «Младшей Эдде» и географических трактатах¹ северо-западную часть земного круга.

Для христианской географии раннего средневековья деление всей известной в то время суши на три части (возникшее в древнеионийской науке и отразившееся затем в трудах римских географов) являлось не только развитием античного взгляда, но и иллюстрацией библейского учения, гласящего, что после потопа вся земля была разделена между тремя сыновьями Ноя². В древнеисландском трактате «О заселении земли сыновьями Ноя» говорится:

Потом Ной разделил мир на три части между своими сыновьями и дал названия каждой части в мире, которая до того не имела имени. Он назвал одну часть мира Азией, другую — Африкой, а третью — Европой [Мельникова 1986, 135].

Трехчленное деление ойкумены стало традиционным в латиноязычной средневековой космографии Европы. В тех случаях, когда скандинавский автор основывал «ученое» вступление к своему труду на этой традиции, появлялась и трехчленность

¹ Тексты см. в кн.: Мельникова 1986.

² См.: Simek 1996, 39–48.

земного круга³. Однако при описании конкретных географических ситуаций и плаваний, при ориентировании в пространстве, на первый план выступало естественное и традиционное для древних скандинавов (как и для всех германцев и — шире — индоевропейцев) членение обитаемого мира на четыре четверти по четырем странам света [Jackson and Podossinov 1997, 85—97; Подосинов 1999]. Именно эти представления нередко называют «практическими», усматривая в них «тот реальный комплекс знаний и представлений о Земле и природе, географическом пространстве, народах, который сложился в сознании основной части населения» [Мельникова 1998, 182; см. также: 176—207].

Так называемый «практический» уровень

Четырехчастное — по странам света — деление ойкумены нашло свое отражение в целом ряде топонимов. Источниками зафиксировано существование топонимов *Austrhálfa* «Восточная часть», *Vestr(h)álfa* «Западная часть», *Suðr(h)álfa* «Южная часть» и *Norðr(h)álfa* «Северная часть» [Metzenthin 1941, 8—9, 76, 117; Cleasby and Gudbrandr Vigfusson 1957, 35, 457, 603, 700]. Со странами света и членением по ним мира связаны также композиты на *-vegr / vegir (vegar)* «путь, дорога (в ед. и мн. ч.)» (*Austrvegr, Vesturvegir, Suðrvegar, Nóregr < *Norðvegr*), на *-lond* «земли (мн. ч. от *land* «земля»)» (*Austrlond, Vestrlond, Suðrlond* и *Norðrlond*) и на *-ríki* «королевство, государство» (*Austrríki* и *Suðrríki*)⁴. Отразившаяся в топонимическом материале четырехчастность картины мира средневекового скандинава со всей очевидностью проявляется при анализе содержащихся в исландских сагах рассказов о плаваниях из Норвегии в другие страны [Джаксон 1994б].

Например, повествуя о юношеских подвигах будущего норвежского конунга Эйрика Кровавая Секира (928—933 гг.),

³ Энтони Фолкс затрудняется сказать, какое именно сочинение могло послужить источником для Снорри Стурлусона (Faulkes 1984, 111).

⁴ Подробнее о них см. в Главе 3.

Снорри Стурлусон называет земли, где тот успешно сражался, лежащие в каждой из четырех частей земного круга:

И когда Эйрику было двенадцать лет, дал ему конунг Харальд пять боевых кораблей, и отправился он в военный поход, сначала в *Аустрвег*, а затем на юг в Дания и во Фрисланд и Саксланд, и пробыл в этом походе четыре года. После этого отправился он на запад за море и воевал в Скотланде и Бретланде, Ирланде и Валланде, и провел там другие четыре года. После этого отправился он на север в Финнмарк и вплоть до Бьярмаланда, и была у него там большая битва, и он победил [ÍF, XXVI, 134–135].

Как можно заключить из саг, у их авторов есть некое общее представление о пространстве, в котором они ориентируются с помощью своего рода «ментальной карты». Авторы IX–XIII вв. едва ли имели перед собой реальную карту, по которой они определяли бы соотношение стран и земель и которой пользовались бы при составлении своих описаний, но их «ментальная карта» была вполне конкретной, постоянной и общей для авторов значительного числа сочинений исландско-норвежской письменности.

Представление о том, какие страны относятся к каким четвертям, в этих источниках — весьма устойчивое. «Западная область» — это вся Атлантика (Англия, Исландия, Оркнейские и Шетландские острова, Франция, Испания и даже Африка); «Восточная» — прибалтийские и более восточные земли; «Южная» — Дания, Саксония, Фландрия и Рим. «Северная область» — это по преимуществу сама Норвегия, но также Финнмарк, а иногда и Бьярмаланд (Беломорье). Бьярмаланд оказывается как бы на пограничье восточной и северной четвертей — он принадлежит к восточным землям, но добраться до него можно только по северному пути.

Центр этой своеобразной «розы ветров», вероятнее всего, находился на момент ее формирования в районе Южной Скандинавии, либо Северной Ютландии, либо северной оконечности датских островов [Jackson and Podossinov 1997]. Именно этот район был с древнейших времен самым

оживленным центром коммуникаций Северной Европы⁵, поскольку отсюда во все четыре страны света расходились морские (на запад в Атлантику, на восток в Балтику) и сухопутные (на север в Норвегию, на юг в Данию и Германию) маршруты.

«Восточная часть мира» (*Austrhálfa*)

Если взять всю совокупность памятников древнескандинавской письменности, то можно обнаружить, что как *восточные* воспринимались все земли по берегам Балтийского моря (которое в древнескандинавской письменности называлось *Eystrasalt* «Более восточное море»), а также земли в глубине Восточной Европы. На востоке тем самым оказывались Швеция (*Свитьод* — *Svíþjóð*), острова Борнхольм (*Borgundarhólmr*), Эланд (*Eyland*), Готланд (*Gotland*), Сааремаа (*Sýsla, Eysýsla*), земли прибалтийских славян (*Вендланд* — *Vinðland*; *Пулиналанд* — *Púlinaland*), земли куршей (*Курланд* — *Kúrland*), эстов (*Эйстланд* — *Eisland*), карел (*Кирьялаланд* — *Kirjálaland*), финнов (*Финнланд* — *Finnland*), Русь (*Гарды* — *Garðar* / *Гардарики* — *Garðaríki*) с городами Ладога (*Альдейгьюборг* — *Aldeigja, Aldeigjuborg*), Новгород (*Хольмгард* — *Hólmgarðr*), Киев (*Кенугард* — *Kænugarðr*), Полоцк (*Палтескья* — *Pallteskja*) и др., равно как и Константинополь (*Миклагард* — *Miklagarðr*).

Путешествия в «Восточную четверть» и в пределах ее

Мои сомнения относительно правомерности называния изложенной здесь совокупности географических идей представлениями «практического» уровня связаны с тем, как

⁵ К примеру, для начала третьего тысячелетия до н. э. установлено существование экономических центров, являвшихся узловыми пунктами в торговой сети Северной и Центральной Европы, в округе Вольдтофта на острове Фюн и в округе Бослунда на о-ве Зеландия (см.: Trane 1976; Jensen 1981).

описывается в источниках движение из одной области в другую и в пределах самих этих областей. Из дальнейшего изложения будет видно, что применение такого рода знаний на практике — в плаваниях и походах — могло оказаться чреватым весьма большими трудностями.

В основе такого рода описаний лежат не реальные показания компаса, а принятые наименования четырех перечисленных выше областей.

Так, плавание и из Швеции, и из Восточной Прибалтики, и из Руси в Норвегию обозначается в источниках либо как движение *погдр* «на север», потому что Норвегия лежит в «Северной области», либо как движение *austan* «с востока», поскольку к «Восточной области» принадлежат и Швеция, и восточноприбалтийские земли, и Русь, и т. д.

Яркий пример описаний путешествий в пределах той или иной области мы находим в «Саге о Хаконе Хаконарсоне», написанной исландцем Стурлой Тордарсоном в 1264—1265 годах, относящейся к разряду королевских саг и, по признанию исследователей, отличающейся вполне документальным характером. Здесь содержится следующий весьма примечательный текст:

Этим летом отправились они в военный поход в Бьярмаланд, Андрес Скьяльдарбанд и Ивар Утвик. У них было четыре корабля. И то было причиной их поездки, что ездили они в Бьярмаланд в торговую поездку за несколько лет до этого, Андрес из Сьомелингар и Свейн Сигурдарсон, Эгмунд из Спангхейма и многие другие. У них было два корабля. И отправились они назад осенью, Андрес и Свейн; а они остались с другим кораблем, Хельги Богранссон и его корабельщики. Эгмунд из Спангхейма тоже остался; и отправился он осенью на восток в Судрдаларики (Суздальское княжество. — Т. Д.) со своими слугами и товаром. А у халогаландцев случилось несогласие с конунгом бьярмов. И зимой напали на них бьярмы и убили всю команду. И когда Эгмунд узнал об этом, отправился он на восток в Хольмгардар (Новгородское княжество. — Т. Д.) и оттуда

восточным путем к морю; и не останавливался он, пока не прибыл в Йорсалир (Иерусалим. — Т. Д.) [Flat., III, 387].

Имея даже смутное представление о карте Восточной Европы, можно понять, что указанные в саге направления движения Эймунда никак не соответствуют реальным: из Бьярмаланда (с Белого моря) он едет на восток в Суздальское княжество, оттуда на восток в Новгородское княжество, а оттуда восточным путем к морю и до Иерусалима.

Число таких примеров можно умножить. Так, о ярле Эйрике Хаконароне «Красивая кожа» сообщает, что из Альдейгьюборга (Ладоги) он еще дальше продвигался на восток в Гардарики (на Русь), а о Харальде Суровом Правителе, — что он поплыл в Свитьод (Швецию) с востока из Хольмгарда (Новгорода); Снорри Стурлусон говорит, что Магнус Олавссон отправился с востока из Хольмгарда в Альдейгьюборг; «Сага о фарёцах» рассказывает о Сигмунде Брестисоне, совершившем набег на Свитьод и отправившемся из Свитьод на восток в Хольмгард; согласно «Саге о Ньяле», Гуннар и Кольскегг после битвы у Ревеля пошли на восток к Эйсюсле (острову Сааремаа); «Сага о крещении» сообщает, что Торвальд Кодранссон и Стевнир Торгильссон отправились из Норвегии по всему свету и вплоть до Йорсалахейма (Палестины), а оттуда — до Миклагарда (Константинополя) и далее до Кёнугарда (Киева) по восточному пути по Непру (Днепру), и умер Торлейв недалеко от Паллтескьи (Полоцка).

Итак, можно видеть, что движение в пределах Восточной четверти почти всегда обозначается как движение «на восток» или «с востока», что в значительном большинстве случаев является «неправильным», в нашем сегодняшнем понимании, словоупотреблением, поскольку «правильным» мы считаем то, которое отвечает показаниям компаса. Однако оно «правильно» для средневекового скандинава, и именно поэтому оно зафиксировано источниками.

Как относиться к географическим представлениям авторов саг?

Неотступно преследующая историка проблема достоверности источника обретает в данной связи новые очертания. Невольно встает вопрос: следует ли из «неправильного» употребления ориентационных терминов в «восточных» фрагментах саг делать вывод о плохом знакомстве скандинавов с восточными землями и о малой достоверности известий саг о событиях, происходящих к востоку от Скандинавии, либо можно эту «неправильность» объяснить специфическим мировидением исландского автора и не отказываться от попыток выявления хотя бы крупниц достоверной информации?

На мой взгляд, то, что представляется сегодняшним читателям ошибками, проистекающими из слабого знакомства скандинавов с восточноевропейскими землями, скорее, следует отнести за счет стереотипности средневекового сознания и специфики скандинавской картины мира — для правильного понимания древнескандинавских источников нам необходимо принять картину мира такой, какой она была в представлении средневековых исландцев.

ГЛАВА 2

СЕВЕР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Этногеографическая номенклатура памятников древнескандинавской письменности представляет собой объект, достойный отдельного рассмотрения. Ее изучение позволяет, с одной стороны, уточнить наши представления об источниках исследования — выявить относительную хронологию их возникновения и соотношение, а также четче представить всю их совокупность. С другой стороны, оно проливает свет на сам предмет исследования — на время проникновения скандинавов в Восточную Европу, последовательность освоения территории, на зоны контактов и степень знакомства пришельцев с местным населением.

Характер содержащейся в источниках исторической информации со всей очевидностью указывает на то, что в них находит отражение период, предшествующий их записи, во всяком случае никак не позднее середины XIII в. Анализ рунических надписей, упоминающих Восточную Европу, подтверждает, что все их топонимы принадлежат к древнейшему пласту географических и топографических знаний скандинавов об этих территориях [Мельникова 1982, 124]. Сведения,

дошедшие до нас в *oldtidssagaer* «сагах о прошлом», и в *forn-tidssagaer* «сагах о древности» (в терминах Сигурда Нордаля [Nordal 1953]), убеждают в том, что мы имеем дело с отражением глубокой древности [Джаксон 1995]. Наконец, детальный анализ исландских географических трактатов выявляет, что они сохранили картину Восточной Европы X — начала XII в., т. е. до татаро-монгольского нашествия, до образования Литовского государства, до завоевания Орденом прибалтийских земель [Мельникова 1976, 156].

Соответственно, и этногеографическая номенклатура памятников древнескандинавской письменности достаточно архаична. Логичнее всего допустить, что она формировалась по мере скандинавского проникновения в Восточную Европу. И хотя установить точное время ее сложения не представляется возможным, все же верхний хронологический рубеж, *terminus ante quem*, для определения начального этапа сложения географических представлений скандинавов о Древней Руси у нас есть. Под 839 г. в «Бертинских анналах» («*Annales Bertiniani*») рассказывается о том, как ко двору императора Людовика Благочестивого в Ингельгейме прибыло посольство от византийского императора Феофила II. С ними были некие люди, которые принадлежали к народу «рос (*Rhos*)», чей правитель (*rex*) прозывался «хакан (*chacanus*)»¹, и которые, как выяснил Людовик, были «из народа свеонов (*eos gentis esse Sueonum*)» [Annales Bertiniani, 30—31; Свердлов 1989, 7—15]. Норманны, пришедшие в 838 г. в Византию, изображаются как посланцы «хакана росов». Тем самым, «Бертинские анналы» содержат «первое свидетельство существования сложившихся славяно-скандинавских отношений» [Лебедев 1985, 190].

Совокупное изучение древнескандинавской топонимии Восточной Европы приводит к выводу, что каждая группа источников имеет свою топонимическую номенклатуру [Джаксон 1995]. Следует подчеркнуть, что хронология письменной фиксации топонимов соответствует последовательности их возникновения в языке древних скандинавов [Джаксон 1989; Jackson

¹ Об использовании этого титула киевскими князьями до XII в. см.: Новосельцев 1982.

1993]. Впрочем, прямого соответствия нет: здесь лишь намечается общая линия развития древнескандинавской топонимии Восточной Европы. Тем не менее, рассмотрение всей совокупности восточноевропейских топонимов по всем синхронным срезам, естественно, представляется целесообразным².

Топонимия скальдических стихов и рунических надписей

Первый топонимический «пласт», отразившийся в скальдике и в рунических надписях, включает в себя значительное число гидронимов: имена Балтийского моря (*Austmarr*³, *Eustrasalt*⁴) с Финским заливом (? *Hólmshaf*)⁵, Белого моря или Ледовитого океана (*Gandvík*)⁶, двух Двин — Западной (*Duná*)⁷ и Северной (*Vína*)⁸. Сюда же входит ряд этнонимов (либо отэтнонимических названий земель) на территории от Западной Двины до Северной Двины: *sæt-gallir* «земгалы»⁹, *Lifland* «Земля ливов»¹⁰, *eistr* «эсты»¹¹, *Estland* «Земля эстов»¹², *Virland* «Вирумаа»¹³, *Finnland*

² Топонимы с корнем *aust-* будут рассмотрены отдельно в следующей главе.

³ Skj., A, I, 12 (*Þjóðólfr ór Hvini*, IX в.).

⁴ *Ibidem*, 333 (*Arnórr Þórðarson jarlaskáld*, 1046).

⁵ Мельникова 1977а, № 61 (Валлентуна, церковь, середина XI в.).

⁶ Skj., A, I, 100 (*Eyjólfur Valgerðarson*, ок. 976).

⁷ Мельникова 1977а, № 26 (Бёнестад, XI в.).

⁸ Skj., A, I, 76–77 (*Glúmr Geirason*, ок. 975).

⁹ Мельникова 1977а, № 29 (Гёкстен, XI в.), № 38 (Мервалла, 1020–1060).

¹⁰ Там же, № 40 (Ода, XI в.), № 64 (Векхольм, церковь, первая половина XI в.).

¹¹ Skj., A, I, 12–13 (*Þjóðólfr ór Hvini*, IX в.).

¹² Мельникова 1977а, № 10 (Фрюгорден, XI в.), № 78 (Стенинге, середина XI в.).

¹³ Там же, № 74 (Рослагс-бру, церковь, первая половина XI в.), № 86 (Фрёсунда, церковь, середина XI в.), № 91 (Энгебю, середина XI в.).

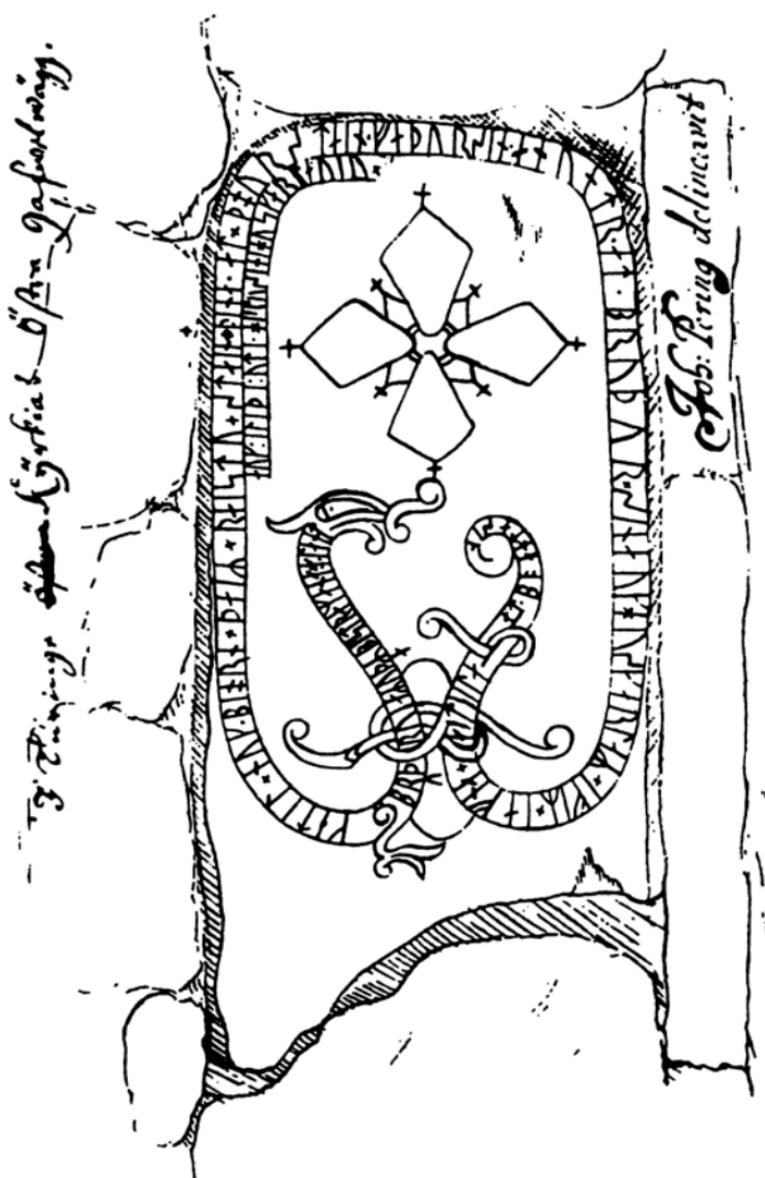

Рис. 1. Рунический камень из Тюринге, Швеция (первая пол. XI в.) в зарисовке Юхана Перингшёльда (конец XVII — начало XVIII в.), установленный в память человека, погибшего «на востоке в Гардах» (см. публикацию текста в: Мельникова 1977а, № 48).

«Земля финнов»¹⁴, *Tafeistaland* «Земля тавастов»¹⁵, *bjarm-skar kindir* «племена бьярмов»¹⁶.

Прибалтийская топонимия связана с морем: это названия мыса Колкасрагс (*Domesnes*)¹⁷, островов Рухну (*Runö*)¹⁸ и Сааремаа (*Sýsla, Eysýsla*)¹⁹, а также нерасшифрованное скальдом выражение «все сюслы» (*allar Sýslur*)²⁰, прочитываемое исследователями, вслед за Снорри Стурлусоном²¹, как обозначение острова Сааремаа и лежащей против него эстонской области Ляэнемаа (*Aðalsýsla* королевских саг).

В древнерусской зоне находятся лишь названия двух городов — *Aldeigja* «Ладога»²² и *Hólmgarðr* «Новгород»²³ и обозначение Руси (*Garðar*)²⁴, возникшее применительно к цепочке укрепленных поселений на берегах Волхова, на начальной стадии пути «из варяг в греки», точнее — на пути от Ладоги до Новгорода²⁵.

¹⁴ Там же, № 18 (Руте, церковь, XII в.), № 76 (Сёдербю, церковь, первая половина XI в.).

¹⁵ Там же, № 15 (Сёдербю, первая половина XI в.).

¹⁶ Skj., A, I, 76–77 (Glúmr Geirason, ок. 975).

¹⁷ Мельникова 1977а, № 38 (Мервала, 1020–1060).

¹⁸ Там же, № 14 (Ульвста, XI в.).

¹⁹ Skj., A, I, 12 (Þjóðólfr ór Hvini, IX в.); Мельникова 1977а, № 65 (Вестра Лединге, XI в.).

²⁰ Ibidem, 202 (Eyjólfur dáðaskáld, ок. 1010).

²¹ ÍF, XXVI, 340–341.

²² Skj., A, I, 201 (Eyjólfur dáðaskáld, ок. 1010).

²³ Мельникова 1977а, № 23 (Халльфреда, середина XI в.), № 57 (Эста, первая половина XI в.) № 89 (Шюста, вторая половина XI в.).

²⁴ Skj., A, I, 157, 201, 202, 222–223, 263, 273, 274, 332, 338, 357–358, 370–371, 385, 391, 394, 395, 414–415, 525, 526; Мельникова 1977а, № 6₂ (Альстад, первая треть XI в.), № 13 (Стура Рюттерн, развалины церкви, середина XI в.), № 16 (Ардре, первая половина XI в.), № 34 (Иннберга, первая половина — середина XI в.), № 48 (Тюринге, церковь, первая половина XI в.), № 51 (Хагстюган, середина XI в.), № 63 (Веда, XI в.), № 68 (Лиссбю, вторая половина XI в.), № 92 (Гордбю, двор церкви, первая половина XI в.).

²⁵ См. Главу 4.

Принципиально важно, что в первом топонимическом пласте нашли отражение три известных скандинавам и весьма важных для них «входа» на Восточно-Европейскую равнину: по Западной Двине; через Финский залив и Ладогу; по Северной Двине. При этом, как можно видеть, лишь западно-двинский путь представлен в древнескандинавской этно-, топо- и гидронимии, формировавшейся в IX—X вв., с достаточной полнотой, что является несомненным свидетельством раннего использования скандинавами этого пути с дальнейшим выходом на Днепр, Десну, Оку, Дон [ср.: Булкин, Дубов, Лебедев 1978, 51—54; Леонтьев 1986, 3—9].

Небезынтересным оказывается хронологическое приурочение этногеографического материала скальдических стихов. Восточная Прибалтика, Север и лишь затем Русь — в таком порядке названные регионы фиксируются в скальдике. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, поскольку множеством других источников отмечается именно такая последовательность движения скандинавских дружин. Тот факт, что Русь представлена только своим самым ранним древнескандинавским наименованием, а также обозначением Ладоги, позволяет думать, что в силу известной консервативности скальдические стихи зафиксировали топонимию самого раннего периода пребывания скандинавов на нашей территории, пока путь по Волхову до Новгорода ими только еще осваивался [Джаксон 1991а, 79—108].

Топонимия королевских и родовых саг

Этногеография королевских саг выступает как прямая наследница традиции скальдических стихов и рунических надписей.

Русский Север — это *Gandvík* «Белое море»²⁶, *Vína* «Северная Двина»²⁷, *bjarmar* «бьярмы»²⁸ и *Vjarmaland* «Земля бьярмов, Бьярмаланд»²⁹.

²⁶ Orkn. s., 1; Fask., 178; ÍF, XXVII, 232.

²⁷ ÍF, XXVII, 229.

²⁸ ÍF, XXVI, 217; ÍF, XXVII, 230, 231.

²⁹ Msk., 297; Fask., 79, 103, 182, 302; ÍF, XXVI, 217; ÍF, XXVII, 227, 228, 229, 250, 253; ÍF, XXVIII, 212.

В прибалтийской зоне ранние саги («Обзор саг о норвежских конунгах», «Сага об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, «Гнилая кожа») фиксируют *Eustrasalt*³⁰, *Eysýsla*³¹, *Eistland*³², *eistr*³³ и *finnar*³⁴, в то время как своды королевских саг («Красивая кожа» и «Крут земной») также добавляют *Aðalsýsla*³⁵ и земли куршей и карел — *Kúrland*³⁶, *kúrir*³⁷, *Kirjálaland*³⁸.

Древняя Русь зовется в этих источниках *Garðar*³⁹, хотя постепенно его место занимает новообразование типа *X-ríki* — *Garðaríki*⁴⁰, а в переводах с латыни она даже называется *Rusia*⁴¹; основные города Руси в ранних королевских сагах — *Aldeigjuborg*⁴², композит типа *X-borg* от скальдического *Aldeigja*, и *Hólmgarðr*⁴³, а в поздних сагах, в силу влияния иной традиции, о которой речь пойдет ниже, по два раза каждый

³⁰ Orkn. s., 1; Fask., 103, 165, 167; ÍF, XXVI, 252.

³¹ Ágrip, 20. Ср.: Fask., 167; ÍF, XXVI, 339; ÍF, XXVII, 9, 10.

³² Ágrip, 20. Ср.: Fask., 79; ÍF, XXVI, 61, 62, 134, 138, 230, 301; ÍF, XXVII, 115, 425.

³³ Ágrip, 20; Ó. Tr. Oddr, 21–24; ÍF, XXVI, 61, 230.

³⁴ Msk., 242, 254, 255, 257, 260, 309, 362, 369, 425; ÍF, XXVI, 29, 37, 92, 126, 135, 136, 221, 323, 324.

³⁵ ÍF, XXVI, 61, 339.

³⁶ Fask., 79; ÍF, XXVII, 115.

³⁷ Fask., 103.

³⁸ Fask., 178; ÍF, XXVII, 115.

³⁹ Ágrip, 26; Ó. Tr. Oddr, 21, 22, 28, 29, 30, 260; Msk., 19, 58, 85–87, 115; Fask., 165, 178; ÍF, XXVII, 84; ÍF, XXVIII, 375.

⁴⁰ Ó. Tr. Oddr, 20, 23, 26, 27, 28, 46, 65; Msk., 1, 16, 17, 58; Fask., 141, 165, 180, 198, 207; ÍF, XXVI, 14, 230, 232, 251, 266, 288, 291, 339; ÍF, XXVII, 71, 83, 147, 148, 328, 338, 339, 341, 346, 370, 403, 415, 436, 439, 440, 441; ÍF, XXVIII, 4, 18, 69, 70.

⁴¹ Ó. Tr. Oddr, 36, 42.

⁴² Ibidem, 259–260. Ср.: Fask., 165.

⁴³ Ágrip, 20; Msk., 64, 85–87, 357. Ср.: Fask., 141, 180, 227, 231, 237, 238, 295.

упоминаются *Kænugarðr* «Киев»⁴⁴, *Pallteskja* «Полоцк»⁴⁵ и *Suðrdalaríki, Súrdalar* «Суздальская земля»⁴⁶.

Исландские родовые саги, естественно, сохранили крайне ограниченное количество восточноевропейских топонимов. Важно отметить, что они в значительной степени соответствуют тому, что представлено в поздних королевских сагах: Русь — *Gardaríki*⁴⁷, Север — *Bjarmaland*⁴⁸ и *Vína*⁴⁹, балтийские племена и земли — *Kirjálaland* и *kirjálir*⁵⁰, *Kúrland*⁵¹, *Rafali*⁵², *Eysýsla*⁵³ и *Aðalsýsla*⁵⁴.

*Топонимия географических трактатов,
скальдических тул
и саг о древних временах*

В географических сочинениях XII—XIV вв. объем сведений о Восточной Европе значительно увеличивается [ср.: Pritsak 1981, 503—550].

К прибалтийским народам и их землям — помимо *Virland*⁵⁵, *refalir*⁵⁶, *kirjálir*⁵⁷, *Kirjálaland*⁵⁸, *Kúrland*⁵⁹, *Lifland*⁶⁰,

⁴⁴ Flat., II, 200, 217.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem, III, 387, 543—544.

⁴⁷ ÍS, III, 199, 200, 202; VII, 301; XI, 62, 182.

⁴⁸ Ibidem, II, 91, 92; VI, 384, 386; XI, 62.

⁴⁹ Ibidem, II, 92.

⁵⁰ Ibidem, 32, 37.

⁵¹ Ibidem, 113, 138.

⁵² Ibidem, XI, 65.

⁵³ Ibidem, 66, 68.

⁵⁴ Ibidem, 279.

⁵⁵ Мельникова 1986, 62/65.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, 94/96.

⁵⁹ Там же, 62/65, 94/96.

⁶⁰ Там же, 62/65.

*Finnland*⁶¹, *Tafeistaland*⁶² и *Eistland*⁶³ добавляются также *Samland* «Самбия»⁶⁴ и *Ermland* «Вармия»⁶⁵.

Трактаты называют восемь древнерусских городов: *Móramar* «Муром»⁶⁶, *Rostofa* «Ростов»⁶⁷, *Súrdalar* «Суздаль»⁶⁸, *Hólmgarðr* «Новгород»⁶⁹, *Pallteskja* «Полоцк»⁷⁰, *Smaleskja* «Смоленск»⁷¹, *Kæpnugarðr* «Киев»⁷² и *Sýrnes Gaðar* «Гнездово»⁷³, при том что Ладога в них не упоминается. Русь — помимо основного обозначения *Garðaríki*⁷⁴ — имеет два «книжных» имени: *Svíþjóð hin mikla / Scythia*⁷⁵ и *Kylfingaland*⁷⁶.

Число известных географическим сочинениям рек тоже увеличивается: это — *Dýna* «Западная Двина», *Nepri* «Днепр», *Nyia* «Нева», *Olkoga* «Волга» и *Kuta* «Кама»⁷⁷.

Значительное число восточноевропейских рек включено и в одну из тул (скальдических перечней) конца XII в. Для этого памятника характерно значительное расширение синонимических групп за счет терминов, не

⁶¹ Там же, 76/78.

⁶² Там же, 62/65.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, 94/96.

⁶⁵ Там же, 62/65, 94/96.

⁶⁶ Там же, 62/65.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, 62/65, 76/78.

⁷⁰ Там же, 62/65, 76/78, 94/96.

⁷¹ Там же, 76/78.

⁷² Там же, 62/65, 76/78, 94/96.

⁷³ Там же, 62/65. См. мою статью: Джаксон 1986.

⁷⁴ Мельникова 1986, 62/65, 76/78, 87/88, 94/96, 134/136, 158/159.

⁷⁵ Там же, 94/96, 134/135.

⁷⁶ Там же, 134/135.

⁷⁷ Там же, 152.

употребленных в более ранней поэзии [Гуревич 1984, 8]. Действительно, все гидронимы, кроме *Vína* «Северная Двина», не встречаются в поэзии скальдов (*Dun* «Дон», *Dýna* «Западная Двина», *Olga* «Волга [?]», *Neptr* «Днепр», *Drofn* «река недалеко от Полоцка») ⁷⁸ и принадлежат к иной этногеографической традиции, нежели та, что нашла отражение в скальдике, рунических надписях и королевских сагах.

В то же время вполне очевидно, что оба исландских жанра XII—XIV вв. — тулы (*bulur*) и географические сочинения, — ставящие своей задачей описание во всех подробностях окружающего мира, восходят к некоей общей традиции, отличной от той, что запечатлелась в раннем пласте. Сведения, содержащиеся здесь, распространяются на территорию, бо́льшую как в широтном, так и в меридиональном измерении: к западу от Западной Двины появляются *Kúrland*, *Samland* и *Ermland*; к востоку от Северной Двины — *Kuma* «Кама»; к югу от Новгорода вырисовывается район Днепро-Двинского междуречья (*Neptr*, *Smaleskja*, *Sýrnes Gaðar*, *Kænugarðr*). На территории Руси фиксируются основные водные артерии и крупнейшие города, относимые летописью к числу древнейших [см.: Древнерусские города].

Саги о древних временах, зачастую развивающие сюжеты саг королевских, содержат и топонимический набор, характерный для этих последних. Русь в них зовется *Gardar* ⁷⁹ и *Gardaríki* ⁸⁰; вновь среди древнерусских городов в них появляется *Aldeigjuborg* «Ладoga» ⁸¹. Север — это

⁷⁸ Skj., A, I, 669–670.

⁷⁹ Fas., II, 293; III, 633.

⁸⁰ Ibidem, I, 370, 413, 417, 458, 459, 461, 509; II, 261, 292–294, 299, 322, 536; III, 114–116, 118, 127, 140, 188, 238, 239, 245, 246, 248, 267, 269, 271, 281, 284, 285, 298, 302, 304, 305, 310, 312–319, 321, 326, 344, 348, 349, 362, 365, 553, 554, 638, 639, 645, 661.

⁸¹ Ibidem, I, 419; III, 272, 321, 520, 521, 523, 533, 539, 548, 552, 640, 646.

*Bjarmaland*⁸² и *bjarmar*⁸³, *Candvík*⁸⁴ и *Vína*⁸⁵. Однако совершенно очевидно, что в сагах о древних временах присутствует известная общность с этногеографией географических трактатов: Прибалтика — это *Ermland*⁸⁶, *Eystland*⁸⁷, *Kirjálaland*⁸⁸, *Kúrland*⁸⁹, *Lifland*⁹⁰, *Refaland*⁹¹, *Samland*⁹² и *Virland*⁹³; русские города, помимо Ладоги, — *Hólmgarðr*⁹⁴, *Kænnugarðr*⁹⁵, *Móramar*⁹⁶, *Ráðstofa*⁹⁷, *Pallteskja*, *Pallteskjuborg*⁹⁸, *Smalenzkia*⁹⁹, *Súrsdalr*¹⁰⁰. Вместе с тем в этом источнике содержатся и дополнительные топонимические данные, происхождение которых еще ждет своего объяснения: в частности, это вымышленные названия типа *Vínunypni* «Устье Вины»¹⁰¹ и *Vínuskógr* «Винский лес»¹⁰², латинизированные обозначения Ру-

⁸² Ibidem, I, 515; II, 28, 30, 171, 174, 187, 192, 204, 207, 241, 242, 244, 247, 281, 360, 509, 612, 515, 521, 525, 532, 534, 539; III, 208, 210, 215–217, 225, 228, 232, 233, 520, 535, 539–541, 552, 554–558, 566–568, 624, 626, 631, 632, 637, 638.

⁸³ Ibidem, II, 175–178, 241, 274, 303, 304, 514, 548; III, 630.

⁸⁴ Ibidem, I, 411; II, 17, 144, 150, 152; III, 557, 652.

⁸⁵ Ibidem, II, 174, 176, 512, 513; III, 626, 637.

⁸⁶ Ibidem, II, 294; III, 248, 362.

⁸⁷ Ibidem, I, 509; II, 294.

⁸⁸ Ibidem, II, 294.

⁸⁹ Ibidem, I, 509; II, 294; III, 256, 439.

⁹⁰ Ibidem, II, 294.

⁹¹ Ibidem.

⁹² Ibidem.

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ Ibidem, I, 528; II, 9, 293–295, 297; III, 237, 334, 362.

⁹⁵ Ibidem, I, 378; II, 294.

⁹⁶ Ibidem, II, 294.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ *Díðreks s.*, II, 62–63; *Fas.*, II, 294.

⁹⁹ *Díðreks s.*, II, 62–63.

¹⁰⁰ *Fas.*, II, 294.

¹⁰¹ Ibidem, II, 28.

¹⁰² Ibidem, III, 208, 217.

си (*Rússía, Rússaland*)¹⁰³ и Новгорода (*Nógarðar*)¹⁰⁴, имена еще двух «русских» городов — *Álaborg* «Алаборг»¹⁰⁵ и *Danparstaðir* «Данпарстадир»¹⁰⁶.

Таблица. Этногеографическая номенклатура скальдических стихов, рунических надписей, королевских и родовых саг, географических сочинений, скальдических тул и саг о древних временах.

	Этноним, топоним, гидроним	Скальды (С) и руны (Р)	Ранние (РК) и поздние (ПК) королевские саги; саги об исландцах (И)	Географические трактаты (Г); тулы (Т); саги о древних временах (Д)
П р и б а л т и к а	Балтийское море	<i>Austmarr</i> <i>Eystrasalt</i>	С С	РК, ПК Д
	Вармия	<i>Ermland</i>		Г, Д
	Вирумаа	<i>Virland</i>	Р	Г, Д
	Западная Двина	<i>Duná</i> <i>Dúna</i> <i>Dýna</i>	Р	Г Т, Д
	Земгалы	<i>Sæmgallir</i> <i>Seimgallir</i> <i>Semigallir</i>	Р	Д Д
В о с т о ч н а я	Карелия	<i>Kirjálaland</i>		ПК, И Г, Д
	Карелы	<i>Kirjálir</i>		И Г
	Колкасагс	<i>Domesnes</i>	Р	
	Курланд	<i>Kúrland</i>		ПК, И Г, Д
	Курши	<i>Kúrir</i>		ПК Д
Ливланд	<i>Lifland</i>	Р		Г, Д
Ляэнемаа	<i>Aðalsýsla</i>		ПК, И	

¹⁰³ Ibidem, III, 362, 365, 529, 556.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ Ibidem, III, 521, 523, 528, 533, 539, 554, 555; (*Áluborg*) III, 248, 322.

¹⁰⁶ Herv. s., 85.

	Этноним, топоним, гидроним	Скаль- ды (С) и руны (Р)	Ранние (РК) и поздние (ПК) королевские са- ги; саги об ис- ландцах (И)	Географиче- ские трактаты (Г); тулы (Т); саги о древних временах (Д)	
Прибалтика	Ревалы	<i>Rafali</i>		И	
	Реваланд	<i>Refalir</i> <i>Refaland</i>		Г Д	
	Рухну	<i>Runö</i>	Р		
	Сааремаа	<i>Sýsla</i> <i>Eysýsla</i>	С Р	РК, ПК, И	
	Сааремаа и Ляэнемаа	<i>allar Sýslur</i>	С		
	Самбия	<i>Samland</i>			Г, Д
	Тавастия	<i>Tafestaland</i>	Р		Г
	Финнланд	<i>Finnland</i> <i>Finnar</i>	Р	РК, ПК РК, ПК	Г, Д
	Финский залив (?)	<i>Hólmshaf</i>	Р		
	Хийумаа	<i>Dagaiþi</i>		РК	
Восточная	Эсты	<i>Eistr</i> <i>Eistneskr</i>	С С Р	РК, ПК	
	Эстланд	<i>Estland</i> <i>Eistland</i> <i>Eystland</i>		РК, ПК	Г Г Д
Древняя Русь	Алаборг	<i>Álaborg</i>			Д
	Волга	<i>Olkoga</i> <i>Olga (?)</i>			Г Т
	Гнездово (?)	<i>Sýrnes Gaðar</i>			Г
	Данпарстадир	<i>Danparstaðir</i>			Д
	Днепр	<i>Nepr</i>			Г, Т
	Дон	<i>Tanais</i> <i>Dun</i>		ПК	Т

	Этноним, топоним, гидроним	Скаль- ды (С) и руны (Р)	Ранние (РК) и поздние (ПК) королевские са- ги; саги об ис- ландцах (И)	Географичес- кие трактаты (Г); тулы (Т); саги о древних временах (Д)
Д р е в н я я Р у с ь	Дрёвн	<i>Dröfn</i>		Т
	Кама	<i>Kama</i>		Г
	Киев	<i>Kænugarðr</i>		ПК Г, Д
	Ладога	<i>Aldeigja</i> <i>Aldeigjuborg</i>	С	РК, ПК Д Д
	Муром	<i>Móramar</i>		Г, Д
	Нева	<i>Nyia</i>		Г
	Новгород (или Рюриково городище)	<i>Hólmgarðr</i>	Р	РК, ПК Г, Д
	Полоцк	<i>Pallteskja</i> <i>Pallteskjuborg</i>		ПК Г, Д Д
	Ростов	<i>Rostofa</i> <i>Ráðstofa</i>		Г Д
	Русь	<i>Garðar</i> <i>Garðaríki</i> <i>Rusia</i> <i>Svíþjóð hin</i> <i>mikla (kal-</i> <i>da) =</i> <i>= Scythia</i> <i>Kylfingaland</i> <i>Ruzaland</i> <i>Ruzcia</i> <i>Rússía</i> <i>Rússaland</i>	С, Р	РК, ПК РК, ПК, И РК, ПК ПК Г Г Г Г Д Д
	Смоленск	<i>Smaleskja</i> <i>Smalenzkia</i>		Г Д
	Суздальская земля	<i>Suðrdalaríki</i> <i>Súrdalar</i>		ПК ПК Г
Суздаль	<i>Súrsdalr</i>		Д	

	Этноним, топоним, гидроним	Скаль- ды (С) и руны (Р)	Ранние (РК) и поздние (ПК) королевские са- ги; саги об ис- ландцах (И)	Географичес- кие трактаты (Г); тулы (Т); саги о древних временах (Д)
С е в е р	Белое море или Ледови- тый океан	<i>Gandvík</i>	С	РК, ПК Г, Д
	Бьярмы	<i>Bjarmskar kindir</i>	С	
	Бьярмаланд	<i>Bjarmar Bjarmaland</i>		ПК РК, ПК, И Г, Д Г, Д
	Северная Двина	<i>Vína</i>	С	ПК, И Г, Т, Д

На основании приведенных фактов можно говорить о существовании в Скандинавии *двух* этногеографических традиций, зафиксированных в скальдических стихах, рунических надписях и ранних королевских сагах, с одной стороны, и в поздних королевских сагах, географических сочинениях, скальдических тулах и сагах о древних временах — с другой, и отражающих определенную пространственную и временную очередность проникновения скандинавов в Восточную Европу. Тот факт, что скандинавское имя Ладоги, *Aldeigja*, встречается в скальдических стихах, Новгорода, *Hólmgarðr*, — в рунических надписях и ранних сагах, а Киева, *Kænugarðr*, — в поздних сагах и географических трактатах (что соответствует реальной последовательности продвижения скандинавов по Восточно-Европейской равнине), объясняет, почему столицей Руси, *Gardaríki*, и центром всех происходящих здесь событий выступает в скандинавских источниках именно Новгород, а не Киев¹⁰⁷.

¹⁰⁷ См. Главу 5.

ГЛАВА 3

AUSTRVEGR — «ВОСТОЧНЫЙ ПУТЬ» СКАНДИНАВСКИХ ВИКИНГОВ

Сведения скандинавов о географии Восточной Европы, нашедшие отражение в памятниках древнескандинавской письменности, не раз являлись предметом изучения. Однако топонимия с корнем *aust-* специального внимания к себе не привлекала. При беглом знакомстве с древнескандинавским материалом создается впечатление, что единого значения в различных источниках (или группах источников) названные топонимы не имеют. Исследователи склонны видеть в этом их неточность, неопределенность [Cleasby and Gudbrandr Vigfusson 1957, 35–36; Свердлов 1973, 49; Мельникова 1977а, 198–199]. Мне, напротив, представляется, что в неоднозначности топонимии с корнем *aust-* можно обнаружить отражение ее реального исторического развития.

Как мы видели в предыдущей главе, совокупное изучение древнескандинавской топонимии Древней Руси приводит к выводу, что хронология письменной фиксации топонимов в значительной степени соответствует последовательности их возникновения в языке древних скандинавов¹. Обращение ко всем памятникам, содержащим сведения о народах Восточной Европы (от рунических надписей до поздних саг), позволяет представить древнескандинавскую топонимию с корнем *aust-* в динамике.

¹ См. также мои статьи: Джексон 1989; Jackson 1993.

Топонимы с корнем *aust-* в рунических надписях и скальдической поэзии

Первым топонимом, при этом с самым широким значением (= территории, лежащие к востоку от Скандинавии: от Восточной Прибалтики до Византии), оказывается существительное *austr* «восток». В этом качестве его используют рунические надписи и скальдические стихи X—XI вв. Случай использования слова *austr* для обозначения местности в пределах Скандинавии встречаются крайне редко [Мельникова 1977а, 79]; напротив, около двадцати пяти рунических надписей, самая ранняя из которых датируется X в., —

stikuR . karþi kubl þau aft auint sunu sin . sa fial austr

StikuR сделал этот памятник по Эйвинду, своему сыну. Он пал на востоке²

— упоминают людей, погибших *austr* «на востоке»³. Скальдических строф, сохранивших этот термин без дополнительного географического уточнения, однако, крайне мало. В качестве примера можно привести строфу из поэмы исландского скальда Глума Гейрасона «Gráfeldardrára», сочиненной им в 975 г.:

Austr rauð jofra þrýstir
orðrakkr fyr bý norðan
brand, þars bjarnskar kindir,
brennanda, sák renna.
Gótt hlaut gumna sættir,
geirveðr, í fgr þeiri,
qðlingi fekksk ungum,
orð, á Vínu borði⁴.

² Челветен, Эстрьётланд (Мельникова 1977а, № 96).

³ Мельникова 1977а, №№ 1, 2(?), 8, 9, 12, 24, 37, 41, 42, 46, 47, 54, 62, 68, 69, 71, 73, 75, 79, 83, 85, 90, 93, 96, 97.

⁴ Skj., A, I, 76. Ср. строфу исландского скальда Оттара Черного из его поэмы «Hqfuðlausn», ок. 1023 г. (Ibidem, 291).

Дерзкий на слово, побеждающий всех конунгов, обагрил сверкающий меч на востоке перед северным селением, там, где я видел, как бегут племена бьярмов. Примиритель мужей снискал себе добрую славу в этом походе: ему, молодому, выпало сразиться на берегу Вины.

В тех же источниках существительное *austr* начинает выступать в функции наречия с косвенным дополнением, уточняющим, где именно на обширном «востоке» происходит действие: например, *austr í Gǫrðum* «на востоке в Гардах», *austr í Grikkjum* «на востоке в Греции» — 10 из 35 упоминаемый *austr* в рунических надписях⁵, как на камне из церкви в Тюринге (Сёдерманланд), установленном в память некоего Торстейна:

... *han . fial . i . urustu . austr . i . garþum ...*

... он пал в битве на востоке в Гардах...⁶,

и значительное число скальдических строф⁷, типа приводимой ниже:

Hilmir lét at holmi

hræskóð roðin blóði

— hvat of dylði þess hǫldar?

hǫrð ok austr í Gǫrðum⁸.

Конунг обагрил свой острый меч кровью на острове и на востоке в Гардах. Зачем же это утаивать?

Именно в последнем качестве существительное *austr* закрепляется в более поздних памятниках, будучи противопоставлено наречию *austan* «с востока».

В древнескандинавских источниках, как отмечалось выше⁹, мы встречаем три взаимозаменяемых двусоставных

⁵ Мельникова 1977а, №№ 13, 26, 34, 39, 48, 59, 63, 70, 78, 95.

⁶ Там же, № 48.

⁷ Skj., A, I, 157, 201, 573, 338, 385, 394, etc.

⁸ Ibidem, 157.

⁹ См. Главу 1.

топонима с корнем *aust-*: *Austrvegr* «Восточный путь», *Austrlond* «Восточные земли» и *Austrríki* «Восточное государство». Смысловые различия названий *Austrvegr*, *Austrlond* и *Austrríki* вытекают из разницы значений их второго компонента. Если *Austrríki* (от *austr* «восток» и *ríki* «государство»), построенное по характерной скандинавской модели для обозначения государственных образований — *X-ríki*, — может относиться только к тому или иному государству на востоке, то *Austrvegr* (от *austr* и *vegr* «путь»)¹⁰ и *Austrlond* (от *austr* и *lond* «земли») имеют более широкое значение (с точки зрения той территории, которая может ими обозначаться). Различие их семантики обусловлено, помимо прочего, и различием грамматической формы: *Austrlond* употребляется только в форме множественного числа. Я склонна считать, что *Austrvegr* относится к тем землям, по которым изначально проходили «Восточные пути», а *Austrlond* где-то приближается по смыслу к *Austrhálf* «Восточная часть», хотя, конечно, значение его более размыто. Думаю, подтверждением сказанному может служить тот факт, что топоним **Norðvegr* (в стянутой форме *Nóregr*) выступает обозначением одной страны на севере

¹⁰ Сохранились следы всех четырех потенциально возможных топонимов, образованных по схеме «страна света + *vegr* / *vegir* (*vegar*)». *Austrvegr* — весьма частотный — сохранился в формах как мн., так и ед. ч., а три других слова зафиксированы лишь по несколько раз в ранних текстах и только в форме мн. ч.: *Vesturvegir* (в значении: «Британские острова») в шведской рунической надписи; *Suðurvegar* («неопределенные южные пути») в эддической «Песни о Гудрун», в «Саге о побратимах» и («южные страны») в «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда Сноррасона; *Norðurvegar* («север») в эддической «Песни о Хельги Убийце Хундинга». Исходно эти названия могли являться обозначениями (возможно, вполне конкретных) многочисленных путей (маршрутов) на восток, запад, юг и север. Есть основания думать, что со временем корень *veg-* в составе названных композитов лишился своей основной семантики, и топонимы на *-vegr* стали обозначать не пути, а земли.

Скандинавского полуострова — Норвегии, а *Norðrlond* — всех Скандинавских стран.

Самым ранним двусоставным топонимом с корнем *aust-*, зафиксированным скандинавской письменностью, является *Austrvegir* (форма мн. ч.) в висе (строфе) из поэмы скальда IX в.¹¹ Тьодольва из Хвинира «Перечень Инглингов» («*Ynglingatal*»):

Ok þat orð
á austrvega
vísa ferð
frá vígi bar,
at þann gram
of geta skyldi
slonguþref
sleipnis verðar [Skj., A, I, 9].

И эту весть на восточные пути принесли из битвы
люди конунга, что тот воин убит был вилами.

Тот же композит в форме ед. ч. (*Austrvegr*) употребляется в пяти рунических надписях XI в. В четырех случаях (равно как и в висе) значение топонима не раскрывается [Мельникова 1977а, №№ 11, 50, 55, 56], в пятом — в надписи первой половины XI в. из Сёдерманланда —

... i . risti . — — — ...in ... sin . han . iR . entapr . i .
austruiki . ut . o . la- ...

... установил (?)... своему. Он умер на восточном
пути далеко в Лангбардаланде (?)

— содержится уточнение, с известными допущениями прочитываемое исследователями как «название Италии» [Там же, № 35].

¹¹ Существует, однако, и иная точка зрения, согласно которой возникновение поэмы относится к гораздо более позднему времени. См.: Krag 1991.

В вйсе Глума Гейрасона из «Gráfeldardrára» используется композит *Austrlǫnd* (это — его первая фиксация):

Austrlǫndum fórsk undir
allvaldr, sás gaf skǫldum,
hann fekk gagn at gunni,
gunnhǫrga slǫg mǫrgum.
Slíðrtungur lét syngva
sverðleiks reginn. Ferðir
sendi gramr at grundu
gullvarpaðar snarpar [Skj., A, I, 76].

Всемогущий, который дал оружие многим скальдам, покорил Восточные земли; он одержал победу в битве. Владыка битвы заставил петь меч. Конунг поверг наряженных в золото храбрейших людей на землю.

Поэтический текст не дает возможности определить, что понимал скальд X века под интересующим нас наименованием, но через строфу в той же поэме¹² он употребил топоним *austr*, говоря о битве конунга с *бьярмами* на берегу реки *Вины* (Северной Двины), так что можно лишь предположить, что топонимы у него синонимичны и обозначают какие-то области севера Восточной Европы (от Балтийского моря до Подвинья).

Таким образом, в памятниках IX—XI вв. находит отражение начальная стадия развития топонимии с корнем *aust-* (*austr* и производные от него), соответствующая первому этапу освоения скандинавами Восточной Европы, имевшему место несколькими веками раньше, чем были сочинены скальдические стихи и возведены рунические мемориальные камни [Lebedev 1980, 90—91, 94—95]. Значение рассматриваемых нами топонимов было чрезвычайно широко, и они могли покрывать собой любые территории к востоку от Скандинавии.

¹² См. выше.

Топонимы с корнем *aust-* в ранних королевских сагах

В ранних сагах («Обзор саг о норвежских конунгах», ок. 1190 г.; «Сага об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, ок. 1190 г.; составленная из не дошедших до нас саг «Гнилая кожа», до 1220 г.) фиксируется следующая стадия развития изучаемой топонимии: *austr* как топоним не употребляется, но нередко используется в качестве наречия; композиты *Austrvegr* и *Austrlond*, равно как и *Austrriki*, выступают в качестве наименования земель по пути «из варяг в греки» [Лебедев 1975, 37–43; Седов 1976, 134–136]. Так, в «Обзоре» говорится, что после гибели Олава Святого его сводный брат Харальд Сигурдарсон «бежал... из страны (из Норвегии. — Т. Д.) и в Восточные пути, и так в Миклагард (Константинополь. — Т. Д.) (*fljóði... braut úr landi ok í Austrvega ok svá til Miklagarðs*)» [Ágrip, 32], а через некоторое время пустился в обратный путь «из Гарда (Миклагарда. — Т. Д.) через Восточный путь (*heim ór Garði um Austrveg*)» [Ibidem, 36]. В «Гнилой коже» поездка Харальда из Миклагарда описывается таким образом: «отправился он через Восточное государство в Хольмгард (Новгород. — Т. Д.) (*þaðan feR hann um austrriki til Holmgarðs*)» [Msk., 85].

Византия явно исключается здесь из числа земель, обозначаемых данными топонимами, — Русь, напротив, в ряде случаев оказывается единственным их наполнением. Так, в «Саге об Олаве» монаха Одда рассказывается о Виссивальде, «конунге Восточного пути (*Austrvegs konungr*)» [Ó. Tr. Oddr., 107], а в «Круге земном» Снорри Стурлусона он назван «Виссивальдом, с востока из Гардарики (*Vísivaldr austan ór Garðaríki*)» [ÍF, XXVII, 436]. В «Обзоре» говорится, что Ингигерд, дочь Олава Шведского, была отдана в жены «Ярицлаву, конунгу Восточного пути (*Jarizláfi Austrvegs konungi*)» [Ágrip, 26], которого Снорри в «Круге земном» называет «Ярицлейв, конунг с востока из Хольмгарда (*Jarizleifr konungr austan ór Hólmgarði*)» [ÍF, XXVII, 147]. В «Обзоре» также повествуется о том, как родовитые норвежцы отправились за Магнусом, сыном конунга Олава,

воспитывавшимся на Руси, «в Восточные пути к конунгу Ярицлаву (*sóttu í Austrvega til Jarizláfs konungs*)» [Ágrip, 32]; герои «Гнилой кожи», обсуждая целесообразность поездки «в Восточный путь (*i Austrveg*)», высказывают опасение, что препятствием окажется «немирье» (отсутствие торгового мира) между конунгами Ярицлейвом и Свейном [Msk., 6].

Таким образом, можно утверждать, что на втором этапе своего развития, зафиксированном в ранних королевских сагах, топонимия с корнем *aust-* отражает (естественно, не точно хронологически) существование Волховско-Днепровского пути «из варяг в греки» и роль Руси на этом пути. Это означает, что топонимия ранних королевских саг складывалась в конце IX или в начале X в.

Топонимы с корнем *aust-* в более поздних источниках

Дальнейшее развитие топонимии с корнем *aust-* связано как с исторической ситуацией — прекращением функционирования пути «из варяг в греки», изменением характера русско-скандинавских отношений [Лебедев 1982, 188—190], так и с «литературной жизнью» топонимов. В сводах королевских саг «Красивая кожа» (ок. 1220 г.) и «Круг земной» (ок. 1230 г.)¹³ достаточно последовательно для обозначения Руси используется окончательно сформировавшийся к этому времени топоним *Garðaríki* (вторичное образование от *Garðar*)¹⁴, который «вытесняет на запад» «Восточный путь»¹⁵.

Чтобы определить, применительно к каким землям используется в это время топонимия с корнем *aust-*, стоит обратиться к речи лагмана (законоговорителя) Торгнира, адресованной

¹³ Следует подчеркнуть, что «Гнилая кожа» может, с одной стороны, рассматриваться в одном ряду с прочими сводами королевских саг 1220—1230 гг., но, с другой стороны — и среди тех оригинальных саг, «которые, как кажется, возникли на большом взрыве литературной активности между 1190 и 1220 гг.» (Andersson 1985, 213, 216—219). Особый характер «Гнилой кожи» находит отражение, среди прочего, и в топонимии.

¹⁴ См. Главу 4.

¹⁵ Ср. мои статьи: Джаксон 1976; Джаксон 1988.

шведскому конунгу Олаву на тинге в Упсале 15 февраля 1018 г., как ее передает Снорри Стурлусон в «Круге земном»:

Þorgnýr, fǫðurfaðir minn, munði Eirík Urpsalakonung
Emundarson ok sagði þat frá honum, at meðan hann var
á léttasta aldri, at hann hafði hvert sumar leiðangr úti ok
fór til ýmissa landa ok lagði undir sik Finnland ok Kirjálal-
land, Eistland ok Kúrland ok víða um Austrlǫnd. [...] En ef þú vill vinna aptr undir þík ríki þau í Austrvegi, er
frændr þínir ok forellri hafa þar átt, þá vilium vér allir fylg-
ja þér þar til [ÍF, XXVII, 115–116].

Торгнир, мой дед по отцу, помнил Эйрика Эмун-
дарсона, конунга Упсалы, и говорил о нем, что, пока
он мог, он каждое лето предпринимал поход из своей
страны и ходил в различные страны, и покорил
Финнланд и Кирьялаланд, Эйстланд и Курланд и
много [земель] в Аустрлэнд. [...] А если ты хочешь
вернуть под свою власть те государства в Аустрвеге,
которыми там владели твои родичи и предки, тогда
все мы хотим следовать в этом за тобой.

В процитированном выше тексте имя *Austrlǫnd* относится к землям *í Austrvegi* «по Восточному пути» и включает *Finnland* «Землю финнов», *Kirjálaland* «Землю карел», *Eistland* «Землю эстов», *Kúrland* «Землю куршей». Термин *Austrvegsmenn* (мн. ч. от *Austrvegsmáðr*) «жители Восточного пути» позволяет выявить другие народы и земли по «Восточному пути». Так, Магнус Добрый, назначая Свейна Ульвсона править в свое отсутствие Данией, замечает:

...en þat er, sem þér vituð, mjök herskátt af Vinðum ok
Kúrum ok gðrum Austrvegsmönnum eða svá Sǫxum
[ÍF, XXVIII, 37].

...а на нее, как тебе известно, совершают многочис-
ленные нападения венды и курши, и другие жители
Восточного пути, а также саксы.

Эти слова указывают на то, что даны и саксы не входили, по представлениям того времени, в число «жителей Восточного пути», в то время как к ним причислялись венды (прибалтийские славяне).

Таким образом, из источников следует, что на третьем этапе своего развития топонимия с корнем *aust-* относится к территориям, заселенным прибалтийскими славянами, эстами, куршами, карело-финнами, т. е. к Юго-Восточной Прибалтике.

Austrvegr обозначает только прибрежные земли, вдоль которых шел путь, в отличие от термина *Austrlond*, имеющего более широкое значение. Примечательно, что поздние своды королевских саг (равно как и самые ранние источники — скальдические стихи и рунические надписи) не используют топонима *Austrriki*. Если для ранних источников причина кроется в том, что этногеографическая номенклатура скальдических стихов и рунических надписей сформировалась до того, как в XI—XII вв. сложилась в древнескандинавской письменности модель *X-riki* для обозначения государственных образований [Krag 1971, 341—354], то с поздними источниками ситуация иная. В тот исторический момент, когда топонимия с корнем *aust-* начинает относиться к Восточной Прибалтике, для топонима *Austrriki* там не находится государственного образования, «достойного» этого имени.

Следует отметить, что неопределенность и нетерминологичность топонимии с корнем *aust-* делают ее практически неприемлемой для употребления в географических сочинениях XII—XIV вв. [Мельникова 1986, 196]. Только один текст сообщает, что «через Данию море поворачивает в Восточный путь (*i gegnum Danmork gengr sior i austr-veg*)» [Там же, 76/78], а другой использует термин *Austrriki* для объяснения происхождения имени *Asia* [Там же, 86/87].

В целом, сколь ни парадоксально может прозвучать такой вывод, развитие семантики древнескандинавских топонимов с корнем *aust-* является своеобразным отражением этапности развития русско-скандинавских отношений IX—XI вв. и происходивших в это время в Восточной Европе социально-политических процессов.

ГЛАВА 4

GARÐARÍKI: «СТРАНА ГОРОДОВ» ИЛИ «СТРАНА УКРЕПЛЕНИЙ»?

Вопрос о скандинавских наименованиях Руси в письменных памятниках конца X — XIII в. неоднократно привлекал внимание исследователей русско-скандинавских отношений и собственно русской истории раннего средневековья. Зачастую различия между топонимами *Garðar* и *Garðaríki* не проводилось: они рассматривались как взаимозаменяемые разновидности какого-то единого имени. Большинство историков, однако, останавливалось лишь на топониме *Garðaríki*, более позднем чем *Garðar*, имеющем более широкое распространение в древнескандинавской письменности¹.

Толкования. Методология

Толкования топонима *Garðaríki* различны. Так, составители исландско-английского словаря, крупные авторитеты в области древнеисландского языка, Ричард Клизби и Гудбранд Вигфуссон полагали, что имя было образовано от крепостей

¹ Мне представляется, что суть противопоставления *Garðar* и *Garðaríki* не сводится к тому, что первая — «более общеупотребительная форма», а вторая является «книжной, литературной» (Рыдзевская 1922, 109). Здесь важен хронологический аспект: как следует из материала источников, *Garðar* предшествует *Garðaríki* и постепенно этой последней вытесняется.

и укреплений, *garðar*, возводимых скандинавами на территории славянского населения, и что за словом стоит та же история, что за *castles* «замками» римлян в Англии². В. Н. Татищев переводил *Garðaríki* как «Великий град» [Татищев 1962, 283], традиционным же в русской историографии стал перевод «Страна городов» [Ключевский 1923, 157³; Грушевский 1911, 450; Погодин 1914, 31]. Позиция русских историков определилась, по-видимому, не без влияния В. Томсена, полагавшего, что в тех случаях, когда речь шла о топонимах, связанных с Восточной Европой, древнеисландское *garðr* принимало значение русского слова *город* [Thomsen 1879, 83; Томсен 1891, 73–74]. Эта точка зрения укоренилась и в советской историографии [Греков 1959, 305; Мавродин 1946, 163; Тихомиров 1956, 9]. Е. А. Рыдзевская в специальной статье, посвященной анализу этого топонима, пришла к выводу, что «*Garðaríki* есть действительно 'Страна городов', как переводили... русские историки, но слово *garðr* в его составе не имеет присущего ему в древнескандинавском значения, а является своего рода народной этимологией, приспособлением близкого слова, взятого из чужого языка, к своему» [Рыдзевская 1924, 151]. С. Роспонд увидел здесь «кальку» древнерусского названия: «*Garda-riki* — слав. *gard* + герм. *riki*» [Роспонд 1972, 86–87]. Н. Д. Русинов на основании очень маловероятных фонетических переходов объединил толкования В. Н. Татищева и В. О. Ключевского, представив картину развития топонима *Гардарик* (sic! — Т. Д.) таким образом, что первоначальный топоним *Garðrrikr* (из *garðr Ríkr*) обозначал «не страну и не область, а город» («город Великий»), но в дальнейшем это название «было переосмыслено и изменено: *Garðaríki* — 'страна городов'» [Русинов 1976, 109–110]. Обратившись к анализу всех восточно-европейских топонимов с корнем *garð-*, Е. А. Мельникова заключила, что «в XI–XII вв. топоним *Garðar*, окончательно утративший связь с исходным значением слова *garðr*, оформляется

² Первое издание словаря — 1874 г. Цит. по изд.: Cleasby and Gudbrandr Vigfusson 1957, 192

³ Ср. перевод «Царство городов» в издании 1937 г., с. 129.

Рис. 2. Русский город (рис. А. Олеария, перв. пол. XVII в.)

в соответствии с моделью *X-ríki*, служащей для обозначения государства — *Garðaríki...*» [Мельникова 1977б, 206–207].

Наиболее верной с методической точки зрения мне представляется незаслуженно обойденная в литературе молчанием трактовка вопроса о соотношении двух наименований Руси в статье Ф. А. Брауна [Braun 1924, 192–196]. Недоучет этой работы, скорее всего, объясняется тем, что базирующиеся на блестящем знании древнескандинавского материала выводы и наблюдения автора в тексте статьи (в силу ограниченности ее объема) этим материалом не всегда подтверждаются. По мнению исследователя, форма *Garðaríki* является творением исландцев, записывавших саги (начиная с конца XII в.). До этого времени (в X, XI и XII вв.) на всем Скандинавском полуострове использовалась для обозначения Руси форма *Garðar*. И вопрос о значении данных топонимов надо решать не на основании позднейшего *Garðaríki*, а только с учетом исходного *Garðar* [Ibidem, 195]. Следуя этому указанию, обратимся к источникам.

Источники

Топоним *Garðar* встречается впервые в виле Халльфреда Трудного Скальда (*Hallfreðr Vandræðaskáld*), исландского

скальда, умершего около 1007 г., во второй строфе его поэмы «*Óláfsdrápa*» (996 г.) [Skj., A, I, 157]. Эта виса, правда, сохранилась в двух сводах королевских саг записи первой трети XIII в., в «Красивой коже» и в «Круге земном» [Fask., 108; ÍF, XXVI, 253], но, по общему признанию исследователей, скальдические стихи не подвергались искажениям либо дополнениям в процессе их бытования в устной традиции, равно как и при записи их в качестве цитат в более поздних сагах (по причине трудного стихотворного размера, своеобразного порядка слов, сложного поэтического языка этих стихов)⁴.

В скальдических стихах IX—XII вв. Русь представлена только своим самым ранним древнескандинавским наименованием *Garðar*, поскольку эти стихи зафиксировали топонимию самого раннего периода пребывания скандинавов на нашей территории, когда ими еще только осваивался путь по Волхову до Новгорода. Даже скальды XI в., бывавшие на Руси со своими конунгами, не использовали ничего, кроме традиционного и очень древнего обозначения Руси.

В рунических надписях XI в. топоним *Garðar* фиксируется девять раз [Мельникова 1977а, №№ 6, 13, 16, 34, 48, 51, 63, 68, 92], семь раз со всей определенностью, при том что имеется два гипотетических прочтения [Там же, №№ 13 и 68].

В «Обзоре саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.) в русских фрагментах один раз упоминается *Garðar* и пять раз *Austrvegr* «Восточный путь», служащий здесь наименованием Руси [Ágrip, 26, 27, 32, 36]. В «Саге об Олаве Трюгвасоне» монаха Одда (ок. 1190 г.) Русь обозначается при помощи топонимов с корнем *aust-* 3 раза, *Garðar* — 7 раз, *Garðaríki* — раз и 1 раз *Garðaveldi*. Соотношение тех же топонимов в «Гнилой коже» (до 1220 г.): *Austrvegr*, *Austrríki* и *Garðar* — по два раза каждый и один раз *Garðaríki*.

⁴ См.: Джаксон 1991а, 79–108. Из 21 скальдической строфы конца X — XI в., содержащейся в сводах королевских саг «Гнилая кожа», «Красивая кожа» и «Круг земной», 13 упоминают Русь — *Garðar*.

В «Красивой коже» (ок. 1220 г.) топонимы *Garðar* и *Garðaríki* выступают примерно в равном соотношении, с некоторым перевесом в пользу более поздней формы. В «Круге земном» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) лишь форма *Garðaríki* используется в качестве названия Руси.

Во всем корпусе саг о древних временах сочетание *austr í Gögðum* «на востоке в Гардах» встречается лишь два раза.

Таким образом, мы имеем свидетельство того, что уже в конце X в. топоним *Garðar* имел распространение в древнескандинавском языке, а в XIII в. практически вышел из употребления и был заменен более поздним образованием — *Garðaríki*⁵.

Возникновение топонима *Garðar*

Естественно встает вопрос о том, как возник, применительно к Руси, топоним *Garðar*. Трудно согласиться с утверждением, что «название Руси *Garðr* (sic! — Т. Д.)» есть «производное от *Hólmgarðr*» [Мельникова 1977б, 204]. Прежде всего в нем происходит смешение двух совершенно различных топонимов *Garðr* и *Garðar*, ибо, в отличие от второго, первое является сокращенной формой от обозначения Константинополя *Miklagarðr*. Далее, этого мнения не подтверждают скальдические стихи, поскольку *Hólmgarðr* «Новгород» им не известен вовсе, а Русь упоминается в них неоднократно и именно в форме *Garðar*. Не дают достаточных оснований для выводов такого рода и рунические надписи, ибо в них на девять упоминаний *Garðar* приходится три упоминания *Hólmgarðr* [Мельникова 1977а, №№ 23, 57, 89], причем и тот и другой топонимы встречаются в надписях, датируемых первой половиной, серединой и второй половиной XI в. Таким образом, датировка топонима *Hólmgarðr* IX веком, а *Garðar* — XI веком [Мельникова 1977б, 207, таблица] является, на мой взгляд, противоречащей материалу источников.

⁵ Эти данные лишний раз подтверждают тот факт, что динамика развития топонимии эпохи викингов определяется не исторической реальностью, а временем возникновения и записи того или иного рода древнескандинавских памятников.

Рис. 3. Основание Новгорода
(миниатюра Радзивилловской летописи, конец XV в.)

Данные источников со всей определенностью говорят о том, что топонимы *Garðar* и *Hólmgarðr* возникли примерно в одно и то же время, и это ставит под сомнение тезис о десемантизации корня *garð-* в одном из них [Там же, 205 и след.]⁶. Полнозначность древнескандинавского имени Руси *Garðar* не вызывает сомнения, и ниже предпринимается попытка определить его семантическое наполнение.

Древнескандинавское слово *garðr* имеет следующие значения: 1) ограда, забор, укрепление; 2) двор, огороженное пространство; 3) двор, владение (княжеский двор), небольшое владение, земельный участок, хутор (в Исландии), дом (в Норвегии) [Cleasby and Gudbrandr Vigfusson 1957, 191–192; Baetke 1964,

⁶ С моими возражениями против тезиса Мельниковой о постепенной десемантизации форманта *-garðr* и превращении его в словообразовательный элемент (сформулированными мной в: Древнерусские города, 120), выразил согласие Ф. Б. Успенский (см.: Успенский 1997а, 51–67).

186; Holthausen 1948, 80; Alexander Jóhannesson 1956, 364; de Vries 1961, 156; Ásgeir Blöndal Magnússon 1989, 230]. Но все эти значения сами по себе не могут объяснить, почему форма множественного числа этого существительного, *Gardar*, стала обозначением Руси, почему на ее основе возник топоним *Gardaríki*, почему корень *gard-* вошел составной частью в названия городов: *Hólmgarðr* «Новгород», *Kæpnugarðr* «Киев», *Miklagarðr* «Константинополь», почему, наконец, это существительное стало вообще обозначать «города» в словосочетании *hofuð gardar* [Нб., 155] вместо традиционно *hofuð borgar*.

Использование корня *gard-* для оформления именно восточноевропейской топонимии заставило исследователей обратить внимание на связь древнеисландского *garðr* и древнерусского *городъ*, *градъ*. Для древнерусского слова выделяются такие основные значения: 1) ограда, забор; 2) укрепление, городские стены, крепость; 3) полевое оборонительное сооружение; 4) поселение, административный и торговый центр [Срезневский 1958, 555—556; Старчевский 1899, 146; Кочин 1937, 66—67]. Развитие этого значения таково: «ограда, забор» > «огражденное место» [Шанский 1972, 139].

На том основании, что *garðr* и *городъ* — слова родственные [Фасмер 1986, I, 443; de Vries 1961, 156; Holthausen 1948, 80] и в них выделяется одно и то же значение («ограда, забор, укрепление»), можно заключить, что в определенном временном срезе они были тождественны по значению. Однако большинство историков для сопоставления с древнеисландским *garðr* брало русское слово *город* с более поздним семантическим наполнением, понимая под *городом* отделенный от сельской местности укрепленный населенный пункт, центр ремесла и торговли. Так, С. Рожнецкий полагал, что «в древнескандинавском *garðr* обнаруживается семасиологическое влияние русского языка на древнескандинавский, ибо *garðr* собственно только ‘забор, ограда, двор’, но принимает значение ‘город’, когда речь идет о русских городах» [Рожнецкий 1911, 62]. В. А. Брим считал, что *garðr* в сочетании *austr i Gørðum* «следует понимать не в обычном значении

‘огороженное место’, а в приближении к почти однозвучному русско-славянскому ‘город-град’» [Брим 1931, 229]. Ссылаясь на упоминавшуюся мною выше работу Ф. А. Брауна, Е. А. Рыдзевская утверждала, будто, по Брауну, «в применении этого слова к русским городам ... следует видеть не древнескандинавское слово *garðr* с присущим ему в этом языке смыслом и значением, а переделку на скандинавский лад русского *городъ*» [Рыдзевская 1924, 149]. Мне представляется, что Ф. А. Браун все же говорил не о «приспособлении», «переделке» или «приближении» искомых слов, а об их тождестве: «...*Гардар* как имя страны является просто общим обозначением русских градов...» [Braun 1924, 195]. На этом моменте, однако, кончается совпадение моих взглядов с позицией Ф. А. Брауна, объяснявшего возникновение древнескандинавского имени Руси *Garðar* «Грады» тем, что скандинавские пришельцы на Русь уже в IX в. заставляли здесь многочисленные города, которые были единственными государственными организациями и вокруг которых выкристаллизовывались более или менее твердые политические образования — волости [Ibidem, 195–196]⁷.

Скандинавское наименование Руси должно было сложиться в IX в., поскольку археологически скандинавы на Руси (за исключением Старой Ладogi, где их следы датируются 760-ми гг.) [Stalsberg 1982, 283] прослеживаются именно начиная со второй половины IX в. [Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1980]. Первая же фиксация топонима *Garðar*, как мы видели выше, — 996 г. Но что дало основание скандинавским пришельцам назвать область расселения восточных славян второй половины IX — X в. (точнее — северо-запад Восточной Европы, поскольку в этом районе скандинавы появились раньше всего и с ним всего теснее были связаны) — *Garðar*? Каков был характер поселений в указанное время на означенной территории?

⁷ Вновь возродившаяся и нашедшая своего сторонника в лице И. Я. Фроянова (Фроянов 1980, 216–243), эта теория городов-государств была подвергнута справедливой критике (Пашуто 1982, 178; Свердлов, Шапов 1982, 183–184).

Все предшествующее рассуждение приводит к выводу, что это должны быть укрепленные поселения, но не города в более позднем понимании⁸. Археологические материалы говорят за то, что даже в конце X — начале XI в. в Новгородской земле было всего три города (Псков, Новгород и Ладога), при общем числе древнерусских городов не более двадцати одного [Куза 1983, 21–22]. В то же время, в Новгородской земле насчитывается (по данным разведочных обследований) не менее двадцати укрепленных поселений, относящихся к эпохе сложения Древнерусского государства [Булкин, Дубов, Лебедев 1978, 77].

Проведенный Е. Н. Носовым анализ топографии кладов кувшинных монет VIII–X вв. подтвердил выдвигавшееся уже в науке [Рыбаков 1948, 346–349; Янин 1956, 103] положение о том, что в Ильменском бассейне смыкались два важнейших торговых пути средневековья, пересекавших Восточную Европу, — Балтийско-Волжский путь и путь «из варяг в греки» [Носов 1976, 96–110]. Именно в этом районе, в центре складывающейся Новгородской земли (по р. Волхов, в низовьях рек, впадающих в оз. Ильмень, и по р. Поле), и находились означенные укрепленные поселения [Носов 1977, 9, 21]. Они служили убежищем для населения близлежащей округи, а кроме того, были опорными и контрольными пунктами на водных дорогах [Носов 1981, 21], зачастую они располагались на наиболее сложных участках водных магистралей, что характерно, в первую очередь, для поселений на берегах Волхова [Носов 1977, 21; Носов 1981]⁹.

⁸ П. А. Раппопорт определяет городища VIII–X вв. как «остатки укрепленных поселений свободной территориальной, общины». Но в X в., по мнению исследователя, число их уменьшается и появляются «феодалные владельческие усадьбы-замки» (Раппопорт 1956, 28). Именно в этом последнем значении понимал П. Н. Третьяков упоминаемые в летописном рассказе о мести Ольги за убийство Игоря в 946 г. древлянские «грады» (Третьяков 1952, 64–68).

⁹ Существует также мнение, что размещение археологических памятников вдоль Волхова свидетельствует об определенной этапности речного движения (Кирпичников 1976, 96).

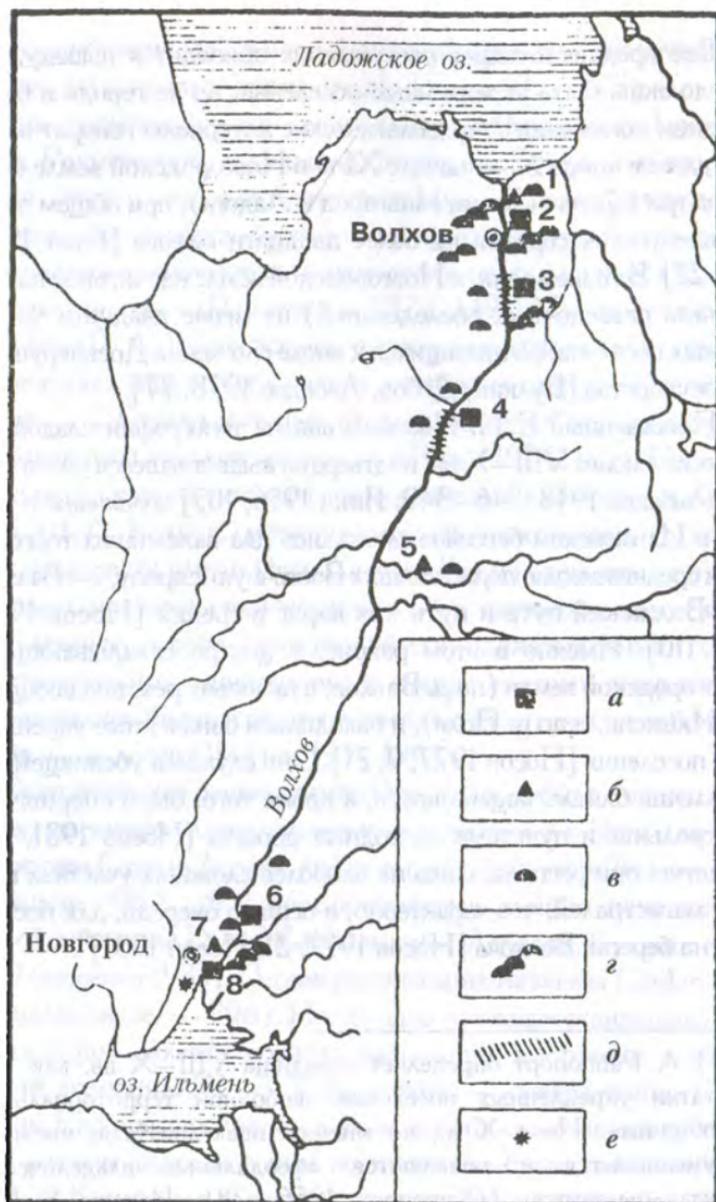

Рис. 4. Археологические памятники по реке Волхов
(воспроизводится по: Носов 1981, 19)

Условные обозначения: *a* — укрепленное поселение; *b* — неукрепленное поселение; *v*, *z* — погребальные памятники; *d* — пороги; *e* — Перынь; 1 — Горча-Городище; 2 — Любша; 3 — Новые Дубовики; 4 — Городище; 5 — Серебряницы; 6 — Холопий городок; 7 — Мыза Сметаннина; 8 — Новгородское (Рюриково) городище.

Таким образом, скандинавы, отправляясь из Ладоги по Волхову¹⁰ в глубь славянской территории¹¹, встречали на своем пути цепочку укрепленных поселений¹², называемых местными жителями *городами*. Поэтому вполне естественно, что на первом этапе знакомства с Русью скандинавы стали называть страну *Gardar* «Города (= Укрепления)».

О топониме *Gardariki*

Образованный на основе более ранней формы композит *Gardariki*, впервые зафиксированный в географическом сочинении последней четверти XII в., а также нашедший отражение в сводах королевских саг записи первой трети XIII в., нужно понимать, вероятно, уже не как «Страну укреплений», но как «Страну городов», поскольку соответствующий древнескандинавскому *gardr* древнерусский термин *городъ/градъ* означал к этому времени «укрепленное место, огороженное поселение» и «город» в привычном для нас смысле. И хотя в XI–XII вв. в скандинавской письменности формируется модель *X-riki* для обозначения государственных образований, тем не менее вряд ли можно в форме *Gardariki* видеть лишь продукт литературного творчества. Скорее, следует говорить о логической эволюции топонима *Gardar*, определяемой социально-экономическим развитием Древнерусского государства и всем комплексом социально-политических и этнокультурных связей Руси и Скандинавии.

¹⁰ О преимущественном использовании водных (а не сухопутных) путей в окрестностях Ладоги см.: Кирпичников 1979, 103.

¹¹ Археологические материалы позволяют говорить о славянской колонизации в Приильменье в VIII–IX вв. (см.: Носов 1976, 108–109).

¹² Помимо Старой Ладоги, это — Любша, Новые Дубовики, Городище, Холопий городок, Новгородское (Рюриково) городище и др. (см.: Носов 1981).

ГЛАВА 5

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА

В памятниках древнескандинавской письменности содержатся упоминания двенадцати городов, соотносимых как авторами этих сочинений, так и их последующими издателями и комментаторами с древнерусскими городами: это *Hólmgarðr*, *Aldeigjuborg*, *Kænugarðr*, *Pallteskja*, *Smaleskia*, *Súrdalar*, *Móramar*, *Rostofa*, *Sýrnes*, *Caðar*, *Álaborg*, *Danparstaðir*. Первые восемь из них практически однозначно отождествляются исследователями с Новгородом, (Старой) Ладогой, Киевом, Полоцком, Смоленском, Суздалем, Муромом и Ростовом. Остальные четыре названия имеют не столь однозначные толкования¹.

Прежде всего, перечисленные выше города — это самые крупные древнерусские города и притом древнейшие: семь из них входят в число десяти городов, относимых русской летописью к IX веку. Более того, со всей очевидностью проступает их «водноторговый» характер², их связь с важнейшими торговыми путями рубежа первого и второго тысячелетий: так, Полоцк, Смоленск, Муром, Ростов и Суздаль принадлежат водной магистрали Западная Двина — Днепр — Ока — Волга; Ладога, Новгород, Смоленск, Киев — этапы пути «из варяг в греки» (Волхов — Ловать — Днепр). Скорее всего, именно этим обстоятельством объясняется знакомство скандинавов

¹ См. о них ниже в этой Главе.

² Мачинский 1982, 19.

с названными городами и фиксация этих топонимов в древнескандинавской письменности.

Число древнерусских городов в этих источниках, естественно, выглядит весьма незначительным при сравнении с общим количеством собственно скандинавских городов, названных в тех же памятниках, или английских³, равно как и с тем числом древнерусских городов IX—XIII вв., которое известно по русским летописям и археологическим исследованиям, а их — более 400 (271 городской пункт, по подсчетам М. Н. Тихомирова [Тихомиров 1956, 42]⁴, плюс 143 города, попавшие на страницы летописи лишь во второй половине XIII — XV в., но «удревленные» стараниями археологов [Куза 1975б, 62—65; Куза 1983, 4—5]). Эти данные тем не менее не являются свидетельством слабого знакомства скандинавов с Русью — обнаруженные археологами следы пребывания скандинавов на нашей территории говорят об обратном [Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1980; Stalsberg 1982]. В приведенных цифрах следует видеть отражение специфики скандинавских письменных памятников, не фиксирующих своего внимания на географии соседних земель и, может быть, приурочивающих место действия за пределами Скандинавии к ряду наиболее привычных, трафаретных областей или пунктов [Джаксон 1978, 142]⁵, использующих для описания древнерусского города стереотипную формулу,

³ Так, только в «Круге земном» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) названы 11 английских городов (Лондон, Йорк, Гримсби, Саут-Йорк, Кентерберн, Уинчестер, Скарборо, Гастингс, Стамфорд-бридж, Уитби и неидентифицированный *Касталабрюгья*).

⁴ Иной точки зрения, однако, придерживается П. А. Раппопорт. Исходя из размеров укрепленной площади упомянутых летописью городов, он утверждает, что «в XII—XIII вв. на Руси было не 250 городов, а во всяком случае не более 100» (см.: Раппопорт 1967, 5).

⁵ Трафаретными в древнескандинавской литературе стали те области, которые чаще других посещались скандинавами в период викингской активности, о чем говорят и археологические находки в этих районах.

общую для городов Скандинавии, Руси, Западной Европы. И все же эти данные являются несомненным свидетельством непосредственного и длительного знакомства норманнов с магистральными путями и расположенными на них центрами.

Сведения о городах в источниках — разнохарактерные и весьма специфические: от точечных упоминаний имен и самых общих, типизированных представлений до конкретных деталей, верифицируемых другими источниками, и порой просто уникальных.

Новгород

Наиболее известный (он встречается более ста раз во всех видах древнескандинавских источников, за исключением скальдических вис) — *Hólmgarðr* (Новгород). Прежде всего, он выступает в качестве столицы *Гардарики* (Руси), где находится и «главный стол конунга Гардов» (*Í Hólmgarðaborg er mest atsetr Garðakonúngs*) [Fas., III, 362]. В целом же Новгород представлен в самом обобщенном виде: здесь находится двор конунга («Сага об Олаве Трюгтвасоне») и специально построенные палаты для княгини Ингигерд («Гнилая кожа»), палаты для варягов, нанимающихся на службу к Ярославу («Прядь об Эймунде»), церковь Св. Олава («Сага об Олаве Святом»), торговая площадь («Сага об Олаве Трюгтвасоне»), — т. е. перед нами как бы некий традиционный набор характеристик столичного города. Почти все события, происходящие на Руси, связываются в сагах с Новгородом [Враш 1924, 170]: здесь сидят все русские князья (сочетание «конунг Хольмгарда» становится стереотипной формулой), сюда приходят скандинавы искать прибежища или наниматься на службу, отсюда отправляются к себе на родину или плывут в Иерусалим, сюда приезжают и скандинавские купцы⁶.

Ладога

Информация о Ладоге (*Aldeigja, Aldeigjuborg*) весьма разнопланова. Ладога упоминается около сорока раз в скальдических стихах и сагах (ее, правда, не знают географические

⁶ Подробнее о Новгороде см. Главу 6.

трактаты). По хронологии, восстанавливаемой для королевских саг, о Ладоге идет речь только при описании событий, относящихся к эпохе викингов (до середины XI в., до отъезда с Руси Харальда Сигурдарсона). Ладога предстает, в первую очередь, как промежуточный пункт на пути из Швеции в Новгород и обратно⁷.

Киев

Небезынтересно, что о Киеве (*Kænugarðr*)⁸ вообще нет конкретных сведений. Названный около десяти раз в поздних сагах и географических сочинениях, он всякий раз оказывается включенным в списки городов или (в форме множественного числа) в списки земель в *Гардарики*.

Kænugarðr встречается в несколько ином круге древнескандинавских источников, чем *Hólmgarðr*: это описание Земли по рукописи AM 194, 8° последней четверти XII в.; географическое сочинение «Какие земли лежат в мире», сохранившееся в рукописи первой трети XIV в. «*Hauksbók*» (но, возможно, более раннее); «Деяния датчан» Саксона Грамматика (рубеж XII—XIII вв.) (в форме *Söpnogardia*); записанный до 1220 г. (вероятно, в 1180—1200 гг.) фрагмент «Саги о Скъёльдунгах»; написанная около 1250 г. и восходящая к германскому героическому эпосу «Сага о Тидреке»; датируемая второй половиной XIII в. «Сага о крещении»; составленная в конце XIII в. и сохранившаяся в рукописи «*Flateyjarbók*» (1380—1394 гг.) «Прядь об Эймунде»; описание Земли по рукописи AM 764, 4° второй половины XIV в.; целый ряд поздних (по сравнению с королевскими) саг о древних временах — «Сага об Одде Стреле», «Сага о Хрольве Пешеходе», «Сага о конунге Гаутреке» и др.

Итак, Киева нет в рунических надписях X—XI вв., нет его в скальдических стихах IX—XII вв., нет и в королевских

⁷ См.: Джаксон 1997б; Джаксон 1998. Подробнее о Ладоге см. Главу 7.

⁸ Раздел о Киеве основан на следующих работах: Джаксон, Молчанов 1986; Джаксон, Молчанов 1990.

сагах (за исключением «Пряди об Эймунде»). И все же сам факт принадлежности названия *Kæpugarðr* к топонимическому ряду на *-gardr*, в котором *Hólmgarðr* зафиксирован уже в рунической надписи первой половины XI в., а *Miklagarðr* — в висе скальда Бёльверка Арнорссона, датируемой второй третью XI в. [Skj., B, I, 385], равно как и промежуточное положение Киева между Новгородом и Константинополем

Рис. 5. Печатное изображение части Киева (1638 г.)

на пути «из варяг в греки», освоенном скандинавами уже в IX в., указывает на его появление почти в то же самое время, что и топонима *Hólmgarðr*. Однако отмеченная нами выше временная (связанная с пространственной) последовательность возникновения древнескандинавской топонимии Древней Руси сказалась в том, что топоним *Kænugarðr* не вошел в традицию королевских саг, где столицей Руси и центром всех происходящих на Руси событий стал несколько опередивший Киев в контактах с варягами *Hólmgarðr*⁹.

Полагая, что древнескандинавская форма *Kænugarðr* вторична по отношению к латиноязычной *Chun(i)gard*, а также следуя в толковании латиноязычной формы за схолиастом Адама Бременского [Adam, lib. IV, schol. 120] и за Хельмольдом [Гельмольд, 33], ряд исследователей XIX в. связывал начальную часть топонима *Kænugarðr* с гуннами [Шарфарики 1848, 152; Munch 1874, 266; Куник, Розен 1878, 81–82; Брун 1880, 294, и др.], сведения о которых якобы дошли до Скандинавии через немцев и англосаксов [Куник, Розен 1878, 81–82]. Противник «гуннской теории» С. Рожнецкий совершенно справедливо отметил возникающие при таком толковании «лингвистические затруднения», а также невероятность того, «чтобы скандинавы, сами имевшие непосредственные сношения с Русью, получили свои известия о ней окольной дорогой» [Рожнецкий 1911, 28].

На древнерусский прототип топонима *Kænugarðr* — *Киян(ов) город*, — пережиточно сохранившийся в былинах, первым указал И. Миккола [Mikkola 1907, 279–280], мнение которого поддержали затем многие исследователи [Рожнецкий 1911, 28–63; Thomsen 1919, 314; Hesselman 1925, 105–111; Брим 1931, 236; Metzenthin 1941, 61–62; Stender-Petersen 1946, 132–133; de Vries 1961, 77–87; Schramm 1984, 77–78; Трубачев 1988, 222]. Общепринятым можно теперь считать мнение, что прототипом для *Kænugarðr* послужил **Кьян(ов)ъ-городъ* — былинный вариант топонима *Кыевъ*, восходящий к древнему наименованию Киева, бытовавшему

⁹ Ср. Главу 2.

в устной речи. Его первый компонент, вероятнее всего, образован от этникона *Кыяне* «жители Киева», неоднократно засвидетельствованного в летописях.

Древнескандинавские источники фиксируют три огласовки первого корня композита, выступающего обозначением Киева: *Кѣпи/Кæпи-*, *Киæпи-*, *Кæпи-*. В литературе высказывались различные мнения об их соотношении. И. Миккола и вслед за ним В. А. Брим считали наиболее отвечающей русскому исходному **Кыянъ-городъ* форму *Kiænugarðar*. Б. Хессельман рассматривал написание через *æ* как дело рук исландских писцов, а через *œ* — норвежских. Недостатком этих толкований является то, что всякий раз какая-то одна из трех существующих форм топонима не может быть объяснена достаточно убедительно. Только если принять за исходную форму *Kænugarðr*, можно, с учетом развития скандинавской системы гласных, объяснить появление и двух других форм. *Kænugarðr* оказывается в таком случае результатом лабиальной перегласовки, происходившей на рубеже IX—X вв. перед сохраняющимся *u* преимущественно в западнскандинавских диалектах [Смирницкий 1961, 60—61]. Напротив, *Kiænugarðr* выступает тогда как результат преломления на *u*, представленного, в противоположность перегласовкам, на востоке Скандинавии обильнее, чем на западе [Стеблин-Каменский 1953, 117—119]. В пользу высказанного предположения говорит, с одной стороны, наличие обозначения жителей Киева только в форме *Kænir* («Сага о конунге Гаутреке»), сохраняющей не подвергшийся ни преломлению, ни перегласовке гласный *æ*, с другой стороны, то обстоятельство, что самая ранняя фиксация топонима представляет собой вариант с открытым *e* (*e* и *æ* являются графическим отражением одного и того же звука — открытого *e*) [Смирницкий 1961, 20].

Оговорюсь все же, что нельзя быть абсолютно уверенным в строгой последовательности развития того или иного топонима. Не исключена возможность, что в нашем случае все три варианта являются попыткой передачи местного звучания средствами древнескандинавского языка¹⁰. Так, С. Рожнецкий полагал,

¹⁰ См. в Главе 9 об аналогичной ситуации с древнескандинавским обозначением Суздаля.

что «*Kæpugarðr* и *Kœpugarðr* равносильны и возникли независимо один от другого» [Рожнецкий 1911, 50].

В. Томсен, Б. Хессельман и Я. де Фрис подчеркнули, что превращение первой части исходного топонимического композита в *Kæpi-* явилось следствием народно-этимологического преобразования, ориентирующегося на древнескандинавское *kæpa* «лодка особого вида». Возможно, скандинавская народная этимология данного топонима имела в виду известную роль Киева как места сбора построенных в различных пунктах Днепровского бассейна лодок-однодеревок (Const. Porphyg., *De adm. imp.*, 9).

Полоцк

Сведения географических сочинений и поздних саг о Полоцке (*Pallteskja*) весьма разнообразны: источники содержат данные о Полоцке и Полоцкой земле как составной части Древнерусского государства, рассказывают об укреплённости города Полоцка, а также включают некоторые конкретные известия о Полоцке, относящиеся к XI в.¹¹

Города Волго-Окского междуречья

Немногочисленные известия скандинавских источников о Суздале (*Súrsdalr*) и Суздальской земле (*Suðrdalaríki*, *Súrdalar*, *Syrgisdalar*) — шесть упоминаний в поздних сагах и географических трактатах — вместе с тем весьма информативны и разноплановы¹². Следы непосредственного знакомства с Суздалем (и шире — с Волго-Окским междуречьем) сохранил географический трактат второй половины XIII — начала XIV в., где в списке русских городов упомянуты «старшие» города Ростово-Суздальской земли: Суздаль, Ростов (*Rostofa*) и Муром (*Móramar*). Об этом трактате речь пойдет в следующем разделе.

¹¹ См. Главу 8; см. также мою статью: Джаксон 19916.

¹² См. Главу 9; см. также мою статью: Джаксон 1985.

Список древнерусских городов в «Книге Хаука»

Самый полный в древнескандинавской письменности перечень древнерусских городов содержится в исландском географическом сочинении с условным названием «Какие земли лежат в мире», включенном исландцем Хауком Эрлендссоном в компиляцию древнеисландских произведений («Книгу Хаука»)¹³:

Í þui ríki er þat, er Ruzcia heitir, þat kollum ver Garðaríki. Þar ero þessir hofuð garðar: Moramar, Rostofa, Surdalar, Holmgarðr, Sýtnes, Gaðar, Palteskia, Kœnugarðr [Нб., 155].

В том государстве есть [часть], которая называется Руссия, мы называем ее Гардарики. Там такие главные города: Морамар, Ростова, Сурдалар, Хольмгард, Сюрнес, Гадар, Палтескья, Кэнугард [Мельникова 1986, 65].

Отмечу попутно, что использованное в тексте сочетание *hofuð garðar*, переводимое как «главные города», может иметь это значение только в древнерусском контексте¹⁴. Так, например, в шведских средневековых источниках термин *huvud gård* служит для обозначения «главного двора» и тождествен терминам *curia* и *mansio* шведских латинских документов [Сванидзе 1984, 75].

Весьма существенно, что в записанной между 1265 и 1275 гг. «Саге об Одде Стреле», автор которой был знаком с данным географическим сочинением или его источником [Джаксон 1985, 227], *Sýtnes* и *Gaðar* опущены в перечне владений конунгов в *Гардарики*, основанном на приведенном выше списке городов и следующем ему даже в порядке перечисления: *Móramar, Ráðstofa, Súrsdalr, Hólmgarðr, Palteskjuborg*,

¹³ «Книга Хаука» была записана в 1323–1329 гг., однако страницы с текстом географического трактата написаны рукой не Хаука, но писца-норвежца (Нб., СХХХVII, XV). Е. А. Мельникова высказывает предположение, что эти листы были созданы ранее и независимо от «Книги Хаука» и датирует данный трактат концом XIII — началом XIV в. (Мельникова 1986, 59–60).

¹⁴ Об этом см. в Главе 4.

Kæpnugarðar [Orvar-Odds s., 187]¹⁵. Вероятно, для автора последней трети XIII в. *Sýrnes* и *Саðар* оказались не меньшей загадкой, чем для историков последнего столетия.

Имеющиеся в литературе отождествления топонима *Sýrnes* (с известными оговорками) с Черниговом [Брун 1880, 294; По-годин 1914, 28; Рожнецкий 1911, 30, 51; Свердлов 1973, 51; Мельникова 1976, 148], а *Саðар* с «Городцом, в Минск. губ.» [Брун 1880, 294] не представляются убедительными по той причине, что они находятся в противоречии с внутренней логикой данного географического трактата. Автор его всякий раз начинает с восточной части описываемого им региона, затем переходит к северу западной части и, наконец, — к югу западной части. В таком порядке дается описание стран в «третях земли», да и сами эти «трети» (как на картах типа Т—О) являют собой восточную половину «круга земного» и две части западной половины — северную и южную. То же мы наблюдаем и при перечислении городов в *Гардарики* (на Руси): «восточную» группу составляют Муром, Ростов, Суздаль, «северо-западную» — Новгород, *Sýrnes*, *Саðар*, Полоцк, «юго-западную» — Киев. Тот факт, что *Sýrnes* и *Саðар* помещены автором трактата между Новгородом и Полоцком, говорит о существовании между ними территориальной связи. Это указание не следует понимать буквально и искать *Sýrnes* и *Саðар* непосредственно между названными городами, однако наличие путей сообщения между ними следует учитывать.

В таком случае наиболее логичным районом «поисков» оказывается Днепро-Двинское междуречье, поскольку именно здесь находился перекресток торговых и военно-политических магистралей, проходивших и через Новгород, и через Полоцк. Добавлю к этому, что Днепро-Двинское междуречье представляло собой узел торговых путей, связывавших страны Восточной, Северной и Западной Европы с Византией и Востоком [Седов 1982, 251], и соответственно, этот район был хорошо известен скандинавам. Действительно, уже к IX веку восходят здесь как отдельные находки скандинавского происхождения, так и целые комплексы [Булкин 1977, 101—104]. Наиболее вероятным путем продвижения норманнов, отмеченным целым

¹⁵ Текст и перевод фрагмента см. в Главе 9.

рядом находок, была Западная Двина, с выходящей к Днепру Касплей [Барсов 1865, 219; Загоскин 1910, 47—48; Любомиров 1923, 22—23; Брим 1931, 213—218, 230—233; Даркевич 1976, 159; Булкин 1977, 102; Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1980, 30].

Скандинавские источники, в свою очередь, из трех известных им путей на Русь (через Северную Двину, Финский залив и Западную Двину) подробно описывают именно Западнодвинско-Днепровский путь. Кроме того, что в ряде саг он фигурирует в качестве транспортной магистрали (дорога по Западной Двине с Готланда в Византию — в «Саге о гутах»; из Константинополя через Киев и Полоцк в Данию — в «Саге о крещении»), путь этот с наибольшей полнотой представлен в древнескандинавской топо-, гидро- и этнонимии. В источниках названы: острова при входе в Рижский залив Хийумаа (*Dagö* — в «Саге о гутах») и Сааремаа (*Sýsla, Eysýsla* — в скальдических стихах, рунических надписях, разных видах саг); Виндава (совр. Вентспилс), или река Вента (*Vindøy* — в рунической надписи); мыс Колкасрагс на западе Рижского залива (*Domesnes* — в рунической надписи); остров Рухну в центре того же залива (*Runö* — в рунической надписи); несколько балтских народов на территории Латвии (или названия их земель) — курши (*Kúrir, Kúrland* — в сагах и географических сочинениях), земгалы (*Sæmgallir* — в нескольких рунических надписях), ливы (*Lifland* — в рунических надписях, саге о древних временах и географических сочинениях); Западная Двина (*Dýna*, или с уточнением: *Seimgoll Duna*¹⁶ — единственная река, зафиксированная в рунических надписях, а кроме того в сагах и географических сочинениях); Герсике (*Gerseka-borg* — в одном из списков «Саги о Тидреке»); Полоцк (*Pallteskja* — в поздней королевской саге, географических трактатах и сагах о древних временах); *Drofn* — местность или река под Полоцком с монастырем и церковью Иоанна Крестителя¹⁷ (в туле с перечислением рек, в «Пряди

¹⁶ См.: Сапунов 1893, 26; Pritsak 1981, 548—589; Якобссон 1983, 124.

¹⁷ См. подробнее в Главе 8.

о Торвальде Путешественнике» и «Саге о крещении»); Днепр (*Nepř* — четыре раза в географических сочинениях и в сагах о древних временах); Смоленск (*Smaleskja* — в географическом сочинении и трижды в «Саге о Тидреке»).

При подобном знакомстве скандинавских источников с Западнодвинско-Днепровским путем отсутствие в рассматриваемом нами списке древнерусских городов Смоленска, известного другим географическим сочинениям, становится еще более очевидным. И если в географическом трактате последней четверти XII в. «Описание Земли I» [Мельникова 1986, 76/78] Смоленск назван наряду с Новгородом, Полоцком и Киевом (города «восточной» группы не упомянуты), то в перечне «Книги Хаука» его место совершенно явно занимают *Sýrnes* и *Caðar*.

Рис. 6. План Смоленска Г. Келлера (1610 г.)

Среди археологических памятников IX—XI вв. в области Днепро-Двинского междуречья лишь один по своим качественным характеристикам, географическому положению в узловой точке восточноевропейских речных путей и месту в системе

раннегородских центров может представлять для нас реальный интерес, а именно: расположенный в верховьях Днепра (в 12-и км от Смоленска) Гнездовский археологический комплекс. Судя по существующей в литературе суммарной оценке Гнездова, памятник представляет собой совокупность укрепленных и открытых поселений (Центральное и Ольшанское), синхронных им курганных могильников (Центральный насчитывает около трех тысяч насыпей) и кладов [Булкин, Дубов, Лебедев 1978, 25—56].

Исследователями Гнездово рассматривается как полиэтничное поселение, включавшее, наряду со славянским и балтским, скандинавский этнический компонент [Шмидт 1970, 108; см. также: Авдусин 1974, 74—86]. Знакомство скандинавов с Гнездовым ныне не вызывает сомнений, ибо документируется материалами могильника и поселения второй половины IX — X в.

Объем и состав памятника, наличие развитого ремесленного производства, обслуживавшего потребности округа и транзитной торговли, выразительные связи со странами Востока и Запада, наконец, его отчетливый дружинный облик — все это позволяет видеть в Гнездове раннегородской, или протогородской, кривичский центр, окончательно сложившийся и переживший свой расцвет в X в. [Булкин 1973; Пушкина 1974; Седов 1982, 248—253].

В литературе неоднократно отмечалось, что летописи не знают Гнездова [Сизов 1902, 125], и объяснялось это как незнакомством летописца со Смоленской землей вплоть до 1015 г. [Авдусин 1972, 168], так и тем, что летописи именуют Гнездово *Смоленском* [Алексеев 1980, 144]. Тот факт, что Гнездово расположено вблизи Смоленска, на древней территории которого не обнаружено слоев ранее XI в. [Авдусин 1967, 71—72; Воронин, Раппопорт 1967, 287], породил острую дискуссию о первоначальном месте города. Анализ мнений склоняет к мысли о правоте тех исследователей, которые рассматривают Гнездово как хронологический и функциональный предшественник летописного Смоленска [Спицын 1905, 7—8; Ляпушкин 1971, 33—37; Булкин, Лебедев 1974, 14—15; Алексеев 1977, 84—91; Дубов 1985, 26—28], а сведения

письменных источников о Смоленске IX—X вв.¹⁸ считают относящимися «к поселению, находившемуся в районе Гнездова» [Воронин, Раппопорт 1979, 76].

Такое понимание соотношения Гнездова и Смоленска дает возможность заново поставить вопрос о древнем названии того поселения, которое мы называем *Гнездовым*, но которое появляется в источниках лишь в середине XVII в.¹⁹ Вероятно, до тех пор, пока не найдутся прямые подтверждения древности этого названия, любые попутные расшифровки или объяснения *Гнездова*²⁰ представляют собой чисто историографический интерес. Во всяком случае, они не препятствуют выдвижению других мнений, и в частности нижеследующего.

Давно замечено, что значительная часть древнерусских городов, расположенных вблизи устьев небольших рек, получила свое название по этим притокам (*Ладога* < р. Ладога, совр. Ладожка; *Псков* < р. Пскова; *Витебск* < р. Витьба; *Полоцк* < р. Полота и т. д.). По аналогии с этими городами можно с достаточной долей вероятности допустить, что Гнездовский комплекс носил имя, образованное от правого притока Днепра — небольшой речки Свинец [Маштаков 1913, 29],

¹⁸ Имеются в виду данные русских летописей (известие недатированной части Повести временных лет о Смоленске как племенном центре кривичей; сообщение Устюжского летописного свода XVI в. о плавании Аскольда и Дира мимо Смоленска в 863 г.; рассказ летописи о походе Олега в 882 г. из Новгорода в Киев), а также упоминание «крепости Милиниски» в сочинении византийского императора середины X в. Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Μιλινισκα в Парижской рукописи конца XI в.).

¹⁹ *Гнездово* (как «имение Епископства Смоленского») упоминается в грамоте 1646 г. Владислава IV короля Польского (опубликована в кн.: Мурзакевич 1804, 38—47). Утверждение С. П. Писарева, что в конце XV в. «в числе загородных владений упоминается еще селение Гнездово», ссылкой на источники не подкреплено (Писарев 1894, 94).

²⁰ Существует, например, мнение, что название *Гнездово* (как и польское *Гнезно*) связано «с понятием 'гнезда', по-древнерусски, рода» (Тихомиров 1956, 17).

на мысу которой находилось Центральное гнездовское городище. Название реки удается проследить на начало XIX в.²¹, однако исследователями древнейших периодов признается «наибольшая устойчивость» той «топонимии, которая представляет названия вод» [Топоров и Трубачев 1962, 3].

Имя «древнейшего Смоленска» могло быть образовано в таком случае при помощи весьма продуктивного форманта *-ьскъ* [Rospond 1969], наиболее характерного для Северной Руси [Rospond 1972, 13], доминировавшего в названиях городов в самый древний период [Никонов 1965, 51–52], использовавшегося для образования вторичных топонимов (в частности от гидронимов: *Бужьскъ* < *Буж*; *Пинскъ* < *Пина*; *Полоцкъ*, *Полотескъ* < *Полота*; *Случьскъ* < *Случь*; *Смоленскъ*, *Смольньскъ* < *Смольня*²²) [Rospond 1972, 20–24], и иметь, соответственно, вид **Свинеческъ*, **Свинечскъ*.

Именно это название и могло самым естественным образом перейти в древнескандинавское *Sýrnes*. Как показывает проведенный ранее анализ, все наименования древнерусских городов в скандинавских источниках представляют собой воспроизведение фонетического облика адекватных им иноязычных (т. е. местных) топонимов [Джаксон, Молчанов 1986]. Как правило, передача местного звучания сопровождалась народно-этимологическим переосмыслением составляющих топоним корней: так, *Hólmgarðr*, образованный от формы **Хьлмь-городъ*, «укрепленное поселение Холм», был воспринят как «островной город»²³; *Kænugarðr*, возникший из **Кьяновъ-городъ*, был поставлен в связь с древнескандинавским *kæna* «лодка особого вида»²⁴; *Rostofa* (< *Ростовъ*) рассматриваемого географического трактата был трансформирован автором «Саги об Одде Стреле» в *Rádstofa* «ратуша».

Sýrnes означает «свиной мыс». Таким образом, транскрипирование местного названия и сопутствующее народно-

²¹ Карта военного обозрения реки Днепра от города Смоленска до города Орши 1811-го года. — ЦГВИА РФ. Ф. ВУА. № 24122.

²² См.: Фасмер 1987, III, 690; Кордт 1910, №№ X, XII.

²³ См. Главу 6.

²⁴ См. выше в этой Главе.

этимологическое его преобразование могли в данном случае идти параллельно с калькированием первого корня, легко осуществимым в полиэтничной среде «древнейшего Смоленска». Превращение второй части композита в *лес* «мыс» тоже вполне закономерно, поскольку Гнездовское городище расположено на мысу левого берега Свинца, «скат южной стороны которого в древности омывался Днепром, отошедшим впоследствии на 75 саж. к югу и оставившим по себе следы старого русла с двумя маленькими озерами» [Лявданский 1924, 135–136].

Этимология второго загадочного топонима «Книги Хаука» — *Gadar* — не ясна. Не было понятно это слово и писцам XVII в., ибо в одном списке на полях, а в другом и прямо в тексте *Gadar* заменено на *Gardar*, что применительно к Руси может быть переведено, как «города (= укрепления)»²⁵. Однократность упоминания топонимов исключает возможность определенных и окончательных выводов. Тем не менее, мне представляется вполне допустимым рассматривать пару слов *Sýrnes Gadar* как обозначение укрепленного поселения на мысу реки Свинец (правильнее²⁶ было бы: *Sýrnes gadr*).

Исследователями установлено, что возведение первоначального укрепления (вала) на территории Центрального гнездовского комплекса происходило не позднее второй трети X в. [Пушкина 1984, 48]; X век — время расцвета Гнездова; на рубеже X—XI вв. и в первой половине XI в. поселение в устье Свинца приходит в упадок [Булкин, Дубов, Лебедев 1978, 39–40]; во второй половине или в конце XI в. город возрождается на месте нынешнего Смоленска [Там же, 56; Воронин, Раппопорт 1979, 74–76]. Все это позволяет заключить, что известия о Гнездове как об укрепленном центре (*gardr*) в верховьях Днепра могли возникнуть и достичь Скандинавии лишь в период активного функционирования укрепленного поселения на речке Свинец, т. е. от второй трети X до рубежа X и XI или до начала XI в., но не раньше и не позже. Проекция настоящего вывода на решение вопроса о времени создания списка

²⁵ См. Главу 4.

²⁶ К. Равн указал на вероятность изменений этих двух слов из-за ошибок при переписке (AR, 2, 438).

древнерусских городов в «Книге Хаука» заставляет, как кажется, отказаться от принятой ранее датировки его XI веком [Свердлов 1973, 52; Джаксон 1985, 224], удревнив ее на полстолетия.

Дополнительным датирующим моментом, позволяющим считать последнюю треть X в. временем, к которому восходит список городов в «Книге Хаука», выступает присутствие в списке «восточной» группы городов — Мурома, Ростова и Суздаля, — поскольку именно со второй половины X в. можно говорить о них, как о древнерусских городах [Воронин 1947, 136–139; Леонтьев 1985, 61–62; Седова 1985, 67–68]. Более того, именно ко второй половине X в. относится значительное число скандинавских находок в Северо-Восточной Руси. Это и скандинавские украшения во Владимирских курганах второй четверти X — начала XI в. [Мальм 1967, 157–159, 180; Лапшин 1981, 45–48], и скандинавские находки в районе Мурома, датируемые второй половиной X в. [Пушкина 1988, 162–169], и большинство скандинавских вещей с Сарского городища, относимых к X — началу XI в. [Леонтьев 1981, 141–149], и шпангоут судна скандинавского типа²⁷, найденный в Ростове в слое второй половины X в. [Воронин 1955, л. 31].

Алаборг

Топоним встречается в двух сагах о древних временах, записанных не ранее середины XIV в.: в «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» (в форме *Álaborg*) [Fas., III, 519–558 passim] и в «Саге о Хрольве Пешеходе» (в форме *Áluborg*) [Ibidem, 248, 322]. Г. В. Глазырина не усматривает тождества между топонимами *Álaborg* и *Áluborg*²⁸. Традиционным является противоположное мнение, однако, если Ф. Р. Шрёдер [Hálf. s., 93], а вслед за ним и Б. Клейбер [Kleiber 1957, 218–223] полагают, что автор «Саги о Хальвдане» заимствовал этот топоним из известной ему «Саги о Хрольве Пешеходе», то я склонна разделять мнение Г. Шрамма [Schramm 1982, 280–282], рассматривающего в качестве первичной форму *Álaborg*.

²⁷ Ср.: фон Фиркс 1982, 70, 72, рис. 90.

²⁸ Г. В. Глазырина в кн.: Древнерусские города, 175.

В литературе предлагались различные локализации *Алаборга* «Саги о Хальвдане Эйстейнссоне». Поскольку во всех остальных случаях топоним *Alaborg* относится к датскому городу Ольборгу на севере полуострова Ютландия, выдвигалось, в частности, мнение о том, что он мог быть «литературным» дубликатом датского Ольборга [Глазырина, Джексон 1986]. Исследователи утверждали, что *Алаборг* «находится где-нибудь в России» [Тиандер 1906, 284]. Его помещали «на севере Новгородской земли» [Мельникова 1977, 201, примеч. 8], в Белоозере [Kleiber 1957; Schramm 1982], на Онежском озере [Ellis Davidson 1976, 41], в местности Олонец [Глазырина 1984, 200—208; Глазырина 1996, 100], «к северу или к востоку от Ладоги» [Holmberg 1976, 176]. Его отождествляли с «городищем Лопшоти на северо-западном берегу Ладожского озера» [Лебедев 1985, 187] и «безымянным городком на реке Сясь у с. Городище» [Джексон, Мачинский 1989].

Решающую роль в определении местоположения *Алаборга* играет указанное в саге четырежды его географическое положение относительно *Альдейгьуборга* (Ладоги). Дважды *Алаборг* помещен «на севере» и дважды указано направление движения к нему из *Альдейгьуборга*: один раз «на север» (за чем следует битва на воде) и один «на восток» (с последующей битвой на суше). Здесь не содержится никакого противоречия, ибо определенное по водному пути направление «на север», естественно, относится к начальному отрезку этого пути. Из саги следует, что маршрут «на восток», проходящий по суше от *Альдейгьуборга* к укрепленному *Алаборгу*, значительно короче, чем по воде. Кроме того, текст саги дает понять, что *Алаборг* социально находится с *Альдейгьуборгом* в сложном отношении подчинения и соперничества, определяющемся, видимо, его географическим положением.

Итак, *Алаборгу* должен соответствовать занимающий важное стратегическое положение укрепленный пункт, географически и политически тесно связанный с *Альдейгьуборгом* (Ладогой), находящийся (по суше) на восток от нее и одновременно связанный с ней более длинным водным путем, направленным на начальном отрезке на север от Ладоги.

Из того, что морские викинги предпринимают нападение на *Алаборг* по суше, можно заключить, что водный путь к *Алаборгу* был трудно проходим для дракаров (пороги?). *Алаборг* должен располагаться неподалеку от Ладоги, иначе бы один из героев саги не смог за сезон съездить из *Алаборга* в Ладугу на переговоры, вернуться домой, выплыть с флотом в Ладожское озеро, сразиться и успеть добраться до Норвегии.

Олонец, отождествленный Г. В. Глазыриной с *Алаборгом*, не соответствует этой сумме условий. Тождество Олонец—*Алаборг* игнорирует указание саги на сухопутный путь на восток от Ладоги; сухопутный путь от Ладоги на север к Олонцу крайне неудобен, равен по расстоянию водному и превосходит его по времени; в районе Олонца нет ни одного городища древнерусского времени; Олонец находится в стороне от основных торгово-военных путей; этот район расположен на периферии приладожской курганной культуры конца IX — начала XII в., погребальные памятники которой появляются на Олонце лишь в середине X в. и не отличаются особой яркостью.

Белоозеро, отождествленное с *Алаборгом* Б. Клейбером и Г. Шраммом, также не соответствует необходимым условиям. Туда не было непрерывного водного пути, а реальный водный путь от Ладоги к Белоозеру проходил через три бурных озера, через пороги и волок и составлял около 420 км; сухопутный путь от Ладоги к Белоозеру долог и труднопроходим — он пролегал бы через девственные леса Вепсовской возвышенности и составлял бы по прямой 320 км; находясь в Волжском, а не Невском (как Ладога и Новгород) бассейне, Белоозеро ни географически, ни экономически, ни политически никогда не было тесно связано с Ладогой и Поволховьем, входя в состав Ростовской (позднее — Владимиро-Суздальской), а не Новгородской земли.

Всем выявленным выше географическим и социально-экономическим параметрам *Алаборга* соответствует древний безымянный городок IX—X вв. на реке Сясь у с. Городище, который расположен в 46 км по прямой на юго-восток от Ладоги и отделен от нее болотистыми лесами. Сухопутный путь к нему от Ладоги (судя по расположению современных дорог) должен был вести сначала на восток, а затем по восточному берегу Сяси

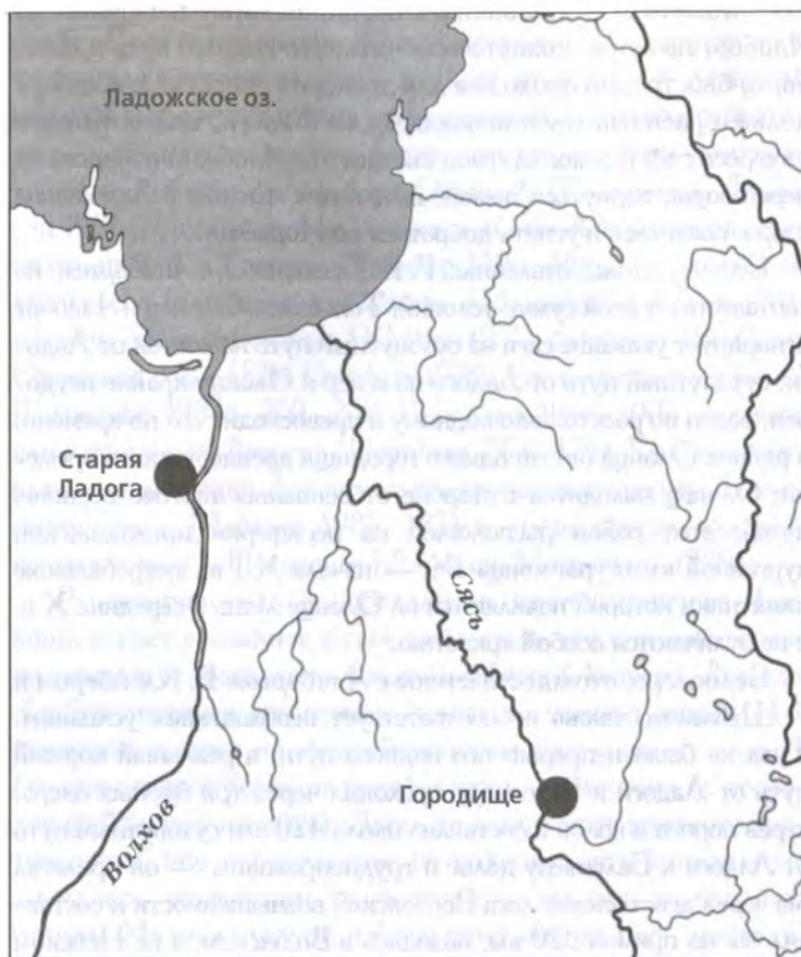

Рис. 7. Городище на р. Сясь

на юго-восток. Водный путь к городку пролегал сначала на север по Волхову, затем на северо-восток по озеру, далее на юго-восток по Сяси и составлял свыше 80 км. Для морских кораблей со стороны озера городок был труднодоступен, т. к. ниже его по течению Сяси имелись многочисленные пороги.

Жизнь на городке у с. Городище прекратилась не позже 930-х гг., т. к. в его культурном слое IX—X вв. встречена исключительно грубая лепная керамика, а керамика, изготовленная на круге, становится в Ладоге заметным компонентом керамиче-

ского комплекса с 930-х гг. Городок же у с. Городище явно входит в ту же, что и Ладога, культурную зону волховско-сясьских сопок. Непосредственно к северу от городка расположена группа сопок, аналогичных волховским сопкам VIII—X вв. К югу и юго-востоку от городка, в 0,5—1 км, находятся две группы сравнительно небольших курганов, характерных для своеобразной культуры Юго-Восточного Приладожья конца IX — начала XII в. Археологический комплекс у с. Городище — единственный в Юго-Восточном Приладожье (от Сяси до Видлиды), где волховские сопки встречены рядом с приладожскими курганами, а городок у с. Городище является единственным укрепленным поселением на всей этой территории в пределах VIII—XIII вв. Путь из Ладожского озера по Сяси, с дальнейшим выходом через ее истоки Воложбу или Тихвинку в бассейн Волги, являлся кратчайшим водным путем из Балтики в Поволжье.

Никакого наименования для стратегически важного городка на Сяси ни в русских, ни в западных письменных источниках не зафиксировано. В целом, по сумме признаков, представляется высоко вероятным, что безымянное городище на Сяси и есть искомый *Алаборг*. Не исключена вероятность, что его скандинавское имя связано с названием небольшой речки, ближайшего к городищу притока Сяси, — *Валя*.

Данпарстадир

Данпарстадир (*Danparstaðir*) упоминается в трех источниках: в двух эддических песнях — в «Гренландской Песни об Атли» [Старшая Эдда, 312—317] и в «Песни о Хлёде» (называемой «Песнью о битве готов с гуннами») [Там же, 350—356] — а также в одной из саг о древних временах — в «Саге о Хервёре и конунге Хейдреке», местами восходящей к германской героической поэзии, но все же созданной в XIII в. и сохранившейся в рукописях XIV—XV вв.²⁹

Исследователи, переводившие *Danparstaðir* как «Днепровский город», отождествляли его с Киевом [Куник 1875, 55;

²⁹ См. текст и перевод Г. В. Глазыриной в кн.: Древнерусские города, 151—159.

Веселовский 1887, 294–301; Брун 1880, 289; Браун 1899, 246; Рожнецкий 1911, 72, и др.]. Р. Хайнцель [Heinzel 1887], однако, показал, что в топонимах, образованных в соответствии с моделью *X-staðir*, первая часть, как правило, — личное имя, а не название реки; более того, Днепр известен в древнескандинавской письменности в форме *Nepr*. Тем самым ставится под сомнение толкование топонима *Danparstaðir* как «Днепровского города», а соответственно, и его отождествление с Киевом. Урсула Дронке, однако, полагает, что, вероятно, *Danpr* «Днепр» был зафиксирован в героических песнях как территория расселения готов, каковых здесь локализует римский историк VI в. Иордан [The Poetic Edda, I, 51]. Древнескандинавская форма *Danpr* соответствует форме *Danaper* у Иордана [Иордан, 127–129, 166.]. Аналогично Готтфрид Шрамм рассматривает имя *Danpr* как восходящее к готской традиции название Днепра, а выражение *á stöðum Danpar* переводит «на берегах Днепра». Он не делает попытки увязать этот топоним с именем Киева, хотя и полагает, что гидроним употреблялся в Среднем Поднепровье [Шрамм 1997, 4.17, 8.7, 13.14; Schramm 1998, 118–138].

ГЛАВА 6

НÓLMGARÐR — НОВГОРОД: «ГОРОД НА ОСТРОВЕ» ИЛИ «*ХЪЛМЪ-ГОРОДЪ»?¹

Имя Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки»¹

Хольмгард (*Hólmgarðr*) традиционно считается древнескандинавским обозначением Новгорода. О тождестве Хольмгарда и Новгорода говорится в одной из саг о древних временах — в «Саге о Хрольве Пешеходе»:

Í Hólmgarðaborg er mest atsetr Garðakonúngs, þat er nú kallat Nógarðar [Fas., III, 362].

Главный стол конунга Гардов находится в Хольмгардаборге, который теперь зовется Ногардар.

Самая ранняя фиксация топонима *Hólmgarðr* — в рунической надписи из Эсты (в Сёдерманланде в Швеции) первой половины XI в.:

inkifa[s]tr . l[i]t haku[a .] sta[i]n . eftiR . sihuip .
fap[u]r . sin. ha[n . fial . i h]ulmk[arpi . skaiþaR . uisi
. mi]þ . ski[ba]ra

Ингифаст велел высечь камень по Сигвиду, своему отцу. Он пал в Хольмгарде, кормчий со своими корабельщиками [Мельникова 1977а, № 57].

¹ При написании этого раздела использованы материалы нашей с А. А. Молчановым статьи: Джексон, Молчанов 1990.

Рис. 8. Новгород (рис. А. Олеария 1636 г.)

Всего в рунических надписях *Хольмгард* используется трижды [Там же, №№ 23, 57, 89]. Скальдическим стихам этот топоним не известен. Однако, за исключением вис, *Хольмгард* встречается более 100 раз (как было отмечено выше) во всех видах древнескандинавских источников.

Существующие в литературе объяснения происхождения и значения топонима весьма различны. Историки последнего столетия, преодолевшие ошибочное отождествление топонимов *Хольмгард* и *Холмогоры* (идущее от Тормода Торфеуса) и склонные видеть в *Хольмгарде* обозначение Новгорода, тем не менее понимают древнескандинавскую форму весьма противоречиво. В ней видят: 1) «Ильменский город» («Ильмень» > *Holm*), 2) «город на острове, островной город» (от *hólmr* «остров»), 3) «поселения в островной (во время паводка на Волхове) местности», 4) «Холмгород (т. е. укрепленное поселение Холм)».

Сторонников у первого толкования нашлось совсем немного [Müllenhoff 1860, 346; Томсен 1891, 74, примеч. 75], да и не все они до конца были уверены в правомерности подобной трактовки².

² Ср.: «Или, быть может, *Hólm* = Ильменю, в переделке, соответствующей древненорвежскому *hólmr*» (Томсен 1891, 74, примеч. 75).

По справедливому заключению Е. А. Рыдзевской, это объяснение «неудовлетворительно прежде всего с фонетической точки зрения» [Рыдзевская 1922, 105—106].

Большинство исследователей видит в топониме *Hólmgarðr* «город на острове»³, поскольку основное значение древнескандинавского существительного *hólmr* — «остров». Однако Е. А. Рыдзевская вслед за Ф. А. Брауном указала на то, что «вторая часть его — русское слово 'город' в скандинавской передаче», и если первая часть скандинавская, то название получается «смешанное по своему составу и малоправдоподобное» [Рыдзевская 1922, 110].

Здесь необходимо пояснить, что двуязычные топонимы нередко возникают при межэтничных контактах, однако в них местным всегда оказывается начальный (смысловой) элемент, и только вторая (словообразовательная) часть бывает иностранной (ср.: *Aldeigju-borg*), но не наоборот. Я хочу подчеркнуть, что композит, состоящий из древнескандинавского *hólmr* (как первого элемента) и древнерусского *город* (как второго элемента), просто невозможен; топоним, составленный из древнерусского *хѣлмъ* и древнескандинавского *garðr* мог бы возникнуть, если бы *garðr* выступал в качестве словообразовательного элемента со значением укрепленного поселения (чего в действительности не происходило). Таким образом, единственно возможным способом возникновения древнескандинавского топонима было заимствование скандинавами местного имени **Хѣлмъ-городъ*. Однако следует четко различать момент возникновения того или иного топонима и остальной период его функционирования в языке. Так, в равной степени мало правдоподобно и то, что в языке скандинавов могло возникнуть двусоставное скандинаво-славянское имя *Hólm-городъ*, и то, что исходное местное значение **Хѣлмъ-городъ* могло сохраниться в процессе использования топонима скандинавами (в языке которых

³ См.: Карамзин 1842, примеч. 97; Munch 1874, 264; Куник 1903, 106; Mikkola 1907, 279; Миккола 1908, 27; Łowmiański 1957, 156, prz. 568; Греков 1959, 356; Мурзаев 1984, 595.

существовали *hólmr* «остров», *garðr* «усадебная усадьба, хутор»⁴, а также имена собственные с составляющими *hólmt-* и *garð-*).

Автором третьего объяснения топонима *Hólmgarðr* теперь принято считать норвежского слависта Б. Клейбера [Kleiber 1957, 215–218], хотя приоритет здесь в действительности ему не принадлежит⁵. Так, Н. М. Карамзин, исходя из неверного, на мой взгляд, постулата (по его мнению, «Гард знаменует не только город, но и страну»⁶), заключил, что *Hólmgarðr* означает «землю островов, *insularum regio*, или город на острове» [Карамзин 1842, I, примеч. 97 к т. I, гл. II]. Истокование Клейбера является явным заимствованием из сочинения Карамзина, ссылаясь на которого отсутствует (хотя известно, что Клейбер был знаком с трудами русских историков). Однако если Карамзин шел в своем толковании топонима от семантики составляющих его корней, то Клейбер идет несколько иным путем: начиная с утверждения, что *Hólmgarðr* означает «город на острове, островной город», он затем приводит ряд топографических данных, которые должны, по его мнению, доказать, что значение топонима иное, а именно «*insularum regio*».

Гипотеза Клейбера вызывает большие сомнения. Во-первых, внеисторично само топографическое описание: автор приводит данные, характеризующие современное состояние Ильменя, в то время как в интересующий его и нас хронологический период уровень воды в озере и вытекающем из него Волхове был намного ниже⁷. Во-вторых, материал скандинавских саг находится в противоречии с утверждением, что скандинавы попадали в Приильмень

⁴ См. Главу 4.

⁵ Ср.: Татищев 1962, II, 115, примеч. 18.

⁶ Карамзин, скорее всего, позаимствовал этот тезис у Г. Ф. Миллера. Ср.: Миллер 1761, 6.

⁷ Ср., например, данные об оз. Ильмень, приведенные в книгах: Развитие и преобразование географической среды; Ильина, Грахов 1980.

в период весеннего паводка⁸. В-третьих, в системе доказательств отсутствует лингвистическая аргументация: ведь если *hólmr* все же означает «остров»⁹, то *garðr* при всех натяжках и допущениях не может соответствовать латинскому *regio*¹⁰.

У Клейбера, однако, есть сторонники и последователи. Принимая его мнение и обосновывая свой вывод, что «древнейшим восточноевропейским топонимом в Скандинавии было название местности, где кончался прямой (без волоков) водный путь (Финский залив — Нева — Ладожское озеро — Волхов)», Е. А. Мельникова считает, что «название Руси *Garðr*» есть «производное от *Hólmgarðr*». Здесь же во исправление допущенной неточности (ибо имя Руси не *Garðr*, а *Garðar* — форма множественного числа) следует уточнение: «...употребляется

⁸ Для этого им понадобилось бы проделать весь путь из Скандинавии не на кораблях, а по льду. Саги же говорят о том, что путешествие начиналось, *er ísa leysti um várit* «когда весной сходил лед» (ÍF, XXVIII, 3; Orkn. s., 57). Например: «Той весной Гудлейк снарядил свой корабль и собрался летом плыть на восток в Гардарики» (ÍF, II, 84); «Тем же летом они вместе отправились на восток в Гардарики» (Ibidem, 148); «Ранней весной Эйнар Брюхотряс и Кальв Арнасон, собрались в поход. Весной они направились на восток через Кьёль в Ямталанд, оттуда в Хельсингьяланд и добрались до Швеции. Там они раздобыли корабли и летом отплыли на восток в Гардарики. Осенью они добрались до Альдейгьюборга» (Ibidem, 414–415); «Конунг Хакон решил отправить своих послов из Трандхейма весной; и поехали они на восток в Хольмгард [...]. Поехали они в Берген, а оттуда — восточным путем. Прибыли они летом в Хольмгард» (Flat., III, 537) и т. д. Можно подумать, что перед нами — характерная для саг стереотипная формула сезонности заморских плаваний, но очень мало вероятно, чтобы стереотип такого рода был вымыслом. Скорее, содержащиеся в сагах описания определены реальными жизненными условиями и связаны со сроками навигации на Балтийском море (см.: Джаксон 1984, 141).

⁹ Небезынтересно, что Клейбер в другом случае — при истолковании топонима *Vitahólmr* — определяет значение той же основы *hólm-* как «холм» (Kleiber 1965, 70).

¹⁰ Значения древнеисландского *garðr* см. в Главе 4.

почти исключительно во множественном числе» [Мельникова 1977б, 204, 205; Мельникова 1984б, 128–129]. Древнескандинавский материал не дает возможности принять и это уточнение, поскольку в качестве обозначения Руси всегда выступает форма множественного числа. В другой работе та же исследовательница несколько иначе формулирует свою мысль: «Если согласиться с толкованием Б. Клейбера названия *Hólmgarðr* именно как обозначения местности, а не населенного пункта, то допустимо предположить, что первоначальным было название *Hólmgarðar* (множественное число), из которого возникла сокращенная форма *Garðar*» [Мельникова 1977а, 203; Melnikova 1996, 13–15]. Но подобное допущение опровергается тем фактом (отмечаемым, кстати, и самой Мельниковой), что форма множественного числа — *Hólmgarðar* — зафиксирована лишь в поздних сагах [Мельникова 1977б, 204]¹¹.

Однако само по себе достаточно осторожное предположение Мельниковой оказывается для Д. А. Мачинского «убедительным доказательством», в результате чего *Hólmgarðr* превращается у него в «огороженные усадьбы на острове (в островной местности)» и становится обозначением того же региона, что и «остров русов» Ибн-Русте и других арабских авторов X–XI вв. [Мачинский 1984, 21]. Принимая выводы, к которым пришли Б. Клейбер и его последователи, Е. Н. Носов до недавнего времени переводил *Hólmgarðr* как «островная местность», «поселения в островной местности» и даже как «страна островных хуторов» [Носов 1982, 192; Носов 1984а, 96; Носов 1984б, 32, 33; Носов 1984в, 90, 91]¹². Впрочем, исследователь постепенно признал существование другой точки зрения, с оговоркой, что «однозначных лингвистических доказательств в пользу какого-то одного решения нет» [Носов 1997, 13]. И наконец, ученый согласился с противоположной точкой зрения, которая будет обсуждена ниже

¹¹ Этой поправки, к сожалению, не учел В. Я. Петрухин в комментарии к кн.: Ловмянский 1985, 286.

¹² Ср. также: Хорошев 1983, 52.

[Носов 1998, 77–79]. К клейберовскому пониманию значения основы *hólm-* в том же топониме склоняется и Г. Шрамм [Schramm 1984, 103]. Но, как видим, подобные объяснения названия *Hólmgarðr* с лингвистической точки зрения далеко не безупречны.

И наконец, четвертое мнение о происхождении топонима *Hólmgarðr*. На «возможную близость» между названиями Холм (древний топоним, локализуемый в Славенском конце средневекового Новгорода) и *Hólmgarðr* указала еще Е. А. Рыдзевская [Рыдзевская 1922, 105, 110, 111]. Ее мнение встретило настолько широкую поддержку у специалистов, что это предопределило выбор места для раскопок Новгородской археологической экспедиции ГАИМК в 1932 г. [Арциховский 1956, 10]. Позднее В. Л. Янин и М. Х. Алешковский высказали предположение, что в древнескандинавском языке используется «древнейшее самоназвание Новгорода, вернее одной из его составляющих, восходящее к той эпохе, когда самый феномен Новгорода в виде политической федерации поселков с общей для них цитаделью еще не возник» [Янин, Алешковский 1971, 41]¹³. Таким образом, исследователями ставился вопрос: не заключено ли в топониме *Hólmgarðr* наиболее раннее название поселка на Славне — Холмгород?¹⁴

Лингвистические материалы позволяют, как кажется, дать на него положительный ответ. Совокупный анализ топонимов *Garðar* (древнейшего скандинавского названия Руси) и *Hólmgarðr* показывает, что они образовались практически в одно и то же время, по всей вероятности в IX в., когда корень *garð-* в их составе был семантически почти тождествен древнерусскому *городъ* (в значении «укрепленное место, огороженное поселение») и тем легче приравнивался к нему благодаря фонетическому сходству [Джаксон 1984, 133–143; Джаксон 1986]. Как мы уже видели в этой главе, форма

¹³ Ср.: Молчанов 1976, 93, примеч. 7; Хабургаев 1979, 223, примеч. 135.

¹⁴ См.: Янин 1977, 218–219; Янин 1982а, 83; Колчин, Янин 1982, 106, 110; Янин, Рыбина 1983, 131.

Hólmgarðr в момент своего возникновения могла представлять собой лишь отражение местного топонима *Хѣлмъ-городъ, самоназвания некоего Холмгорода («укрепленного поселения Холм»). Лишь впоследствии, надо полагать, народная этимология связала *Hólmgarðr* (= *Хѣлмъ-городъ) с древнескандинавским *hólmr* «остров»¹⁵.

Не последнее место при решении вопроса о происхождении и значении древнескандинавского имени *Hólmgarðr* занимают данные, полученные при исследовании комплекса имен городов на *-garðr* [Джаксон, Молчанов 1990]. В состав этого топонимического ряда входят *Hólmgarðr*, *Kænugarðr* и *Miklagarðr* — названия трех главных пунктов на маршруте следования купеческих караванов и разного рода экспедиций по пути «из варяг в греки». Построенные в соответствии с моделью *X-garðr*, эти топонимы коренным образом отличаются от прочих географических названий того же региона в древнескандинавской передаче (ср., например, *Móramar* «Муром», *Súrdalar* «Суздаль», *Pallteskja* «Полоцк») и образуют компактную группу. Хронология их возникновения очевидна, ибо установление прямого транзитного сообщения через Восточную Европу по Волховско-Днепровскому пути шло для скандинавов поэтапно с севера на юг. Анализ показывает, что *Kænugarðr* и *Miklagarðr* были ориентированы на фонетический облик географического самоназвания, как и все другие скандинавские имена в Восточной Европе¹⁶. Именно поэтому можно с полным основанием утверждать, что принцип фонетического уподобления был единственно возможным и для образования первого из этих топонимов, и это лишний раз подтверждает вывод о его происхождении.

Согласно летописным свидетельствам, Холмом именовался один из районов средневекового Новгорода в южной части Славенского конца [НПЛ, 23, 27, 40, 44, 45, 71, 208, 231, 238, 240, 280]. Результаты геологического бурения показали, что

¹⁵ Ср.: «остров, ранее открытый Гардаром» в анонимной «Истории Норвегии» (ок. 1170 г.) (HN, 93); военные действия «на островах и мысах» Хольмгарда в «Саге о фарёрцах» (ок. 1220 г.) (Flat., I, 152–153).

¹⁶ См. подробнее в Главе 5.

появление такого названия действительно объясняется особенностями первоначального микрорельефа местности: холм на Славне возвышался над прилегающей территорией на 7–8 м, что для равнинного Приильменя несомненно являлось заметным восхолмлением [Кушнир 1972, 8; Кушнир 1975, 178]. Следовательно, хотя Хълмъ в Новгороде упоминается в летописи впервые в 1134 г. [НПЛ, 23, 208], возникновение этого топонима логичнее всего относить к самому раннему периоду существования славянского поселения на возвышенности правого берега Волхова — в пределах будущего Славенского конца¹⁷.

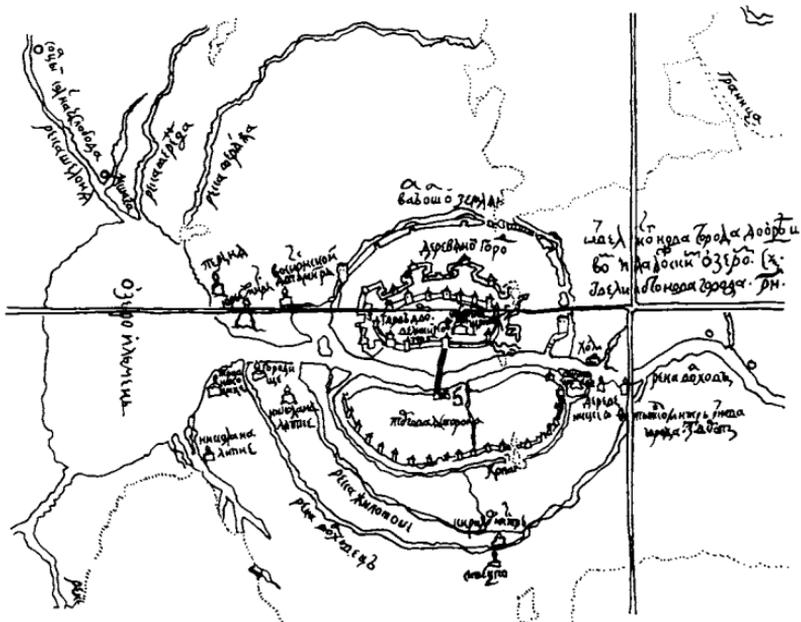

Рис. 9. Центральная часть плана Новгорода 1656 г.

Существует еще одна вероятность, которая также не должна быть оставлена без внимания. Возможно, название *Хълмъ-городъ относилось сначала (в IX–X вв.) к так называемому Рюрикову городищу, поселению, основанному не позднее середины IX в. в двух километрах от Новгорода, у истока

¹⁷ Кстати, топонимы Славно и Славенский конец впервые появляются на страницах летописи под 1105 и 1234 гг. (НПЛ, 19, 71, 203, 280).

Волхова из озера Ильмень. В IX—X вв. Городище было основным торгово-ремесленным и военно-административным центром округа. Впрочем, оно было и языческим центром (с языческим святилищем Перынь). Когда в 980 г. киевским князем Владимиром была предпринята реформа древнерусского язычества, воевода Владимира Добрыня воздвиг статую Перуна в Перыни. Однако к середине XI в. Городище было оставлено, и княжеская резиденция при Ярославе Мудром была перенесена в Новгород. Собственно в этот момент и должно было возникнуть название *Городище* со значением «Старая крепость», противопоставленное *Новгороду* «Новому укреплению» [Носов 1998].

Получается известное противоречие. Археологами на территории новгородского детинца не найдено слоев ранее третьей четверти X в., название *Новгород* возникает к середине XI в., в то же время целый ряд летописных известий о деяниях времен Рюрика, Олега, Ольги, Владимира и Ярослава упоминает Новгород. Здесь я полностью согласна с Е. Н. Носовым, который не считает возможным допустить, что при описании этих событий «летописцы лишь проецировали новый топоним, появившийся в середине XI в.», и потому полагает, что «летописцы, говоря о 'Новгороде' при описании событий IX—X вв. имели в виду поселение на 'Городище' (при такой постановке вопроса 'Городище' выступает как одно из локальных названий в рамках Новгорода, появившееся на одном из этапов его развития, такое же, как, например, 'Ярославово дворище')» [Носов 1995, 16].

На мой взгляд, топоним *Hólmgarðr* мог развиваться следующим образом: возникнув как отражение местной формы *Хьльмъ-городъ (имени того поселения, которое со временем стало называться *Городищем*), он впоследствии, с переселением обитателей этого поселения на территорию будущего Славенского конца Новгорода, был перенесен туда, благо к этому располагало сходство в рельефе покинутого и вновь обживаемого мест [Янин 1982а, 87; Колчин, Янин 1982, 111]. И все же на всем протяжении своего существования топоним *Hólmgarðr* оставался в представлении скандинавов обозначением столицы Северной Руси, Новгорода.

Хольмгард (Новгород) — один из центров международной торговли

Свидетельства о торговле Новгорода со Скандинавией, содержащиеся в памятниках древнескандинавской письменности, важны, в первую очередь, с точки зрения хронологической, как наиболее ранние известия о торговых контактах между ними. Ибо состояние письменных источников по истории новгородской торговли, по справедливому замечанию Е. А. Рыбиной, привело к тому, что большинство авторов «занималось только проблемой торговых отношений Новгорода с Западной Европой XIV—XV вв.» [Рыбина 19786, 7]. Совокупность же древнескандинавских письменных памятников позволяет рассмотреть вопрос о Новгороде как одном из крупных торговых центров Древней Руси и о его связях со Скандинавскими странами для значительно более раннего времени, поскольку в источниках идет речь о событиях X—XI вв., а сами источники датируются XI — серединой XIII в.

Представление о Новгороде как о торговом городе находит в скандинавских источниках прежде всего лексическое выражение. В «Легендарной саге об Олаве Святом» *Hólmgarðr* назван *kaupbær* [Leg. s., 117; Flat., II, 507]. В сагах для обозначения «торговых городов» используются синонимически четыре термина: *kaupbær*, а также *kaupangr*, *kaupúin* и *kaupstaðr* [Cleasby and Gudbrandr Vigfusson 1957, 333—334]. В этих источниках далеко не все города получают подобное наименование: так, из норвежских городов определение «торговый город» применяется к Нидаросу, Осло и Тунсбергу, а из двенадцати известных скандинавским памятникам древнерусских городов — к Новгороду и, вероятно, к Ладоге¹⁸.

В источниках фигурирует новгородский Торг. В латиноязычной «Истории Норвегии» и в ряде саг («Обзор саг о норвежских конунгах», «Сага об Олаве Трюгтвасоне» монаха Одда, «Сага об Олаве Трюгтвасоне» по «Кругу земному») присутствует (с известными вариациями) рассказ о том, как Олав, освобожденный из эстонского плена своим сородичем, дружинником князя Владимира, живет в Новгороде и однажды

¹⁸ См. Главу 7.

на торгу встречает убийцу своего воспитателя¹⁹. Если в латинском тексте используется термин *forum* «рыночная площадь, торжище, центральная площадь», то в сагах — слово, являющееся древнерусским лексическим заимствованием в скандинавских языках, принадлежащим эпохе викингов: *torg* «рынок, торг» (< древнерусское *тѣргъ*) [Мельникова 1984а, 70], хотя в древнеисландском языке имела и другая возможность для обозначения того же понятия: *markaðr* (< латинское *mercatus*).

Путешественники в Новгород называются в источниках *Hólmgarðsfari*. Термины *X-fari* [Cleasby and Gudbrandr Vigfusson 1957, 144] не так уж многочисленны и весьма конкретны: *Jórsalafari* «паломник в Иерусалим», *Dyflinnarhari* «дублинский купец»²⁰, *Englandsfari*, «английский купец». *Hólmgarðsfari* — не просто путешественники в Новгород, это — торговые люди (*каупmenn*). Так, «Сага о фарёрцах» рассказывает о человеке по имени Равн, который «постоянно ездил в Хольмгард, а потому его называли *хольмгардсфари*», и на корабле у которого находились купцы [Flat., I, 141]; в «Круге земном» говорится, что скальд Сигват, интересуясь судьбой находившегося на Руси Магнуса Олавссона, «часто спрашивал, когда он встречал купцов, *хольмгардсфари*, что они могли сказать ему о Магнусе» [ÍF, XXVIII, 18]; в рукописи «*Rógðarbók*» «Книги о взятии земли» о некоем Бьёрне сообщается, что «он был великим путешественником (*хольмгардсфари*) и купцом. Он часто плавал по Восточному пути и привозил лучшую пушнину, чем многие другие купцы» [Landn., 189].

Купцы, отправлявшиеся на Русь, вообще нередко упоминаются в сагах: «с какими-то купцами» отправилась в *Гардарики* Астрид с трехлетним Олавом Трюггвасоном [ÍF, XXVI, 230]; «с купцами на восток в Гардарики к Вальдмару конунгу» поехал воин Бьёрн [Vjagnar s., 9]. Купцы, плавающие на Русь, носят в сагах прозвище «Гардский» (*gerzkr*), образованное от наименования Руси *Gardar*²¹. В «Круге

¹⁹ Тексты см.: Джаксон 2000б, 30–32.

²⁰ Ср.: «Ярл Хакон ... велел ему поехать в торговую поездку в Дублин, как многие тогда ездили» (ÍF, XXVI, 291).

²¹ Ср., однако: Успенский 1997б.

земном» фигурирует Гудлейк Гардский [ÍF, XXVII, 269], в «Саге о людях из Лаксдаля» — Гилли Гардский, которого «называли самым богатым из торговых людей» [Исландские саги 1956, 269].

Источники показывают, что не только скандинавы плавали на Русь. Из саг можно заключить, какой известностью пользовались в Европе и русские купцы. Так, в «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда рассказывается, как Олав, прибыв в Нортумбрию к ярлу Сигурду, на вопрос ярла, кто он и откуда, «сказал, что его зовут Али Богатый и что он купец, и пришли мы все из Гардарики» [Ó. Tr. Oddr, 46]. Если из саги Одда в сущности не следует, какого происхождения был купец Али, пришедший с Руси, то Снорри Стурлусон все же понимает указание Одда однозначно; и уже в «Круге земном» Олав, пытаясь скрыть свое настоящее имя, называет себя Али, «русским по рождению (*gerzkr at ætt*)» [ÍF, XXVI, 291].

Содержащиеся в сагах два развернутых повествования о поездках скандинавских купцов в Новгород заслуживают детального рассмотрения.

В «Саге об Олаве Святом» по «Кругу земному» читаем:

Одного человека звали Гудлейк Гардский. Он был родом из Агдира. Он был великим мореходом и купцом, богатым человеком, и совершал торговые поездки в разные страны. Он часто плавал на восток в Гардарики, и был он по этой причине прозван Гудлейк Гардский. В ту весну Гудлейк снарядил свой корабль и собрался отправиться летом на восток в Гарды. Конунг Олав послал ему слово, что он хочет встретиться с ним. И когда Гудлейк приехал к нему, говорит ему конунг, что он хочет вступить с ним в товарищество, попросил его купить себе те ценные вещи, которые трудно достать там в стране (т. е. в Норвегии. — Т. Д.). Гудлейк говорит, что все будет так, как прикажет конунг. Тогда конунг повелел выплатить ему столько денет, сколько ему кажется необходимым. Отправился Гудлейк летом по Восточному пути. Они стояли некоторое время у Готланда. [...]

Гудлейк отправился летом по Восточному пути в Хольмгард и купил там драгоценные ткани, которые, он думал, пойдут конунгу на торжественные одежды, а также дорогие меха и роскошную столовую утварь. Осенью, когда Гудлейк плыл с востока, был встречный ветер, и они очень долго стояли у Эланда [Ibidem, XXVII, 83–84].

Не менее выразительна и содержательна полулегендарная «Прядь о Хауке Длинные Чулки», входящая составной частью в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» по рукописи «Flateyjarbók», в которой рассказывается следующее:

Однажды летом случилось, что конунг Харальд (Прекрасноволосый. — *Т. Д.*) зовет к себе своего любимого человека, Хаука Длинные Чулки, и говорит: «Теперь я свободен от всяких военных действий и немирья здесь внутри страны. Нам бы хотелось вести обеспеченную жизнь и развлекаться. Хотим мы теперь послать тебя в Восточное государство этим летом, чтобы купить мне некоторые драгоценности, дорогие и редкие в наших землях». [...] Хаук плывет теперь на одном корабле и с хорошими спутниками, и приплывает осенью на восток в Хольмгард, и провел там зиму, и приходит он туда, где устроен рынок. Туда пришло много людей из многих стран. Туда пришли воины конунга Эйрика из Уппсалы: Бьёрн Чернобокий и Сальгард Куртка. [...] Однажды Хаук шел по этому городу со своей дружиной и хотел купить какие-нибудь драгоценности для своего господина, конунга Харальда. Тогда подошел он туда, где сидел один грек. Хаук увидел там драгоценный плащ. Он весь был отделан золотом. Этот плащ покупает Хаук... [Flat., II, 64]

В приведенных фрагментах саг речь идет о русско-норвежской торговле, что очень существенно, поскольку в русских письменных источниках отсутствуют какие-либо сведения об отношениях с Норвегией вплоть до XIV в. [Шаскольский 1970, 42, примеч. 169]. Как верно отметил А. Р. Льюис, саговую традицию хорошо подкрепляют лишь нумизматические данные. Исследователь дает основанную на многочисленных публикациях

сводку находок в Норвегии саманидского серебра, византийских монет X—XI вв. и куфических дирхемов XI в., которые могли поступать сюда благодаря русско-норвежским торговым контактам [Lewis 1958, 358, 434—435; ср.: Потин 1968, 38].

А. Р. Льюис, однако, отрицает наличие подобных контактов в XII—XIII вв., полагая, что в это время в норвежско-новгородской торговле появились посредники в лице датских и немецких купцов [Lewis 1958, 484]. Я склонна в данном вопросе разделять точку зрения И. П. Шаскольского, пришедшего на основании анализа источников к выводу, что «поездки норвежцев по Балтийскому морю в русские земли преимущественно с торговыми целями продолжались и после 'эпохи викингов', в XII и XIII вв.» [Шаскольский 1970, 44]. Дополнительным подтверждением этого вывода может служить упомянутый выше отрывок из «Круга земного» Снорри Стурлусона, где говорится о скальде Сигвате, расспрашивавшем норвежских купцов, ездивших в *Хольмгард*, о конунге Магнусе. Дело в том, что этот фрагмент основан на виле (строфе из поэмы) скальда Сигвата, но в самой виле никаких купцов «хольмгардсфари» нет. Они являются плодом творчества Снорри, а соответственно, и отражением реальности первой трети XIII в.

Описание происходящего в летнее время рынка в *Хольмгарде*, на который приезжало «много людей из многих стран», и в частности, помимо норвежцев, — шведы, не противоречит сложившейся в историографии общей картине внешней торговли раннесредневекового Новгорода²².

Приведенный отрывок из «Саги об Олаве Святом» по «Кругу земному» позволяет уточнить предметы русско-норвежской торговли, а именно те товары, которые скандинавы могли приобретать в Новгороде: это — «драгоценные ткани», «дорогие меха», «роскошная столовая утварь».

Совершенно справедливо мнение М. Б. Свердлова, что одной из целей торговых поездок скандинавов на Русь можно считать приобретение для конунгов и знати драгоценных тканей

²² Археологами обнаружены предметы скандинавского происхождения середины X — XI в., попавшие в Новгород в результате торговли (см.: Седова 1979, 180).

византийского производства [Свердлов 1974, 60]. Из Византии на Русь шли ткани, и это доказывается как археологическими [Ржига 1932], так и лингвистическими данными [Йордаль 1968, 235]. Драгоценные ткани фигурируют и в договоре Руси с Византией 944 г.²³ В. Т. Пашуто подчеркнул, что, «подтверждая прежние права русских купцов, договор ограничивал объем торговых операций относительно драгоценных тканей», ограждая тем самым «интересы византийских купцов — экспортеров этого товара» [Новосельцев, Пашуто 1967, 83]. Действительно, «Прядь о Хауке» отмечает присутствие на новгородском торгу грека, торгующего изделиями из драгоценных тканей. Проникновение тканей византийского производства в Скандинавию фиксируется и археологически [Jahnkuhn 1963, 193]. Кроме византийских тканей, на Русь поступали восточные ткани, привозимые купцами с юга и юго-востока из Булгара [Новосельцев, Пашуто 1967, 105]. Их находки также отмечены на Скандинавском полуострове [Gejer 1938, 65—67, 70—71]. Сказать со всей определенностью, какие ткани имел в виду автор «Саги об Олаве Святом», не представляется возможным²⁴.

Весьма характерным предметом новгородского экспорта были меха. Уже в IX в. русские вывозили предметы звероловства [Греков 1959, 35]. Как показывает анализ письменных памятников IX—XIII вв., русские меха были хорошо известны в Византии, Германии, Франции [Новосельцев, Пашуто 1967, 84, 92, 93, 97], Англии [Матузова 1979, 48], а также в Хорезме [Новосельцев, Пашуто 1967, 105]. Свидетельством широты меховой торговли Древней Руси может служить наличие в ряде европейских языков заимствованного из древнерусского языка слова «соболь» [Мельникова

²³ В более позднее время (XI—XII вв.), по мере укрепления экономических и культурных связей Византии с Русью, ввоз византийской художественной утвари и тканей на Русь возрастает (см.: Даркевич 1973).

²⁴ «Драгоценные ткани» названы также среди прочих ценных вещей, вывозимых из Руси на шести кораблях Олавом Трюггвасоном, в саге монаха Одда (О. Тг. Oddr, 65—66).

1984а, 72]. Выше я упоминала Бьёрна хольмгардсфари, привозившего «лучшую пушнину, чем многие другие купцы». В двух других рукописях («Sturlubók» и «Hauksbók») «Книги о взятии земли» содержится предельно краткая, но очень информативная формулировка: «... Бьёрн, который прозывался Меховой Бьёрн (*Skinna-Björn*), так как он был хольмгардсфари» [Landn., 189], — тем самым поездки в Новгород и меховая торговля поставлены в прямую связь. В ряде саг об исландцах упоминается *gerzkr hqtr* [«Сага о Гисли», гл. 28; «Сага о Ньяле», гл. 31, и т. д.], традиционно переводимая как «гардская (или: русская) шляпа». Думается, что гораздо точнее передано значение этого словосочетания в русском переводе саг под редакцией М. И. Стеблин-Каменского — «русская меховая шапка» [Исландские саги 1973, 65, 207].

Указание на то, что следует понимать под «роскошной столовой утварью», содержат, как мне кажется, материалы из раскопок в Новгороде. Проведенный А. Ф. Медведевым анализ находок ближневосточной поливной керамики иранского производства (из центров Рея, Кашана и др.) позволил ему заключить, что керамика эта стоила очень дорого и была доступна лишь самым богатым новгородцам [Медведев 1963, 271, 273]. Эти же выводы были подтверждены и раскопками последующих лет [Рыбина 1978б, 51]. Вполне вероятно, что именно о такой «столовой утвари» и идет речь в саге, однако, возможно, что это были местная новгородская посуда, точные изделия из металла или произведения византийского художественного ремесла.

«Сага об Олаве Святом» по «Круту земному» содержит еще одно важное свидетельство. В ней говорится, что по пути на Русь норвежские купцы «стояли некоторое время у Готланда». Ценность этой ремарки велика в свете той роли (определяемой по другим источникам), какую играл Готланд на торговых путях Балтики. В раннем и позднем средневековье этот остров являлся средоточием балтийской и международной торговли и как бы промежуточным пунктом на торговых путях, пересекавших Балтийское море (Л. К. Гётц приводит свидетельства, согласно которым германские купцы,

отправляясь в Восточную Прибалтику и на Русь, должны были непременно посещать Готланд [Goetz 1922, 19]). Многочисленные находки на Готланде восточных монет, попавших туда из владений Арабского халифата через Русь, и в частности через Новгород²⁵, могут служить доказательством ранних торговых связей Новгорода с Готландом [Рыбина 1978б, 54]. В русских источниках самое раннее свидетельство торговых поездок новгородцев на Готланд содержится в Новгородской летописи, где под 1130 г. сообщается, что «въ се же лѣто, идуще и-заморья съ Готь, потопа лодии 7, и сами истопоша и товаръ, а друзии вылезеша, нъ назѣи» [НПЛ, 22]. Исследователи склонны считать, что нашедшая отражение в источниках система взаимоотношений Новгорода с Готландом возникла еще в XI в. [Рыбина 1978б, 55]. Анализ «Договорной грамоты Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде» (1189–1199 гг.) [ГВНП, 55–56 (№ 28)] позволил В. Т. Пашуто заключить, что в ней «отражена вековая давность, частично восходящая ко временам русско-византийских договоров X в.» [Итоги и задачи, 31]. Тем самым, рассказ саги о торговой поездке, датируемой 1018 г., из Скандинавии на Русь (в Новгород) с промежуточной остановкой на Готланде вполне отвечает историческим реалиям начала XI в.

Ряд скандинавских источников говорит о наличии в Новгороде варяжской церкви св. Олава. Прежде всего, это — руническая надпись из Шюсты (в Упланде), сообщающая о некоем Спяльбуде, который «умер в Хольмгарде в церкви [святого] Олава» [Мельникова 1977а, № 89; Мельникова 1984б, 131]. Кроме того, в житии св. Олава, принадлежащем архиепископу Эйстейну, в «Древненорвежской книге проповедей», в «Легендарной саге» и в версии «Отдельной саги» по «Книге с Плоского острова» описывается чудо иконы св. Олава [Acta, 142; Passio, 89; Homil., 124; Leg. s., k. 117; Ó. s. N. Flat. (Flat., II, 507)], принадлежащее к посмертным чудесам святого:

²⁵ К концу 1970-х гг. число находок дошло до 60 тыс. монет (Svahnström 1981, 441).

В некоем городе Руссии, который называется Хольмегардер, вдруг случился такой пожар, что, казалось, городу угрожает полное уничтожение. Его жители, лишившись от чрезмерного страха самообладания, толпами стекаются к некоему латинскому священнику по имени Стефан, который там же служил в церкви Блаженного Олава. Они надеются в такой крайней нужде воспользоваться помощью блаженного мученика и проверить наверняка то, что они узнали о нем по слухам. Священник же, нисколько не медля, идет навстречу их пожеланиям, берет в руки его образ и выставляет его против огня. И вот, и огонь не распространяется дальше, и прочая часть города освобождается от пожара [Acta, 142]²⁶.

Два латинских и три древнескандинавских текста практически тождественны. Несколько сокращен по сравнению с остальными вариантами текст «Легендарной саги» (в ней отсутствует мотивировка обращения людей к священнику церкви св. Олава). Для нас этот мотив важен тем, что он содержит указание на существование в Новгороде церкви св. Олава.

Летописи отмечают существование варяжской церкви (или церквей) в Новгороде, но без имени патрона²⁷. Так, Новгородская летопись под 1152 г. сообщает о пожаре «въ сред Търгу», в котором «церквии съгоре 8, а 9-я Варяжская» [НПЛ, 29], под 1181 г. — что «зажъжена бысть церкы от грома Варяжская на Търговищи» [Там же, 37], под 1217 г. — что «въ Варяжской божници изгорѣ товаръ вьсь варяжскыи бецисла» [Там же, 57], а под 1311 г. — что церквей «каменных 6 огорѣ, 7-я Варяжская» [Там же, 93]. Анализ более поздних источников (древней скры новгородского двора, латинской и немецкой редакций договора 1270 г. и летописей) приводит исследователей к выводу о существовании в Новгороде с конца XII в. двух торговых иноземных дворов: немецкого с церковью св. Петра и готского с церковью св. Олава [Бережков 1879, 61]. Е. А. Рыбина на основании со-

²⁶ Перевод — А. В. Подосинова.

²⁷ На это обстоятельство обратил внимание С. Аннинский (Аннинский 1940, 157).

вокупного рассмотрения повести о новгородском посаднике Добрыне и целого комплекса разнообразных письменных сообщений заключает, что «Готский двор с церковью св. Олафа на нем был основан в Новгороде не позднее первого десятилетия XII в.» [Рыбина 1978а, 79–85].

Если согласиться с принятой в науке датировкой рунической надписи из Шюсты 90-ми годами XI в., равно как и с таким прочтением этой надписи (О. фон Фрисен, Е. А. Мельникова), что Спяльбуд «умер в Хольмгарде в церкви Олава» (а не «в дружине Олава», как полагал С. Бюгге, или «при путешествии Олава в Грецию», как читал это место Р. Дюбек)²⁸, то получается, что скандинавские источники дают еще более раннюю датировку основания церкви св. Олава в Новгороде, ибо церковь в таком случае должна была быть построена «между 1030 г. (смерть Олава Харальдссона) и 90-ми годами XI в.» [Мельникова 1974, 177]²⁹. Однако строгая аргументированность вывода Е. А. Рыбиной о том, что церковь св. Олава на Готском дворе строилась в годы жизни посадника Добрыни, т. е. в начале XII или на рубеже XI–XII вв. [Рыбина 1986, 19], ставит под сомнение либо датировку камня из Шюсты, либо предложенное О. фон Фрисеном прочтение высеченной на нем надписи.

Существование скандинавского купеческого двора в Новгороде указывает на то, что к XII в. торговые связи Руси и Скандинавии носили в известной мере постоянный, регламентированный характер. Исследователи внешней торговли Древней Руси отмечают, что, «как ни скудны источники, они позволяют заключить, что уже в ту далекую пору складывались относительно устойчивые системы межгосударственных торговых союзов» [Новосельцев, Пашуто 1967, 108]³⁰. Письменные памятники фиксируют отдельные

²⁸ См.: Мельникова 1977а, № 89.

²⁹ См. также: Брим 1931, 227–228; Свердлов 1974, 106.

³⁰ Кроме Готланда, русские купеческие товарищества утвердились в XII–XIII вв. в Константинополе, Риге, Ревеле, Любеке, Сигтуне, где у них были гостиные дворы (см.: Даркевич 1973, 102).

нарушения торговых соглашений. Новгородская первая летопись под 1134 г. отмечает, что «рубоша новгородць за моремь въ Дони (в Дании. — *Т. Д.*)» [НПЛ, 23]. А под 1188 г. — что «рубоша новгородьце Варязи на Гътѣхъ» [Там же, 39]; в ответ на это Новгород разорвал торговый мир: «не пустиша из Новагорода своихъ ни одного мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира» [Там же].

Аналогичное свидетельство содержится в «Гнилой коже», где рассказывается о немирье «между Свейном, сыном Альвивы, и конунгом Ярицлейвом (Ярославом Мудрым. — *Т. Д.*), так как конунг Ярицлейв считал, что норвежцы изменили конунгу Олаву Святому, и некоторое время не было между ними торгового мира». Поэтому, отправляясь по Восточному пути (здесь — на Русь), богатые купцы Карл и Бьёрн сочли свою поездку «небезопасной». Действительно, когда они приплыли в Восточное государство (на Русь) и остановились в большом торговом городе, жители, узнав, что они — норвежцы, не захотели с ними торговать и «собирались на них напасть. И когда Карл увидел, что положение осложняется, то сказал он местным жителям: “Это было бы смело и дерзко, вместо конунга вашего, оскорблять иноземных людей и бить”». Карл отправился к конунгу Ярицлейву, сидевшему, по саге, в Новгороде, но тот «велел схватить его и тотчас заковать, и так было сделано». Освободил Ярицлейв Карла лишь по совету жившего у него при дворе Магнуса, сына Олава Харальдссона [Msk., 5–8]³¹. События, о которых повествуется в саге, относятся ко второй трети XI в. (после смерти Олава в 1030 г.). Для нас крайне важно здесь отражение того факта, что торговля к этому времени находилась в государственном ведении. Сообщение саги, стало быть, находится в соответствии с тем выводом, что Древнерусское государство с момента своего образования взяло на себя руководство внешней торговлей и ее юридическую защиту [Новосельцев, Пашуто 1967, 82].

³¹ Анализ этого фрагмента саги см. в следующей Главе.

Таким образом, торговля Новгорода и Скандинавских стран нашла отражение в памятниках древнескандинавской письменности. Источники содержат сведения о торговле Новгорода с Норвегией и Швецией (Готландом) с X в. и до середины XIII в., сообщают о существовании в Новгороде готского торгового двора с церковью св. Олава, характеризуют Новгород как крупный центр транзитной международной торговли, через который поступали в Скандинавию произведения ремесла и художественных промыслов Византии и стран Востока, а также как центр торговли драгоценными русскими мехами, хорошо известными всей средневековой Европе.

ГЛАВА 7

ALDEIGJA — ЛАДОГА

Топонимика и археология

Топоним *Aldeigjuborg*, как правило, отождествляется исследователями с Ладогой (Старой Ладогой). Самая ранняя фиксация этого композита — в «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда (ок. 1190 г.). Присутствие в скальдических стихах (в виле из поэмы Эйольва Дадааскальда «*Bandadrápa*», сочиненной ок. 1010 г.) формы *Aldeigja* говорит о том, что именно она являлась исходной для этого наименования. Используемый сагами композит *Aldeigjuborg* построен при помощи географического термина *borg* «город, крепость», служащего преимущественно для оформления древнескандинавской топонимии Западной Европы и не типичного для обозначения городов Древней Руси. Причина такого словообразования кроется в поэтапности освоения скандинавами пути «из варяг в греки»: Ладого, лежащую в самом начале этого пути, варяги освоили, согласно имеющимся археологическим данным, уже во второй половине VIII в., на остальной же части этого пути они археологически прослеживаются только со второй половины IX в. Осевшие в Ладогe скандинавы, составлявшие здесь, «вероятно, сравнительно самостоятельную политическую организацию» [Лебедев 1975, 41], создали на местной основе (об этом чуть ниже) топоним *Aldeigja*, а затем дали городу имя *Aldeigjuborg*, в соответствии с привычной для себя топонимической моделью *X-borg*.

Исследователи единодушны в признании генетической связи между топонимами *Aldeigja* и *Ладога*, но вопрос об их происхождении и взаимозависимости решался в науке по-разному. Название города производили и от наименования Ладожского озера (из финск. **aaldokas*, *aallokas* «волнующийся» — от *aalto* «волна») [Munch 1874, 260; Thomsen 1879, 84; Фасмер 1986, II, 448], и от имени реки Ладogi, со- врем. Ладожки (из финск. **Alode-joki*, где *alode*, *aloe* — «низкая местность» и *jok(k)i* — «река») [Mikkola 1906, 10–11; Брим 1931, 222–223; Рыдзевская 1945, 64–65; Роспонд 1972, 53; Попов 1981, 55–56, 90–91; Нерознак 1983, 101–102]. Раз- делявший поначалу последнюю точку зрения Г. Шрамм [Schramm 1982] пересмотрел свое мнение и предположил, что в основе названия города Ладogi лежит финское имя Вол- хова (финск. *Olhava*) [Фасмер 1986, I, 346] или его нижнего течения [Schramm 1986, 369–370]. Думаю, исследователь не принял здесь во внимание такой топонимической законо- мерности, что при образовании городов вблизи устьев неболь- ших рек города, как правило, получали свое название не по ос- новной реке, а именно по этим притокам.

К настоящему времени можно считать почти доказанным, что сначала возникло название реки, затем города и лишь за- тем озера. По общему мнению исследователей, название про- исходит из прибалтийско-финских языков. Скорее всего, ис- ходный гидроним — финск. **Alode-jogi* (*joki*) «Нижняя ре- ка». По А. И. Попову, последовательность такова: 1) «при- балтийско-финский или саамский оригинал», 2) «русская передача этого названия (*Ладога*) с последующим переносом на торговый пункт — г. Ладogu», 3) перенос имени города на озеро [Попов 1981, 55–56, 90–91]. Древнескандинавский топоним *Aldeigja* (*Aldeigjuborg*) приводится исследователями большей частью лишь как параллель к древнерусскому [По- пов 1981; Нерознак 1983]. Однако, как со всей убедительно- стью доказал И. Миккола, исходным является сочетание *al*, а не *la* в начале слова, ибо только последнее может быть объяс- нено из первого, но не наоборот [Mikkola 1906]. Соответст- венно, можно утверждать, что из финского названия реки

Рис. 10. Ладожская крепость (рис. А. Олеария 1634 г.)

Ладоги (совр.: Ладожки) произошел скандинавский топоним *Aldeigja* (вероятнее всего, сначала как имя реки, а затем — поселения), а из него (с метатезой *ald > lad*) — древнерусское *Ладога*.

Возникновение древнерусского названия *Ладога* не прямо от субстратного **Alode-jogi*, а через посредство скандинавского *Aldeigja* требует своего объяснения. Еще не так давно Г. Шрамм мог только предполагать, что если славянское имя произошло от скандинавского, то славянский поток достиг Ладоги десятилетиями позже [Schramm 1986, 369]. На сегодня это можно считать уже доказанным: новейший анализ стратиграфии, домостроительства и топографии Ладоги VIII–X вв. [Кузьмин 1989, 34–35; Кузьмин, Мачинская 1989, 29–30] показал, что первыми поселенцами в Ладоге в начале 750-х гг. действительно были выходцы из Северной Европы, а импульс продвижения славян дал себя знать лишь к концу 760-х гг. Археологический материал подтвердил топонимические данные.

О сожжении Ладоги норвежским ярлом Эйриком

В «Саге об Олаве Трюггвасоне» по «Кругу земному» рассказывается о нападении норвежского ярла Эйрика на Ладугу. Исследователями, на основании внутренней хронологии саги и сравнения ее сведений с данными других письменных источников, этот поход ярла Эйрика датируется 997 г.

Ярл Эйрик приплыл осенью назад в Свитьод и оставался там следующую зиму. А весной собрал ярл свое войско и поплыл вскоре по Восточному пути. И когда он пришел в государство конунга Вальдамара, стал он грабить и убивать людей, и жечь повсюду, где он проходил, и опустошил ту землю. Он подошел к Альдейгьюборгу и осаждал его, пока не взял города, убил там много народа, и разрушил и сжег всю крепость, а затем воевал во многих местах в Гардарики [ÍF, XXVI, 339].

Если еще в 1941 г. Е. А. Рыдзевская была вынуждена констатировать, что раскопками «земляного городища в Старой Ладоге никаких следов пожара, которые можно было бы отнести за счет набега 997 г.», обнаружено не было [Рыдзевская 1945, 55], то данные, полученные в 1980-х гг., говорят об обратном.

Так, раскопками на Варяжской улице (на левом берегу р. Ладожки) установлено, что «все постройки II основного горизонта» и многие из построек III-го «обнаруживают следы гибели в огне». Уточню, что порубочные даты бревен, использованных в постройках III-го горизонта, приходятся на 951—995 гг.; перекрывающий его II основной горизонт тоже сложился в пределах X в. По мнению В. П. Петренко, «одно из этих бедствий связано с набегом норвежского ярла Эйрика» [Петренко 1985, 91, 92, 115]. Та же картина наблюдается и на Земляном городище Ладоги, где «плохо сохранившийся ярус XI» (после 980 г.) «гибнет в пожаре», связываемом исследователями (предложившими новую стратиграфическую колонку Земляного городища Ладоги) «с набегом на Ладугу ярла Эйрика в 997 г.» [Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986, 166].

Ладога и Ладожская волость

В целом ряде древнескандинавских источников конца XII — первой трети XIII в. содержится информация о браке русско-го князя Ярослава Владимировича Мудрого, великого князя киевского с 1016 по 1054 г. («конунга Ярицлейва»), и Ингигерд, дочери шведского конунга Олава Эйрикссона [Джаксон 1994, 154—161]. Однако только в «Саге об Олаве Святом» по «Кругу земному» рассказывается о том, как Ингигерд получила в свадебный дар «Ладогу и то ярлство, которое к ней принадлежало (*Aldeigjuborg ok þat jarlsríki, er þar fylgði*)»:

Следующей весной приехали в Свитьод послы конунга Ярицлейва с востока из Хольмгарда, и ехали они, чтобы проверить то обещание, которое конунг Олав дал предыдущим летом: отдать Ингигерд, свою дочь, за конунга Ярицлейва. Конунг Олав повел этот разговор с Ингигерд и говорит, что таково его желание, чтобы она вышла замуж за конунга Ярицлейва. Она отвечает: «Если я выйду замуж за конунга Ярицлейва, то хочу я, — говорит она, — в свадебный дар себе Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему относится». И гардские послы согласились на это от имени своего конунга. Тогда сказала Ингигерд: «Если я поеду на восток в Гардарики, тогда я хочу выбрать в Свитьод того человека, который, как мне думается, всего больше подходит для того, чтобы поехать со мной. Я также хочу поставить условием, чтобы он там на востоке имел не ниже титул и ничуть не меньше прав и почета, чем он имеет здесь». На это согласился конунг, а также и послы. Конунг поклялся в этом своей верой, и послы тоже. (Ингигерд выбрала себе в провожатые своего родича ярла Рёгнвальда Ульвссона. — Т. Д.) Поехали они все вместе летом на восток в Гардарики. Тогда вышла Ингигерд замуж за конунга Ярицлейва. Их сыновьями были Вальдамар, Виссивальд, Хольти Смелый. Княгиня Ингигерд дала ярлу Рёгнвальду Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему принадлежало. Рёгнвальд был там ярлом долго, и был он известным человеком [ÍF, XXVII, 147—148].

Брак Ярослава и Ингигерд был заключен в 1019 году: эту дату называют исландские анналы [ИА, 106, 316, 468]; она же восстанавливается и по хронологии «Круга земного». По поводу сватовства Ярослава к шведской принцессе Ингигерд в научной литературе высказывалось предположение, что одной из причин, побудивших его заключить союз с Олавом Шведским, был военный поход по Восточному пути, совершенный ярлом Свейном Хаконарсоном в 1015 г. Ярослав якобы шел на этот брак для предотвращения возможных в дальнейшем агрессивных действий, которые, как и раньше (только что рассмотренное нападение на Ладогу ярла Эйрика Хаконарсона в 997 г.), предпринимались если не самим Олавом, то покровительствуемыми им его друзьями и гостями [Рыдзевская 1945, 56]. Отмечая нестабильную обстановку в Южном Приладожье на рубеже X—XI вв., отрицательно сказывавшуюся как на состоянии международной торговли, так и на безопасности Новгорода, исследователи также охарактеризовали брак между Ярославом Мудрым и Ингигерд как попытку устранения нестабильности. Ладожское ярлство в результате превратилось в своеобразную буферную зону между Скандинавией и Русью: став владением шведки Ингигерд, эта область оказалась защищенной от нападений шведов, а будучи передана ярлу Рёгнвальду, другу Олава Норвежского, — и от нападений норвежцев [Богуславский 1993, 152].

Мне представляется, что причина здесь гораздо глубже. Период с 1018 по середину 1020-х гг. в целом отмечен усилением русско-шведских, равно как и русско-датских, связей, вызванным желанием Ярослава создать антипольскую коалицию в процессе борьбы за киевский стол [Назаренко 1984, 13—19; Мельникова 1988, 47]. Именно как следствие этой политики и стоит рассматривать сватовство Ярослава к дочери Олава Шведского и последующую женитьбу на ней.

Передача Ладоги знатному скандинаву в начале XI в. не фиксируется никакими другими источниками, кроме «Саги об Олаве Святом» Снорри Стурлусона (во всех ее вариантах) и «Пряди об Эймунде». Тем не менее большинство исследователей признает достоверность присутствия в Ладоге в означенное

время скандинавского правителя. Вероятно, причина такого единодушия кроется в том, что «сведения саг о Ладоге сходятся с нашей летописью в том, что в этом городе с примыкающей к нему территорией нет своего князя, в противоположность Новгороду, Полоцку и другим» [Рыдзевская 1945, 59]. Однако характер княжеского владения в Ладоге (или Ладожской волости) оценивается весьма неоднозначно.

Опираясь на работу Е. А. Рыдзевской, А. Н. Насонов пришел к выводу, что в первой половине XI в. киевские князья держали в Ладоге «наемного варяга-воина». На том основании, что «Ладога в скандинавских сагах и хрониках считалась принадлежащей к земле Вальдемара Старого, т.е. Владимира Киевского (997 г.)», Насонов сделал вывод о «киевском господстве на севере» вплоть до середины XI в. [Насонов 1951, 70]. Этот вывод без дальнейшего обсуждения приняли последующие исследователи [Носов 1984, 103]. Но, по сагам, конунги Вальдамар и Ярицлейв сидят в *Хольмгарде* (Новгороде). Поэтому прав, думаю, был А. В. Куза, отметивший, что указания саг не дают «права связывать Ладогу непосредственно с Киевом, минуя Новгород» [Куза 1975а, 175].

Итак, по Насонову, в Ладоге находился «наемный варяг-воин», которого «приходилось содержать», давая ему и его мужам жалование по договору [Насонов 1951, 70; см. также: Толочко 1989, 58]. Правда, согласно саге, Рёгнвальд получает звание ярла, а условие договора Ингигерд таково, что Рёгнвальд должен иметь «не ниже титул и ничуть не меньше прав и почета», чем у себя дома. Аналогично и Эйлив (по «Красивой коже»), «взавший ярлство» после смерти Рёгнвальда, сам содержит свою дружину, будучи, вероятно, как и его отец, «обязан данью конунгу Ярицлейву» (о чем говорится в «Пряди об Эймунде»):

Рёгнвальд Ульвссон был ярлом над Альдейгьюборгом... Он был великий вождь и обязан данью Ярицлейву конунгу, и дожил до старости [Flat., II, 217].

У конунга Ярицлейва всегда были нордманны и свенские люди; и умер тогда ярл Рёгнвальд Ульвссон, а то

ярлство взял ярл Эйлив. У него тоже было много нордманнов, и он давал им жалованье [по договору]. Это звание ярла давалось для того, чтобы ярл защищал государство конунга от язычников [Fask., 227].

Тем самым и Рёгнвальд, и Эйлив, в глазах авторов саг, облечены правом сбора дани в своем ярлстве (в Ладогe) и лишь какую-то определенную ее часть отдают конунгу. Более верным поэтому представляется прочтение приведенного текста М. Б. Свердловым, который заключил, что «Ярослав не только использовал скандинавов в качестве наемников, но и поручал им управление значительными областями русского государства» [Свердлов 1974, 64–65].

Г. С. Лебедев видит в Рёгнвальде «великокняжеского наместника» [Лебедев 1985, 215]; аналогично, как «наместника великой княгини», оценивает его А. Н. Кирпичников, замечая при этом, что «ладожские правители-шведы напоминали служилых князей» [Кирпичников 1988, 57]. В нашей совместной статье с Г. В. Глазыриной мы определили Ладожское «ярлство» как «условное держание» [Глазырина, Джаксон 1986]. Мы пытались показать, что, вероятно, в саге нашло отражение древнерусское кормление, фигурирующее в русских источниках лишь с XV в., но ведущее свое начало, по заключению ряда исследователей (С. В. Юшков, В. Т. Пашуто, М. Б. Свердлов), с более раннего времени, а здесь описанное в терминах норвежской вейцлы. Однако позднее, ссылаясь на вывод Н. Л. Пушкаревой, что женщина на Руси получила право владеть и распоряжаться недвижимостью, в том числе и землей, приблизительно с конца XII в. [Пушкарева 1989, 104–139], Глазырина заключила, что рассказ саги о свадебном даре конунга Ярицлейва «вряд ли является достоверным, поскольку противоречит данным об имущественно-правовом состоянии общества Скандинавии и Руси в начале XI в.» [Глазырина 1994]. Это мнение, однако, исследователями Ладоги принято не было [Кирпичников, Сарабянов 1996, 94–95].

Ладога на пути из Скандинавии в Новгород

Маршрут из Новгорода в Швецию через Ладогу совершенно естественен, и, видимо, вследствие этого, он крайне редко фиксируется в сагах, отличающихся «необычайной скудостью и часто неточностью» в описании всего пути «из варяг в греки» [Брим 1931, 201]. Тем не менее, саги иногда говорят о том, что, возвращаясь из Новгорода в Скандинавию, путешественники останавливаются в Ладоге, где садятся на корабли:

Магнус Олавссон начал после йоля свою поездку с востока из Хольмгарда вниз в Альдейгьюборг. Стали они снаряжать свои корабли, когда весной сошел лед [ÍF, XXVIII, 3].

А весной собрался он (Харальд Сигурдарсон. — Т. Д.) в путь свой из Хольмгарда и отправился весной в Альдейгьюборг, взял себе там корабль и поплыл летом с востока [ÍF, XXVIII, 91].

Кальв и его люди пробыли в Хольмгарде, пока не прошел йоль. Отправились они тогда вниз в Альдейгьюборг и приобрели там себе корабли; отправились с востока как только весной сошел лед [Orkn. s., 57].

Е. А. Рыдзевская в докладе о Старой Ладоге, прочитанном в апреле 1941 г., высказала, на основании известий саг, предположение, что суда, ходившие по Балтике и по Волхову, были неоднотипны, а следовательно, в Ладоге должна была существовать «дифференциация ремесленного труда по их снаряжению и ремонту». Исследовательница выразила надежду, что «дальнейшие археологические исследования в Старой Ладоге вскроют какие-нибудь следы местного ремесла, остатки мастерских и т. п.» [Рыдзевская 1945, 63]. И действительно, в горизонте E₁ (70-е — 90-е гг. IX в.) «в 1958 г. был раскрыт комплекс, связанный с обработкой железа и бронзы, получивший название кузницы». Работавший здесь мастер среди прочего изготовлял «заклепки, очевидно, для ремонта прибывших сюда северных кораблей» [Давидан 1986, 100]. Более того, детали кораблей встречаются при раскопках в Старой Ладоге, начиная с самого нижнего горизонта,

равно как и железные лодейные заклепки, известные по скандинавским памятникам [Там же, 101]. Как справедливо подчеркнула Пирио Уйно, на местное кораблестроение и ремонт грузовых судов указывают находки корабельных досок, вторично использовавшихся в качестве лицевых частей мостовых [Uino 1989, 217], — находка 1970-х гг. на уровне III строительного горизонта Варяжской улицы [Петренко 1985, 112]. С кораблестроением, или ремонтом кораблей, был связан и скандинавский производственный комплекс VIII в., открытый в 1973—1975 гг. [Рябинин 1980, 174]. Как можно видеть, предсказания дальнейших археологических открытий, сделанные на основании саг, сбываются.

О торгово-пропускных функциях Ладожской волости

Как показал в целой серии работ А. Н. Кирпичников, Ладога, практически с момента своего основания в VIII в., представляла собой «центр городской волости (с XI в. — наместничества), располагавшейся вдоль порожистой части Волхова (Гостиннопольские и Пчевские пороги). Входявшие в состав этой волости связанные с хозяйственным освоением окрестных земель поселения-сателлиты, а также дорожные станции контролировали низовье Волхова (длина около 60 км) и обслуживали международное судоходство» [Кирпичников, Рябинин, Петренко 1985, 48—51; Кирпичников, Сарабьянов 1996, 54].

Ладогу в качестве промежуточного пункта на пути из Скандинавии в Новгород саги знают — об этом только что шла речь. Впрочем, этот маршрут известен нам лишь по «Кругу земному» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) и по «Саге об оркнейцах», но лишь в той ее части, которая была переработана при участии Снорри Стурлусона (тоже ок. 1230 г.). Ни в скальдических стихах, использованных Снорри, ни в «Красивой коже», содержащей аналогичные рассказы о поездках из Руси в Швецию конунгов Магнуса Олавссона и Харальда Сигурдарсона, указания на путь через Ладогу нет.

Рис. 11. Пороги на р. Волхов (рис. А. Олеария 1634 г.)

Мне представляется, что саги сохранили также косвенную информацию о тех контрольно-пропускных функциях Ладожской волости, о которых писал целый ряд исследователей [Носов 1981, 18–24; Носов 1984, 123–127; Сорокин 1993, 110–115; и др].

Так, последняя глава «Саги об Олаве Святом» в «Круге земном» Снорри Стурлусона повествует о поездке норвежских вождей на Русь за малолетним Магнусом в начале 1035 г.

Ранней весной начинают они свою поездку, Эйнар Брюхотряс и Кальв Арнасон, и была у них большая дружина и самые лучшие люди, какие только были для этого в Трёндалёге. Они поехали весной на восток через [горы] Кьёль до Ямталанда, затем в Хельсингьяланд и оказались в Свитьод, сели там на корабли, поплыли летом на восток в Гардарики, пришли осенью в Альдейгьюборг. Отправили они тогда послов в глубь страны в Хольмгард к конунгу Ярицлейву с сообщением, что они предлагают взять с собой Магнуса, сына конунга Олава Святого, и сопровождать его в Норег, и оказать ему помощь в том, чтобы он добился своих родовых земель, и поддержать его в том, чтобы он стал конунгом над страной. И когда это сообщение достигло конунга Ярицлейва, тогда держал он совет с княгиней и

другими своими хёвдингами. Все они согласились, что норвежцам следует послать слово и тем самым вызвать их к конунгу Ярицлейву и Магнусу. Был им дан мир для их поездки. И когда они прибыли в Хольмгард, то было решено между ними, что те норвежцы, которые туда приехали, переходят в руки Магнуса и становятся его людьми... [ÍF, XXVII, 414–415].

Обратим внимание на выделенные части этого фрагмента. Приплывшие в Ладугу норвежцы не отправляются все вместе в глубь территории, а посылают *послов* (*sendimenn*) к князю с сообщением (*með orðsendingum*) о цели своей поездки. Ярослав получает это сообщение и после обсуждения сложившейся ситуации решает послать норвежцам, оставшимся в Ладогe, слово (*gera orð*) и тем самым вызвать их (*stefna þeim þannig*) к себе. Снорри тут же уточняет, что им был дан мир для их поездки (*vari þeim gríð seld til þeirar ferðar*). Третье употребленный здесь термин *orð* «слово» (с вариантом *orðsending* «послание») определенно указывает на то, что послы несли устную информацию. Для обозначения «мира» используется термин *gríð*, отличающийся от синонимичного слова *fríðr* «мир» тем, что выражает понятие, ограниченное во времени и пространстве. Речь идет о гарантированном безопасном проезде от Ладогe до Новгорода.

Вероятно, о том же гарантированном безопасном проезде по территории Руси говорит и монах Теодорик, лаконично излагая в своей латиноязычной хронике «История о древних норвежских королях» (1177–1180 гг.) историю возведения Магнуса на престол. Когда на Русь пришли четыре знатных норвежца, Ингигерд, жена Ярослава, отказалась отдать им мальчика, «если они клятвенно не пообещают, что он будет провозглашен королем... Те же, пообещав все и даже больше того, что от них требовалось, получают разрешение уехать...» [Theodricus, 44–45]

Мне представляется необходимым привлечь внимание также к «Саге о Магнусе» в своде королевских саг «Гнилая кожа» (1217–1222 гг.). Здесь не упоминается Альдейгьюборг, и потому в работах, посвященных Ладогe, эта сага

не фигурирует. Тем не менее информация, в ней содержащаяся, заслуживает самого пристального внимания.

«Сага о Магнусе» в «Гнилой коже» имеет совершенно иной зачин, нежели во всех прочих источниках. (Исключение — тождественная «Гнилой коже» версия «Книги с Плоского острова» на дополнительных листах второй половины XV в., а также восходящий к «Гнилой коже» и лишь отличающийся незначительно стилистически вариант саги по рукописи XIV в. «Хульда».) Здесь сага открывается неким, неизвестным по другим исландско-норвежским сочинениям, текстом, который также называют «Прядью о Карле Несчастном».

В «Пряди о Карле» говорится следующее:

Нет теперь мира между Свейном Альвивусоном и конунгом Ярицлейвом, потому что конунг Ярицлейв полагал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к святому конунгу Олаву, и некоторое время не было между ними торгового мира [Msk., 5; ср.: Fms., VI, 7].

Речь идет, как следует из дальнейшего изложения, о 1034 году. Е. А. Мельникова рассматривает «указание на отсутствие торгового мира при Свейне» как свидетельство того, что такой мир между Русью и Норвегией существовал «в предшествующее время». Исследовательница заключает на этом основании, что «во время правления Олава Харальдссона был заключен торговый мир с Русью, обеспечивавший свободную торговлю и безопасность норвежских купцов на Руси». Наиболее вероятными годами заключения договора о торговом мире с Норвегией Мельникова считает 1024–1026 гг., проведенные Ярославом в Новгороде, между проигранной им битвой при Листвене и его возвращением в Киев [Мельникова 1997, 35–41; Melnikova 1997, 15–24].

События 1034 г. развиваются, по «Пряди о Карле», таким образом, что на Русь («в Аустрвег») решают отправиться со своими людьми два норвежских купца (солевары, накопившие денег и занявшиеся торговлей), Карл и его брат Бьёрн. Они осознают, что «из-за заявлений конунга Свейна и конунга Ярицлейва и того немирья, которое существует между ними, это нельзя назвать безопасным». И все же они плывут

на восток, «пока не приходят в Аустррики; и встают там у большого торгового города». Думаю, можно не сомневаться, что «большим торговым городом», в котором купцы собираются «купить себе всего необходимого» и откуда затем отправляются в *Хольмгард* (Новгород), была Ладога.

Норвежским купцам грозит нападение со стороны местных жителей, и *Карл отправляется к конунгу*. «Ничего не говорится о его поездке, пока он не приходит к конунгу *Ярицлейву* и приветствовал его». Ярослав «велел взять его и тотчас заковать в цепи, и так было сделано». Однако по просьбе *Магнуса* он освободил *Карла*. «И так хочет *Магнус*, — сказал он, — чтобы тебе был дан мир». («И всем тем норвежцам,» — добавляет «*Книга с Плоского острова*».) Ярослав предложил *Карлу* либо уехать назад в Норвегию («Отправляйтесь с вашими товарами, как вам нравится»; в «*Хульде*» здесь следует вставка: «и позаботьтесь сами, чтобы вам был мир от других местных жителей, если я дам вам свободу»), либо остаться на зиму и весной выполнить его поручение.

Карл соглашается на второе предложение, едет по весне с поручением в Норвегию, но там попадает в неволю. Ему удается бежать не без помощи *Кальва Арнасона*, знатного норвежца, сражавшегося в битве при *Стиклестаде* против *Олава Святого*, но сейчас готового присягнуть на верность его сыну *Магнусу*. «Затем едут они на восток в *Гардарики* к конунгу *Магнусу*, и оказывают конунг *Ярицлейв* и его люди *Карлу* самый что ни на есть радушный прием, и рассказывает он им все о своих поездках, и затем рассказывает он конунгу *Магнусу* о деле *Кальва*». *Карл* говорит, что *Кальв* готов поклясться, что он не убивал конунга *Олава*, и желает присягнуть на верность конунгу *Магнусу*. «И вот посылают за *Кальвом*, и получил уже *Карл* мир для него». *Карл* приехал к *Ярославу*. «Дал *Карл* тогда такую клятву, что он не убивал конунга *Олава*, и присягнул на верность с этого времени *Магнусу*» [Msk., 5—17].

Вновь, если обратить внимание на выделенные части этого рассказа, мы можем заметить, что, как и знатные норвежцы, купцы тоже все сразу не едут в глубь страны — отправляется

«к конунгу» один Карл. Очевидно, он должен получить разрешение («мир») для остальных купцов на проезд от Ладоги до Новгорода. Когда Ярослав освобождает Карла, он говорит, что Магнус просит *дать мир ему и всем тем норвежцам*, т. е. «мир» для Карла — не освобождение из заточения, а действительно право на провоз товаров, как и для остальных норвежцев, ожидающих его в Ладоге. Идущая ниже по тексту вставка в «Хульде», противопоставляющая «мир» от местных жителей по пути следования Карла и «свободу» от конунга, подчеркивает, что в понятие «мира» входит также «личная безопасность».

История Кальва Арнасона повторяет фактически ту же схему: «на восток в Гардарики» Карл и Кальв едут вместе, но к Ярославу приходит только Карл. Это означает, что Кальв остается ждать, чтобы ему дали «мир» на проезд. «Мир», который Карл получает для Кальва Арнасона, вероятнее всего является гарантией его неприкосновенности, поскольку Ярицлейв и Магнус убеждены, что отец Магнуса, конунг Олав Святой, был убит именно Кальвом.

При том что эта версия прибытия Кальва на Русь находится в противоречии с остальными вариантами того же сюжета в королевских сагах, при том что мы не стремимся к извлечению из этого повествования прямой, буквальной, информации, мы определенно располагаем здесь очень важной информацией косвенной, а именно — указанием на то, что знатный норвежец, политический противник русского князя, должен был ожидать предоставления ему права на проезд в глубь страны. И конечно, самым вероятным местом его временного пребывания была Ладога.

Любопытен в этом отношении рассказ «Пряди об Эймунде» о путешествии на Русь Эймунда Хрингссона и Рагнара Агнарссона:

Эймунд со своими людьми не останавливаются теперь в пути, пока не пришли на восток в Хольмгард к конунгу Ярицлейву. Отправляются они сначала к конунгу Ярицлейву, как предложил Рагнар. Конунг Ярицлейв был в свойстве с Олавом, конунгом свеев. Он был женат на его дочери Ингигерд. И когда конунг

узнает об их прибытии туда в страну, посылает он мужей к ним с тем поручением, чтобы дать им мир и [пригласить их] к конунгу на хороший пир, и они охотно согласились [Еут. б., 202].

Здесь в тексте содержится явное противоречие. Начинается рассказ со стереотипной формулы: «þeir létu eigi fyllt ferð sinni en þeir kómu...» — «они не останавливались в своей поездке (они не прерывали своей поездки), пока не приехали...» [Cleasby and Gudbrandr Vigfusson 1957, 385]. Но через три фразы выясняется, что остановиться им, скорее всего, пришлось, — ведь только после того как Ярослав узнал об их приезде, он послал им «мир». (Здесь, впрочем, вместо термина *fríð* «мир, личная безопасность», употреблен термин *fríðland* «мирная земля», использовавшийся традиционно викингами, когда они давали обязательство не грабить ту или иную территорию при условии, что им будут гарантированы приют и свободная торговля.) Похоже, что, вопреки стереотипному рассказу, в тексте отразились реальные черты — невозможность для знатных скандинавов беспрепятственно добраться до Новгорода и вероятная их остановка в Ладоге.

Вопрос в том, какого времени события перед нами — начала XI в., когда Эймунд и его попутчики отправились на Русь к князю Ярославу Мудрому, или конца XIV в., когда в состав самой крупной исландской рукописи «Книга с Плоского острова» (1387–1394 гг.) вошла «Прядь об Эймунде»? Приведенная выше стереотипная формула относительно безостановочного пути применялась в сагах в тех случаях, когда автор не располагал сведениями о каких-либо событиях во время пути. Делалось это регулярно и почти автоматически. Если бы составитель «Книги с Плоского острова» сознательно вносил в сагу информацию о «мире», данном путешественникам Ярославом, он должен был бы опустить «путевую формулу». Вероятнее, на мой взгляд, вторая возможность: составитель «Книги с Плоского острова» не придал значения рассказу о «мире», который присутствовал в более раннем тексте, и потому описал маршрут Эймунда еще и традиционным образом.

Вероятнее всего, и в XI в. «мир» давался тем же способом, что и в более позднее время. Для XII и XIII вв. мы такой информацией располагаем. В частности, в предыдущей главе упоминался рассказ Новгородской первой летописи под 1188 г. о конфликте между новгородскими и немецкими купцами: в ответ на конфискацию новгородских товаров на Готланде новгородцы не позволили своим купцам отправиться за море, а находившихся в Новгороде варягов отпустили на очень сложных условиях — «ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира» [НПЛ, 39]. Варяги, отпущенные из Новгорода, тем самым, не имеют гарантий личной безопасности: у них нет «мира», т. е. некоего охранного документа, и нет с ними «съла», т. е. человека, обязанного сопровождать иностранцев в пределах Новгородской земли как при приезде, так и при отъезде [Рыбина 1986, 29, примеч. 15]. О «послах», выполняющих указанные функции, говорится в Торговом договоре Великого Новгорода с Немецкой Ганзой и Готландом от 1259 г. и в Проекте договора Великого Новгорода с немецкими городами и Готландом от 1269 г. [ГВНП, №№ 29, 31].

О том, как осуществлялись контрольные функции, как передавалась информация, в какой форме давался «мир», мы можем судить по серии работ, посвященных функционированию подвесок со знаками Рюриковичей на Руси и верительных знаков (*jartegnir*) в Скандинавии [Белецкий 1996, 35–40; Молчанов 1996, 32–35].

Вполне естественно, что опорными и контрольными пунктами на водном пути от Ладоги до Новгорода служила цепочка укрепленных поселений, располагавшихся вдоль Волхова, — Любша, Новые Дубовики, Городище, Холопий городок. Ладога действительно занимала «ключевое положение на этом пути, ведущем из Балтики в глубь Руси и далее на Восток». А. Н. Кирпичников полагает, «что торгово-пропускные функции Ладожской области, отчетливо выступающие во времена новгородско-ганзейской «коммерции», были унаследованы от значительно более ранней поры» [Кирпичников 1979, 96]. Вероятно, в сагах мы находим подтверждение этого тезиса.

ГЛАВА 8

«*PALTESKJA OK ÞAT RÍKI ALLT, ER ÞAR LIGGR TIL*»

Источников, говорящих о Полоцке, — восемь. Это — географическое сочинение последней четверти XII в. с условным названием «Описание земли I»; «Деяния датчан» Саксона Грамматика (рубеж XII—XIII вв.); «Сага о Тидреке Бернском» (ок. 1250 г.); «Сага о крещении» (втор. пол. XIII в.); «Прядь об Эймунде» (конец XIII в.); географические сочинения «Какие земли лежат в мире» (конец XIII — начало XIV в.) и «Описание Земли III» (втор. пол. XIV в.); «Сага об Одде Стреле» (восходит к концу XIII в.; Полоцк назван только в группе поздних — XV в. — рукописей саги)¹. Как можно видеть из этого перечисления, источники, упоминающие Полоцк, весьма разнохарактерны (три географических трактата, латиноязычная хроника, епископская сага, поздняя королевская сага, две саги о древних временах) и разновременны (от последней четверти XII в. до XV в.).

О скандинавском имени Полоцка

Топоним имеет во всех перечисленных источниках форму *Pal(l)teskja*, и лишь «Сага об Одде Стреле» дает композит,

¹ Впервые все сведения древнескандинавских источников о Полоцке были сведены в: Сапунов 1916. К сожалению, эта работа была проведена без должного учета жанровой специфики используемых источников.

образованный присоединением географического термина *borg* «город, крепость»: *Pallteskjuborg*. Г. Шрамм совершенно справедливо отмечает, что это — «вторичное образование, поскольку город расположен не на [реке] Паллтескья, а на [реке] Полота» [Schramm 1982, 283].

И. Миккола высказал мысль, что скандинавское *Pallteskja* отражает древнерусскую форму *Полтескъ*, которая встречается в Ипатьевской и Псковской летописях, полагая, что в скандинавской огласовке отразилось звуковое сочетание *олт*, так как *Полтескъ* дал бы форму *Palatskja* [Mikkola 1907, 281]. Его поддержал В. А. Брим [Брим 1931, 218]. Возражение выдвинул Г. Шрамм, посчитавший невозможным переход древнерусского *о* в скандинавское *а*. По его мнению, название Полоцка перешло в скандинавский язык и закрепилось в нем в середине IX в. — до становления восточнославянского полногласия *ал* > *оло*, датируемого им серединой IX в. [Schramm 1982, 283–284]. Лингвистические материалы Г. Шрамм подтверждает летописной легендой о призвании и о последующей раздаче Рюриком городов своим мужам («и прия власть Рюрикъ, и раздаю мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи...») [ПВЛ, 13].

Однако согласиться со столь ранней датировкой по целому ряду причин трудно. Во-первых, по наблюдениям лингвистов, древнерусское *о* было кратким и нелабиализованным, а потому совпадало с *а* кратким многих других языков раннего средневековья, и в частности скандинавских [Колесов 1980, 25–26]², чем оправдан переход: *Полтескъ* > *Pallteskja*.

² На достаточную последовательность передачи древнерусского *о* через скандинавское *а* указывал еще С. Рожнецкий: «*Pallteskja* < Полотьска, *Smalenskja* < Смольньска; др.-р. *о* передалось через сканд. *а* (как напр. сканд. *taper-øx* < русск. топор)» (Рожнецкий 1911, 51–52). Древнерусское *кошь* «короб, корзина» было заимствовано древнешведским в форме *katse*. На это указывает Е. А. Мельникова и пишет далее: «Соотношение др.-рус. корневого *-о-* / др.-шв. *-а-* согласуется со случаями передачи древнешведских имен в летописи: *Man-ni* — Моны, *Ivarg* — Иворь» (Мельникова 1984а, 69).

Во вторых, процесс становления восточнославянского полногласия, по свидетельству историков языка, протекал вплоть до XIII в. [Колесов 1980, 69–75], а это означает, что формы типа *Полтескъ* могли существовать, наряду с формами типа *Полотескъ*, до XIII в., и это особенно характерно для устойчивой лексики, каковой являются топонимы. Косвенным аргументом против предложенной Г. Шраммом датировки может также выступать отсутствие топонима *Pallteskja* в скальдических стихах, рунических надписях и ранних королевских сагах, этногеографическая номенклатура которых сформировалась в IX–X вв.³ Кроме того, не дают оснований для утверждения о знакомстве скандинавов с Полоцком в первой половине IX в. и археологические материалы — скандинавские находки в Полоцке датируются самое раннее X веком [Штыхов 1973, 112–113; Мельникова, Седова, Штыхов 1983, 187–188].

О скандинавах в Полоцке и о статусе Полоцкой земли

Появление скандинавов в Полоцке многие исследователи связывают с именем Рогволода. Л. В. Алексеев, например, говорит о «захвате Полоцка варяжским князем» и относит это событие «к 60–70-м годам X в., или даже к его середине» на том основании, что «в договоре Игоря с греками 945 г. при перечислении тех же городов, что и в договоре 907 г., Полоцк уже не назван» [Алексеев 1966, 238].

Весьма авторитетным в этой связи представляется утверждение Е. А. Рыдзевской, что имя Рогволода, «прочно вошедшее в традицию в роду полоцких князей, а также имя его дочери (Рогнеды. — Т. Д.) правдоподобно объясняются как скандинавские и обладают характерной аллитерацией» [Рыдзевская 19786, 213]. Исследовательница не отказывается даже от признания существования некоего реального Рогволода, хотя и подчеркивает, что «он как лицо историче-

³ См. подробнее Главу 2.

ское остается довольно неясным и неопределенным» [Там же]. Вместе с тем, принимая во внимание сомнение ряда русских историков (П. В. Голубовского, Н. И. Костомарова, М. В. Довнар-Запольского) в варяжском происхождении полоцких князей, Е. А. Рыдзевская не отрицает возможности и того, что «предание о Рогволоде как о норманне родом» может быть лишь династическим, «в духе, например, тех уже совершенно фантастических генеалогий, какие известны в русской историографии московского периода» [Там же]. В литературе, однако, высказывалось мнение, что предание, включенное в летопись под 1128 г., о том, как «Роговоложи внуци» вели борьбу «противу Ярославим внуком» (а именно в нем говорится, что «Роговолод перешел из заморья») [ПСРА. М., 1962. I, 299], восходит к исторической песни, сложившейся в Полоцкой земле в конце XI — начале XII в. [Заяц 1987, 8–30].

В том же рассказе летописи под 1128 г. впервые появляется термин «Полотьская земля». Вместе с тем анализ различных летописных известий позволяет исследователям датировать время окончательного оформления политических границ Полоцкой земли первой половиной XI в. [Алексеев 1975, 220].

Предпринимая попытку выявить «статус Полоцка в составе Древнерусского государства», А. Б. Головки исходит из того, что после смерти Изяслава Владимировича в Полоцк не был послан кто-либо из сыновей Владимира, но был возведен на местный трон сын Изяслава Брячислав, и делает вывод, что в конце X — начале XI в. в Полоцке была восстановлена местная княжеская династия [Головки 1982, 29].

Противостояние Полоцка Киеву и Новгороду в начале XI в. находит отражение в «Пряди об Эймунде» — поздней королевской саге (конец XIII в.), описывающей события, происходившие на Руси в 1015–1021 гг. Узнавшие о смерти конунга Вальдимара (князя Владимира Святославича) варяги под предводительством Эймунда Хрингссона, отправляются на Русь. Эймунд сообщает своим мужам, что на Русь правят три брата:

И зовется Бурицлав (Святополк. — Т. Д.) тот, который получил большую долю отцовского наследия,

и он — старший из них. Другого зовут Ярицлейв (Ярослав. — Т. Д.), а третьего — Вартилав (Брячислав Изяславич. — Т. Д.). Бурицлав держит Кэнугард, а это — лучшее княжество во всем Гардарики, Ярицлейв держит Хольмгард, а третий — Палтескью и всю область, что сюда принадлежит [Flat., II, 201].

Автор саги явно непоследователен в употреблении топонимов: он использует названия городов (Киева, Новгорода, Полоцка), а не земель⁴, но при этом *Кэнугард* он называет *ríki* «государство (в русском контексте — княжество)», о *Хольмгарде* ничего не говорит, *Палтескья* у него явно город, на что указывает стереотипное выражение «и вся область, что сюда принадлежит», сопровождающее этот топоним. Что здесь важно для нас — это трехчастное деление Руси в начале XI в., выделение Полоцкой земли как единицы в рамках этого деления. Она уступает и Новгородской и Киевской землям в значимости: это видно из раздела земель, проводимого в финальной части саги Ингигерд, женой Ярицлейва. Если, отправляясь на Русь, скандинавы называют «лучшим княжеством во всем Гардарики» Киевскую землю, то при разделе земель возникает в устах Ингигерд иная формулировка:

Она сказала Ярицлейву конунгу, что он будет держать лучшую часть Гардарики — это Хольмгард, а Вартилав — Кэнугард, другое лучшее княжество с данями и поборами... А Палтескью и область, которая сюда принадлежит, получит Эймунд конунг, и будет над нею конунгом, и получит все земские поборы целиком, которые сюда принадлежат, «потому что мы не хотим, чтобы он ушел из Гардарики». Если Эймунд конунг оставит после себя наследников, то будут они после него в том княжестве. Если

⁴ Как правило, для обозначения княжеств в памятниках древнескандинавской письменности использовались формы множественного числа от названий городов — их столиц (см.: Древнерусские города, 95–96, 113, 127–129).

же он не оставит после себя сына, то оно вернется к тем братьям [Flat., II, 217].

Исследователи считают явно фантастическим сообщение «Пряди об Эймунде» об утверждении в Полоцке Эймунда, а затем и его побратима Рагнара, поскольку по летописям известно, что Брячислав был полоцким князем до своей смерти в 1044 г., а после него полоцкий стол занимал его сын Всеслав [Лященко 1926, 1083; Штыхов 1982, 52]. «Не отмеченное нашими летописями коренное перераспределение русских земель явилось результатом передачи составителем саги Полоцка Эймунду; за потерю Полоцка он вынужден был вознаградить Брячислава Киевом», — так остроумно и выразительно прокомментировал условия этого договора А. И. Лященко [Лященко 1926, 1085]. Существенны здесь, однако, не домыслы автора саги о перераспределении русских земель, а статус Полоцкой земли как он находит отражение в саге. Совершенно очевидно, что это — не картина времени записи саги: в конце XII в. Полоцк находится в зависимости от литовских феодалов, да и на протяжении XIII в. об особой его самостоятельности говорить не приходится: во второй четверти XIII в. Полоцк становится подчиненным Смоленску, уже с XII в. прослеживается раздробление Полоцкой земли на отдельные княжества (волости) [Алексеев 1966, 239]. Наконец, в события 1015—1021 гг. были, действительно (в первую очередь, по данным летописи), вовлечены князья киевский, новгородский и полоцкий. Таким образом, вероятнее всего, в «Пряди об Эймунде», записанной в конце XIII в., нашли отражение реальные впечатления участников похода Эймунда первой четверти XI в.

Летописные известия о Брячиславе Изяславиче (ум. в 1044 г.) и о его сыне Всеславе, князе полоцком с 1044 по 1101 г., и о территориальных претензиях этих князей создают впечатление, что уже в начале XI в. Полоцкое княжество выступает как вполне самостоятельное политическое образование.

Изначальная выделенность Полоцкой земли определяется ее географическим положением. Еще С. М. Соловьев подчеркнул, что «особые речные системы определяли вначале

особые системы областей, княжеств». Именно тем, что «на пути от Ловати к Днепру должно было встретить Западную Двину», объясняет он тот факт, что «область полоцких кривичей вошла в связь с новгородцами и князьями их прежде области кривичей смоленских» [Соловьев 1988, 59, 62].

Естественно-географические условия определили значимость этой области: «задача объединения Ладожско-Новгородской и Киевской земли, а также проложение трассы нового пути — из варяг в греки — предполагала государственное утверждение на волоковом участке, то есть подчинение Киеву всей области ‘серединой Руси’» [Булкин 1987, 35]⁵.

Борьба Полоцка против Киева и Новгорода традиционно рассматривалась в литературе как борьба династическая, связанная с непричастностью полоцкой династии к управлению государственными делами, известным политическим «сепаратизмом» Полоцка. Однако ряд исследователей обратил внимание на то, что в 1021 г. Брячислав Полоцкий добился соглашения с Ярославом Мудрым о разделе власти — «боуди же съ мною единъ» [ПСРЛ. Пг., 1915. IV: I, 111], а также что в 1021–1026 гг. в Киеве не было великого князя (Ярослав сидел в Новгороде, Брячислав — в Полоцке), и сделал вывод о том, что эти князья были дуумвирами-соправителями [Ставиский 1987, 57–58; Тарасов 1989]. Соответственно, и некоторую выделенность Полоцка в это время можно считать связанной не с династическими распрями, а с политико-экономическими причинами. С. В. Тарасов выделяет такие как единство территории, единство населения, единство политической системы, единство идеологии и мировоззрения [Тарасов 1989].

⁵ Здесь же содержится интересное наблюдение, почему Полоцк возник именно там, где он возник, — при впадении Полоты в Западную Двину. По мнению Вас. А. Булкина, город возник «на развилке двух самостоятельных речных систем, выводящих к двум удаленным друг от друга частям балтийского побережья», а именно: путей вдоль Двины-Даугавы и Полоты (или Дриссы) — Великой — Чудского озера — Нарвы (Булкин 1987, 40, 35). См. также: Семенчук 1994, 35–37.

Несомненным следствием политической значимости Полоцкой земли является возведение в Полоцке в 50-х гг. XI в. третьего на Руси (после Киева и Новгорода) Софийского собора⁶. Исследователь Софии Полоцкой Вал. А. Булкин заключает, что сходство названий трех русских храмов и Софии Константинопольской «заключало в себе и подражание почитаемому образцу и самоутверждение с оттенком соперничества. Внутриполитический аспект 'софийской программы' выражал идею единства и согласия самых крупных региональных сил государства под эгидой христианства» [Булкин, 1986, 27].

Итак, в «Пряди об Эймунде» Полоцкая земля выступает как одна из трех основных земель Древней Руси. В трех географических сочинениях картина совершенно иная. Речь здесь идет лишь о городах, но городах крупнейших, являвшихся в определенное время столицами княжеств. Характер информации не зависит, как кажется, от времени записи трактата. Со всей очевидностью проступают следы более ранних сведений [Мельникова 1976, 156].

Как было показано в Главе 5, время создания списка древнерусских городов в географическом сочинении «Какие земли лежат в мире», входящем в компиляцию «Книга Хаука», записанную в 1323—1329 гг., тоже вряд ли выходит за указанные пределы.

«Описание Земли I» (последней четверти XII в.) называет четыре города — Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск:

Европой называется третья часть земли, она расположена в двух из восьми частей горизонта, западной и северо-западной, и тянется к северо-востоку. В восточной Европе находится Гардарики, там есть Кэнугард и Хольмгард, Паллескья и Смалескья⁷.

Те же четыре города фигурируют на созданной ок. 1300 г. в Нижней Саксонии Эбсторфской карте мира. Считается, что источниками сведений о территории нашей страны на этой карте были сообщения ганзейских купцов. Очевидно, что

⁶ Ср.: Петрухин 2000, 123—125.

⁷ Перевод — мой. Текст опубликован в кн.: Мельникова 1986, 76.

это — «крупнейшие центры, которые скандинавы часто посещали» [Мельникова 1986, 80]. Но почему именно они фигурируют в исландском географическом сочинении? Я попыталась объяснить это внешнеторговыми связями названных городов с конца XII в. [Древнерусские города, 37]. Однако такое объяснение, видимо, ошибочно. Скорее, созданный между 1170 и 1190 гг. географический трактат отражает более раннюю ситуацию (нежели та, что сложилась к концу XII в.), а именно: возникновение в XI в. на новом месте Смоленска [Воронин, Раппопорт 1979, 76] и появление в середине XI в. самостоятельного княжения в Смоленске [Алексеев 1977, 90].

«Описание Земли III» (конец XIII или начало XIV в.) называет лишь один город — Полоцк:

В Европе самая восточная — Сифия, которую мы называем Великой Свитьгод, там проповедовал апостол Филипп; Гардарики, там находится Палтескья; и Киэнугарды, там первым жил Магог, сын Иафета, сына Ноя⁸.

Противопоставляя *Гардарики* и *Киэнугарды*, т. е. Северную и Южную Русь, составитель трактата помещает Полоцк в *Гардарики*, указывая тем самым на связь Полоцка с Новгородской землей, что, в свою очередь, может быть отражением исторической ситуации, значительно предшествующей времени создания этого географического сочинения⁹.

Об укреплённости Полоцка

Два источника, восходящие к иной традиции, содержат сведения об укреплённости Полоцка. Саксон Грамматик в «Деяниях датчан» (рубеж XII—XIII вв.) повествует о взятии Полоцка конунгом Фродо I, сыном Хадинга, с использованием военной хитрости, ибо «силой города не победить (*viribus inuictam [sc. urbem]*)»:

⁸ Так — в уточненном мною переводе (Древнерусские города, 127). Иначе — у Е. А. Мельниковой (Мельникова 1986, 96). Текст — Там же, 94.

⁹ См. выше соображение С. М. Соловьева относительно связи «области полоцких кривичей» с новгородцами.

Только с немногими свидетелями он тайно отправился в уединенное место и приказал объявить повсюду, что он умер, чтобы тем самым усыпить врага. Для убедительности был совершен обряд погребения и сооружен погребальный курган. К тому же воины, сознательно изображая скорбь, проследовали в процессии за якобы умершим вождем. Услышав об этом, царь города Веспасий, почти уже одержавший победу, так пренебрег обороной, что, дав возможность врагам ворваться в город, был убит среди игр и развлечений [Сахо, lib. II, сар. I: 7]¹⁰.

Та же военная хитрость описывается Саксоном еще один раз [Сахо, lib. II, сар. III: 8]. Аналогичный сюжет встречаем и в «Саге о Харальде Суровом», где конунг со своими воинами проникает в один из городов на Сицилии, притворившись умершим, поскольку город «был так укреплен, что им нечего было и рассчитывать на то, чтобы ворваться в него» [Круг Земной, 407–408]. То же видим и в ряде других средневековых источников.

А. Стендер-Петерсен показал, что военные хитрости вроде тех, которые сага приписывает Харальду Суровому, говоря о захвате им четырех сицилийских городов, были заимствованы скандинавами из античного греко-римского культурного наследия [Stender-Petersen 1934, 89]. Можно было бы ограничиться вслед за А. Стендер-Петерсеном констатацией того, что это — бродячий сюжет, восходящий к весьма отдаленным временам и широко известный в эпоху викингов. Но гораздо важнее, мне кажется, задуматься над тем, почему Саксон «привязал» рассказ об этой военной хитрости (взятии города обманом) именно к Полоцку.

Соответственно, следует обратить внимание на другой скандинавский источник, тоже выпадающий из стройной совокупности сочинений исландско-норвежской историографии, — «Сага о Тидреке Бернском», записанную ок. 1250 г. и основанную на германском героическом эпосе. Здесь имеются два упоминания Полоцка, одно из которых представляет собой развернутое описание укреплений города:

¹⁰ Перевод — А. В. Подосинова.

И теперь находится конунг Аттила со всем своим войском перед тем городом, который зовется Палтескья. Город этот так укреплен, что едва ли они знают теперь, как они смогут взять этот город. Там крепкая каменная стена и высокие башни. Рвы — широкие и глубокие, и в городе было большое войско, чтобы защищать этот город... [Píðreks s., 210]

Естественно, это — не исторически точное описание укреплений Полоцка: расхождение с теми данными, которые получены в результате археологических исследований, заключается хотя бы в том, что вплоть до XVII в. стены Верхнего замка были не каменными, а деревянными¹¹. Но сам факт, что Полоцк — единственный древнерусский город (из двенадцати), чьи укрепления описаны в сагах, весьма показателен. От саги, в силу ее жанровой специфики, трудно ждать сообщений о реальных особенностях оборонительных сооружений Полоцка, как это делает Г. В. Глазырина. Исследовательница права в том, что описание укреплений Полоцка построено здесь «по определенному стереотипу, ситуативному и лингвистическому» [Глазырина 1984а, 50, 54], однако, это — стереотип никак не для описания древнерусских городов. Для древнерусских городов данное описание уникально!

Сказанное позволяет думать, что здесь кроется отголосок реальной информации об укреплённости Полоцка, и в первую очередь — о топографии Верхнего замка. Ведь даже в XVI в. Полоцк воспринимался как «город, сильно укрепленный самою природою», и потому войскам Стефана Батория в 1579 г., по свидетельству Рейнольда Гейденштейна, «казалось трудным

¹¹ «Согласно плану 1579 г. С. Пахоловицкого и другим источникам XVI—XVII вв., Верхний замок был окружен валом и деревянными стенами с башнями» (Штыхов 1975, 34). См. в «Автобиографии» С. Герберштейна: «Это крепость и город при речке Полота; по местному обычаю, все построено из дерева» (Герберштейн, 235). Ср.: «Средняя крепость (или Верхний замок) [...] стены же и башни ее очень тверды и состоят из нескольких связанных между собой рядов весьма крепкого дуба» (Гейденштейн, 54).

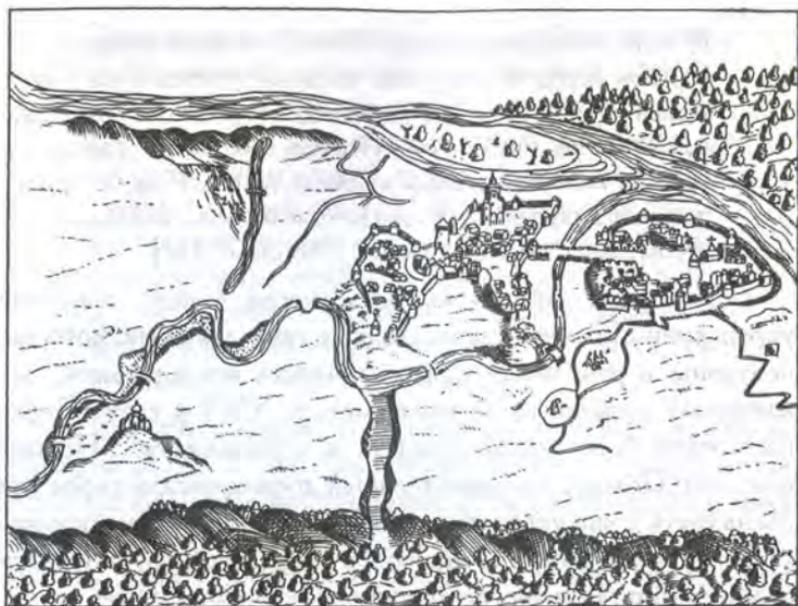

Рис. 12. План Полоцка по гравюре С. Пахоловицкого 1579 г.
(Схема из кн.: Алексеев 1966, 137)

и опасным взбираться через огонь на столь крутой холм» [Гейденштейн, 44, 66].

А. М. Сементовский отметил, что «Верхний полоцкий замок находился на главной возвышенности, в углу при впадении речки Полоты в реку Западную Двину», и уточнил далее в примечании следующее: «Высота этой местности, с 3-го этажа бывшей иезуитской коллегии, а ныне кадетского корпуса, по вычислению оо. иезуитов = 427, 725 пар. фут. над уровнем моря» [Сементовский 1890, 46]. Цифры говорят сами за себя.

Полота протекает к западу и северу от Верхнего замка, к югу берег круто обрывается в сторону Западной Двины. Летом 1988 г. экспедицией Института истории АН БССР и Полоцкого историко-археологического заповедника на Великом посаде (северо-восточнее Верхнего замка) были обнаружены фрагменты каменного фундамента посадской стены, датируемого XI–XII вв. [Тарасаў 1988, 20]. Таким образом, можно думать, что в XII в. в Полоцке имелаась стена, огораживавшая

город с единственной незащищенной естественно, восточной, стороны. Так что, может быть, не так уж исторически недостоверно известие «Саги о Тидреке Бернском». Совокупные данные саги и известия Саксона Грамматика позволяют говорить о том впечатлении укрепленности и труднодоступности, которое производил Полоцк на приближающихся к нему по Западной Двине скандинавов.

О вече в Полоцке

В 1904 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества Ф. А. Браунм был прочитан доклад на тему «Русские князья в исландских сагах». Как зафиксировано в протоколе заседания, «в последовавшей по поводу сообщения оживленной беседе между докладчиком, С. Ф. Платоновым, Я. И. Гурляндом, А. А. Спицыным, С. А. Андриановым, А. Е. Пресняковым и др. обращено было особенное внимание на следующее место Эймундовой саги: Конунг (полоцкий князь Вартилаф) сказал: «Дай мне время посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя я их трачу». (Речь идет о найме конунгом Вартилавом варяжской дружины. — Т. Д.) Одни из упомянутых лиц принимали, что данное сведение говорит прямо о финансовой зависимости князя от веча, по крайней мере в Полоцке, другие совершенно отрицали такое толкование текста, или же указывали на необходимость осторожного отношения ко всем вообще сведениям саг» [ЗРАО. 1905. VII: 1, 179].

Действительно, извлечение из саг конкретной информации сопряжено с известными трудностями, особенно если учесть отсутствие специального интереса авторов саг к внутренней жизни, политическому устройству, экономике тех стран, которые посещали скандинавские викинги [Джаксон 1995]. Упрекая Г. В. Штыхова в том, что он «почерпнул отсюда сведения о боярском совете в Полоцке» [Штыхов 1975, 15], И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко предлагают рассматривать известие «Пряди об Эймунде» о том, что Вартилаф «собирает тинг со своими мужами», «как свидетельство о вече, ибо тинг

в системе социально-политических отношений скандинавов той поры — не совет знати, а народное собрание, во многом подобное древнерусскому вече» [Становление и развитие раннеклассовых обществ, 254]. Этот небольшой рассказ саги позволяет им также заключить, что «городская община Полоцка к тому времени настолько окрепла, что без нее князь не мог принимать какое-либо важное решение» [Там же]. Однако столь серьезный вывод, сделанный на основании единичного утверждения саги — источника, для которого характерна неразвитость социальной терминологии, — не выглядит убедительным. Тем более что на основании известий о вече в древнерусских источниках М. Б. Свердлов, в частности, делает вывод «о прекращении практики вечевых собраний в X—XI вв. при решении государственных политических и судебных вопросов, а также об отсутствии областных органов народного самоуправления в условиях создания княжеского административно-судебного аппарата» [Свердлов 1988, 56].

О Торвальде Путешественнике

«Сага о крещении» — епископская сага, дошедшая до нас в составе «Книги Хаука» (1323—1329 гг.), — была составлена во второй половине XIII в., возможно, Стурлой Тордарсоном, а основным ее источником послужила несохранившаяся «Сага об Олаве Трюгтвасоне» монаха Гуннлауга (ум. ок. 1218 г.). Сага повествует о двух исландцах, Торвальде Кодранссоне и Стеннуре Торгильссоне, которые в 1000 году

отправились оба вместе по всему свету и вплоть до Йорсалахейма (Палестины. — *Т. Д.*), а оттуда до Миклагарда (Константинополя. — *Т. Д.*) и далее до Кёнугарда (Киева. — *Т. Д.*) восточным путем по Непру (Днепру. — *Т. Д.*). Торвальд умер в Руси (на Руси. — *Т. Д.*) недалеко от Паллтескьи (Полоцка. — *Т. Д.*). Там он похоронен в одной горе у церкви Иоанна Крестителя, и зовут его святым. Так говорит Бранд Путешественник: «Я пришел туда, где Торвальду Кодранссону Христос дал упокоение, там он похоронен на высокой горе вверх по течению Дрёвна у церкви Иоанна» [Кг. s., 43—44].

Большие трудности вызывает локализация места захоронения Торвальда. Упоминание церкви Иоанна Крестителя заставляет вспомнить о том что в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» П. П. Семенова-Тян-Шанского содержится указание на то, что некогда «на острове р. Двины, против города» Полоцка существовал монастырь св. Иоанна Предтечи [Семенов 1868, 165–166]¹². Действительно, источники XIV–XVI вв. сообщают о существовании на Острове (в центре Западной Двины, против Верхнего замка) Иоанно-Предтеченского монастыря (самое раннее свидетельство — запись о пожаловании князя полоцкого Анофрия этому монастырю — до 1350 или в 1377–1381 гг.) [ПГ, 42]. Исследователи склоняются к тому, что монастырь возник в XII–XIII вв. [Штыхов 1975, 31; Тарасов 1987, 35]. И все же некоторые языковые данные мешают видеть в факте существования монастыря на Острове объяснение текста саги.

Сочетание *urr í Drafne* традиционно переводят «вверху на Дравне», видимо, исходя из того, что речь перед этим идет о «высокой горе». В таком случае получается, что Торвальд «похоронен на высокой горе, вверху на Дравне» [Сапунов 1916, 22], или «на горе *Dröfn*», «но гора, имя которой было бы похоже на 'Dröfn', до сих пор не найдена» [Брим 1931, 218]. Однако сочетание наречия *urr* «вверх» и предлога *í* «в» регулярно используется для описания движения по рекам и относительно морских побережий в значении «вверх по течению» и «в глубь страны, материка». Тем самым, вполне очевидно, что *Dröfn* — название реки, а не горы.

В пользу этого заключения говорит также и само значение слова *dröfn* «капля воды», а в поэтическом языке — «волна, волнующееся море» [Cleasby and Gudbrandr Vigfusson 1957, 108]. Гидроним этот известен и сагам; как отмечает Е. А. Рыдзевская, «преимущественно, это — название фьордов» [Рыдзевская 1935, 16–17, примеч. 4]. Современный фьорд Драммен и река Драмсэльв обозначались этим именем, которое, действительно, «для горы мало подходит» [Там же].

¹² См.: Брим 1931, 218; Рыдзевская 1935, 16–17, примеч. 4.

Дополнительный аргумент для подтверждения того, что за именем *Drofn* скрывается река, находим в источнике XII в. — туле (скальдическом перечне), где в разделе, посвященном хейти (поэтическим синонимам) рек, Дрёвн (*Drofn*) назван наряду с Доном (*Dún*), Днепром (*Nepr*) и проч. [Skj., B, I, 667].

В отдельной «Пряди о Торвальде Путешественнике» (источнике второй половины XIII в., также восходящем к латиноязычной саге монаха Гуннлауга, сохранившемся в рукописи XV в.) рассказывается, что Торвальд основал в Гардарики (на Руси) монастырь при церкви Иоанна Крестителя, где и окончил свою жизнь, и был там похоронен. «Тот монастырь стоит под высокой горой, которая зовется Дрёвн» [Kг. s., 78—79]. Однако в свете сказанного выше можно с уверенностью говорить о том, что гора с речным именем *Drofn* обязана своим происхождением неверному прочтению автором «Пряди», а скорее — переписчиком, строфы Бранда Путешественника. (Замечу попутно, что в другой редакции «Пряди» — по рукописям «Книга с Плоского острова» и AM 62, fol. — основание монастыря Торвальдом не связывается ни с Дрёвном или Полоцком, ни вообще с Русью [Flat., I, 301—302; Kг. s., 79—81].)

Где же находится река *Drofn*? Исследователи обращали внимание на Друю, «между Полоцком и Двинском», но считали, что она слишком удалена, «чтобы можно было думать, что это она» [Сапунов 1916, 22]. Напротив, указание саги «недалеко от Полоцка» не следует понимать буквально, поскольку число опорных ориентиров (этно-, топо- и гидронимов), с которыми можно соотнести ту или иную местность в пределах Древнерусского государства, крайне ограничено, и в понятие «недалеко от Полоцка» может входить, по саге, вся Полоцкая земля. В качестве возможного района «поисков» можно предложить ближайшую округу Браслава Завилейского [Ушинскас 1987, 71—72], расположенного «на северо-западной окраине Полотчины, у литовских границ, в неприступном высоком месте, на перешейке между озерами Дривято и Новято» [Алексеев 1966, 173]. Помимо озера Дривяты, поблизости расположено озеро Дрисвяты, а в окрестностях — целый

**Рис. 13. Браслав. Вид Замковой горы и озер Новято и Дривяты
(с акварели Д. Струкова 1865 г.)**

гидронимический узел со сходными названиями, любое из которых, в силу звукового сходства, могло быть передано при помощи скандинавского гидронима *Drofn*. В 6 км к северу от Браслава находится Масковичское городище. Укрепленное поселение возникло на моренном холме на восточном берегу озера Дерьбо (система Браславских озер), соединенного рекой Друйкой с Западной Двиной [Дучиц, Мельникова 1981, 185; Дучиц 1988, 243]. «Озеро Дерьбо, на берегу которого находилось поселение, представляло удобную гавань для торговых караванов» [Дучиц 1988, 245]. При раскопках 1977–1978 гг. в Масковичах было обнаружено более 100 фрагментов костей птиц и животных с нанесенными на них руническими надписями. Основная масса находок датируется XI–XIII вв. Руны обнаруживают связь со скандинавской «бытовой» рунической письменностью XII–XIV вв. Л. В. Дучиц и Е. А. Мельникова указали как на один из вероятных «контингентов носителей этого письма» — на «скандинавских наемников — воинов, служивших в дружинах русских князей и останавливавшихся здесь на пути между устьем Западной Двины и Полоцком, несколько в стороне от основной дороги» (при наличии прямой водной связи с Западной Двиной и сухопутного пути вдоль Двины, проходившего через Браслав [Алексеев 1966, 85, 91]), «или находившихся здесь некоторое время на

поселении в качестве гарнизона полоцкого князя» [Дучиц, Мельникова 1981, 215]. Вполне вероятно, что в таком месте мог быть похоронен в начале XI в. и исландский миссионер, возвращавшийся по «Восточному пути» в Скандинавию.

В предложенном толковании текста реальная и саговая топография и гидронимия находятся в полном соответствии; в пользу него говорит также и вполне очевидное присутствие в этом регионе скандинавов; открытым, правда, остается пока вопрос о церкви Иоанна Крестителя. Впрочем, на одном из Браславских озер есть остров с названием *Монастырь*.

Добавлю к этому, что знакомство скандинавов с западными рубежами Полоцкой земли нашло отражение и в упоминании некоторыми списками «Саги о Тидреке Бернском» полоцкого форпоста на Западной Двине — *Герсике* [Díðreks s., 208].

Завершая настоящий обзор, можно отметить, что по числу упоминаний в древнескандинавских источниках Полоцк идет вслед за Новгородом, Киевом и Ладогой. Каждое известие требует детального анализа с привлечением других письменных источников, археологических материалов, данных топонимики, нумизматики. Необходим учет жанровой специфики памятников древнескандинавской письменности, и в первую очередь — в вопросах хронологии. В частности, в сагах, записанных не ранее XIII в., просматриваются следы информации, относящейся ко времени, о котором идет речь в этих источниках. Равным образом, и географические сочинения в значительной мере отражают фонд знаний, бытовавших в Скандинавии в устной традиции. И хотя по хронологии фиксации в источниках Полоцк уступает Ладоге и Новгороду, это означает, по моим представлениям, лишь то, что скандинавы, рано освоившие восточноприбалтийские земли, Западную Двину, Ладогу и Новгород, Полоцка достигли как бы со второй волной продвижения в глубь Восточной Европы. В то же время рассмотренные здесь материалы со всей очевидностью говорят о тесных и длительных полоцко-скандинавских контактах.

ГЛАВА 9

СУЗДАЛЬ И СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Всего в древнескандинавских источниках имеется шесть упоминаний Суздаля. Два из них приходятся на «Сагу о Хаконе Хаконарсоне». Эта сага написана в 1264–1265 гг. по приказу сына Хакона, короля Магнуса. Она охватывает события 1204–1263 гг. Сага сохранилась в рукописях «Fríssbók» (AM 45, fol., ок. 1300 г.), «Eirspennill» (AM 47, fol., нач. XIV в.), «Flateyjarbók» (GkS 1005, fol., 1380–1394 гг.), «Skálholtsbók yngsta» (AM 81 a, fol., ок. 1450 г.) и др. Автор саги — исландец Стурла Тордарсон (1214 — 1284)¹ — имел в своем распоряжении богатые и хорошо организованные архивные материалы королевской канцелярии, он использовал также и воспоминания очевидцев о короле Хаконе. Сага, однако, не является объективным историческим источником: она писалась по указанию Магнуса и служила рупором идеологии рода Сверрира, в частности в обосновании прав Хакона на королевскую власть². Задача достоверного сообщения истины в ней, как и во всякой саге, решена в значительной мере художественными средствами. Сведения о Руси и об осваиваемых русскими северных областях Восточной Европы здесь достаточно случайны. Тем не менее в силу того, что описанные в саге события отделяет от момента их записи очень незначительная временная дистанция, информация, содержащаяся в саге, заслуживает самого пристального внимания³.

¹ См. о нем: Heller 1978, 138–144.

² См. об этой саге: Рыдзевская 1970, 323–330.

³ См.: Джаксон 1978, 142.

Суздальская земля

Первый из этих фрагментов уже приводился в Главе 1, но совершенно в иной связи. Здесь его придется повторить еще раз:

Этим летом отправились они в военный поход в Бьярмаланд, Андрес Скьяльдарбанд и Ивар Утвик. У них было четыре корабля. И то было причиной их поездки, что ездили они в Бьярмаланд в торговую поездку за несколько лет до этого, Андрес из Сьомелингар и Свейн Сигурдарсон, Эгмунд из Спангхейма и многие другие. У них было два корабля. И отправились они назад осенью, Андрес и Свейн; а они остались с другим кораблем, Хельги Борганссон и его корабельщики. Эгмунд из Спангхейма тоже остался; и отправился он осенью на восток в *Syðridalaríki* со своими слугами и товаром. А у халогаландцев случилось несогласие с конунгом бьярмов. И зимой напали на них бьярмы и убили всю команду. И когда Эгмунд узнал об этом, отправился он на восток в Хольмгардар (Новгородское княжество. — Т. Д.) и оттуда восточным путем к морю; и не останавливался он, пока не прибыл в Йорсалир (Иерусалим. — Т. Д.) [Flat., III, 387].

Топоним *Syðridalaríki*, упоминаемый в тексте, естественно, не является обозначением города Суздаля, как мы читаем у К. Ф. Тиандера [Тиандер 1906, 434] и Е. А. Рыдзевской [Рыдзевская 1970, 330]. Сама его модель (*X-ríki*) указывает на то, что речь здесь идет не о городе, а о государственном образовании — Суздальском княжестве. Анналы, входящие в рукопись «Книга с Плоского острова», под 1222 г. сообщают:

Андрес Скьяльдарбанд и Ивар из Утвика ходили войной в Бьярмаланд [Flat., IV, 313].

Таким образом, торговая поездка Андреса из Сьомелингар, Свейна Сигурдарсона, Эгмунда из Спангхейма, Хельги Борганссона и «многих других», состоявшаяся «за несколько лет до этого», приходится на конец 1210-х годов.

В какое же время, по русским источникам, Суздальская земля называлась именно так, а не Ростовской, Владимиро-Суздальской и пр.? В. А. Кучкин заключает, что «термин 'Суздальская земля'... появляется не ранее 30-х годов XII в.» [Кучкин 1969,

74]. Происходит это следующим образом: Владимир Мономах, передав Ростовскую землю своему сыну Юрию Долгорукому (1125—1157), оставляет за собой город Ростов, и «к середине XII в. старшим городом становится Суздаль. И вся земля начинает называться не Ростовской, а Суздальской» [Там же, 74]. Однако со времени Андрея Боголюбского (после 1157 г.) «её точнее называть Владимиро-Суздальской» [Там же, 85]. Ещё одним, крайне непродолжительным, периодом существования Суздальского княжества было время с февраля 1217 по сентябрь 1218 г., когда суздальским князем был Юрий Всеволодович [ПСРЛ. М.; Л., 1949. XXV, 115—116; Кучкин 1970, 109]. Уже в монгольский период Суздальское княжество выделилось из великого княжества Владимирского, и на столе его в 1238 г. был посажен князь Святослав Всеволодович, который, по предположению А. В. Экземпярского, в 1246 г., когда умер его брат Ярослав, а сам он стал великим князем, передал Суздальское княжество, по завещанию Ярослава, Андрею Ярославичу и его детям [Экземпярский 1891, 381—382]⁴.

Итак, Суздальское княжество существовало с 1130-х годов по 1157 г., с февраля 1217 по сентябрь 1218 г. и с 1238 г., с некоторыми перерывами, по 1264 или 1265 г. — год смерти Андрея Ярославича [ПСРЛ. Л., 1928. I: 3, 524 (1264 г.); ПСРЛ, XXV, 145 (1265 г.)]. Эгмунд, как следует из сопоставления саги и анналов, побывал в Суздальском княжестве в конце 1210-х годов. Тем самым это могла бы быть и зима 1217/18 г. Однако подобное совпадение, в силу недостаточной хронологической точности саг и основанных на них анналов, представляется очень маловероятным. Вероятность знакомства скандинавов с Суздальским княжеством в первые десятилетия монголо-татарского нашествия тоже весьма мала. Наконец, существует третья, наиболее очевидная, возможность объяснения использования норвежской сагой топонима *Syðridalaríki* «Суздальское княжество», а именно: поступление сведений от информатора-новгородца или через скандинавов, побывавших в Новгороде, не испытавшем татарского погрома. Ведь именно в новгородском летописании термин

⁴ В. А. Кучкин, однако, полагает, что это утверждение «ни на чем не основано» (Кучкин 1984, 112, примеч. 69).

Суздальская земля (обозначающий Суздальское княжество — первое суверенное государство в Волго-Окском междуречье) используется применительно ко всем последующим государственным образованиям Северо-Восточной Руси [НПЛ, 304 (1251 г.), 332 (1304 г.), 375 (1378 г.)]. Об этой возможности придется говорить и ниже — при рассмотрении второго фрагмента той же саги.

В Суздальское княжество попадает лишь один из поименованных выше участников торговой поездки в *Бьярмаланд* — Эгмунд из Спангхейма. Если вычленить из приведенного отрывка саги относящийся к Эгмунду материал, вырисовывается следующая картина. Эгмунд в числе других участников торговой поездки приплывает в *Бьярмаланд*; осенью со своими слугами и товаром он отправляется из *Бьярмаланда* в Суздальскую землю; там, как можно заключить из текста саги, он проводит зиму, поскольку в дальнейший путь он пускается только весной, после получения вестей из *Бьярмаланда* о несчастье с его товарищами; путь его на этот раз лежит в Новгородское княжество⁵; оттуда он направляется к морю и не останавливается, пока не попадает в Иерусалим.

⁵ Е. А. Рыдзевская полагала, что *Hólmgarðar* — «неточная (поздняя) форма этого названия во мн. ч. вместо ед. ч. (Хольмгард), образовавшаяся, очевидно, под влиянием мн. ч. Гарды» (Рыдзевская 1970, 330), т. е. под *Hólmgarðar* следует понимать Новгород. Трудно согласиться, что здесь сказалось влияние формы *Garðar*, так как эта последняя уже в «Круге земном» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) полностью вытесняется более поздним образованием *Garðaríki*, а если встречается изредка в сагах о древних временах, то оказывается либо заимствованием из более ранних саг, либо стилизацией под них. Форма же *Hólmgarðar* (равно как и *Kænugarðar*, *Súrdalar*) распространена исключительно в более поздних сагах. Я склонна видеть в формах мн. ч. от названий древнерусских городов обозначение не городов, а княжеств, столицами каковых они являлись. На это справедливо указывала и Э. Метцентин (Metzenthin 1941, 61–62).

О связи Суздальской земли и Беломорья

Первостепенный интерес представляет нашедшая отражение в данном фрагменте «Саги о Хаконе Хаконарсоне» связь Суздальской земли с Бьярмаландом. Топоним *Viatia*, *Vjartaland* используется целым рядом скандинавских средневековых источников [Jackson 1992]. Суммарно (по данным всех источников) этим топонимом обозначаются обширные территории севера Европейской части России, однако каждый источник (или группа источников) в силу традиции говорит о своей Бьярмии, в более узком значении. Материал королевских саг позволяет связать Бьярмаланд с Подвиньем и побережьем Белого моря. Королевские саги, как правило, описывают естественный для норвежцев северный морской путь в Бьярмаланд: по Ледовитому океану, мимо Финнмарка и по Белому морю.

Маршрут Эгмунда из Бьярмаланда в Суздальское княжество дает, как кажется, возможность точнее определить, что понималось под Бьярмаландом в середине XIII в. и нашло фиксацию в записанных тогда же королевских сагах. Низовья Двины были в это время новгородским владением (А. Н. Насонов показал, что к концу 70-х годов XI в. Новгород уже распространил свои «становища» в Заволочье) [Насонов 1951, 104–105]. С середины XII в. начался спор за дань в Заволочье между новгородцами и ростовцами (столкновения при Юрии Долгоруком [НПЛ, 28 (1149 г.); ПСРЛ, II, 367 (1148 г.)], при Андрее Боголюбском [НПЛ, 39 (1168 г.); ПСРЛ. Пг., 1915. IV: I, вып. 1, 163 (1169 г.)], при Всеволоде Юрьевиче [НПЛ, 43 (1196 г.)] и позднее [НПЛ, 59 (1219 г.); ПРП, II, 120]. В результате природных, социально-экономических, религиозных, культурных и прочих причин для новгородской и верхневолжской колонизации сложились свои северные зоны освоения (западная и восточная) [Бернштам 1978, 30]. К началу XIII в. власть Владимиро-Суздальской Руси распространялась на Подвинье, где возникли такие города-крепости, как Великий Устюг. Из всего этого можно заключить, что из Нижнего Подвинья скандинавскому купцу естественнее было бы отправиться

непосредственно в Новгород (антропологические данные М. В. Витова показывают, что путь новгородцев на север был таков: «Ильмень, Волхов, Заонежье, средняя Онега, нижняя Двина, Беломорье» [Витов 1964, 108]), и значит, *Бьярмаланд* королевских саг — это все Подвинье, а в том числе и те районы Заволочья, куда проникала ростово-суздальская дань⁶.

Еще одно указание на связь *Бьярмаланда* и Суздаля находим в «Пряди о Хауке Длинные Чулки», входящей составной частью в «Большую сагу об Олаве Трюгтвасоне» по рукописи «Книга с Плоского острова». Хаук был любимым дружинником конунга Харальда Прекрасноволосого (858—928). О нем рассказывает Снорри Стурлусон в одном эпизоде «Круга земного»: Хаук отвозит в Англию и сажает на колени к конунгу Адальстейну незаконнорожденного сына Харальда, Хаккона, в результате чего этот последний, в силу обычаев того времени, становится воспитанником Адальстейна [ÍF, XXVI, 144—145]. По определению Яна де Фриса, эта прядь является ярким примером того, как «норвежцы привязывали к историческим персонажам чисто сказочные мотивы» [de Vries 1967, 296]. Подробности пребывания Хаука на Руси (в *Гардарики*) и в *Бьярмаланде* и его столкновений с Бьёрном и Сальгардом, людьми шведского конунга Эйрика, известны в нашей литературе из книги К. Ф. Тиандера [Тиандер 1906, 426—433]. Появление Суздаля в этом тексте Тиандер считает «неточностью» рассказа [Там же, 431], а М. Б. Свердлов — свидетельством «позднего литературного происхождения эпизода с путешествием шведов» [Свердлов 1973, 47].

Однажды летом конунг Харальд говорит, что он хочет отправить Хаука на север в *Бьярмаланд*, чтобы добыть меха... Вот отправляются они в путь с хорошим войском и оружием. Конунг Эйрик узнает об их поездке и говорит Бьёрну и Сальгарду, что он хочет, чтобы они поехали на север в *Surtsdalar* и *Бьярмаланд*... [ÍF., II, 66—67]

⁶ См. карту границ Новгородской земли на вторую половину XII — вторую половину XIII в. в кн.: Насонов 1951, между с. 96 и 97.

Дальнейший маршрут Бьёрна — из озера Меларен в Швеции в Балтийское море и дальше на север в *Бьярмаланд* — «указывает на искусственную скомпановку рассказа» [Тиандер 1906, 431], поэтому поездка Бьёрна в *Бьярмаланд* и вторая его встреча с Хауком «являются весьма неправдоподобными частями рассказа» [Там же]. И все же обращает на себя внимание соседство в тексте саги Суздаля (точнее — Суздальской земли, так как топоним имеет форму мн. ч.⁷) и *Бьярмаланда*. Если сравнить это место «Пряди о Хауке» с рассмотренным выше фрагментом «Саги о Хаконе Хаконарсоне», то можно заключить, что данная «неточность» скорее является отражением (пусть косвенным) реального знакомства скандинавов с путем из Беломорья в Суздальскую землю, тем более что прядь эта входит в рукопись, в которой (среди ряда других) сохранилась и «Сага о Хаконе Хаконарсоне».

Дополнительным подтверждением может служить еще один фрагмент «Саги о Хаконе Хаконарсоне», упоминающий бьярмов:

Он (конунг Хакон — Т. Д.) велел построить церковь на севере в Трумсе и крестил весь тот приход. К нему пришло много бьярмов, которые бежали с востока от немирья татар, и крестил он их, и дал им фьорд, который зовется Малангр [Flat., III, 596].

Если исходить из того, что *Бьярмаланд* связан с побережьем Белого моря, то уместным оказывается недоумение, высказанное по поводу этого известия саги К. Ф. Тиандером: «... вряд ли объяснение мотива бегства правильно. Татары, насколько нам известно, не доходили до берегов Белого моря. Гораздо вероятнее, что новгородские дружины прогнали бьярмийцев» [Тиандер 1906, 439]. Но, как известно, «естественным следствием ордынских походов было бегство русского населения в более безопасные от татарских вторжений места. Уже нашествие Батые вызвало определенный сдвиг населения», при этом часть населения Суздалящины, на которую был направлен основной удар, «бежала на север, в район Белоозера... В последующее время отлив населения из центральных областей Владимиро-Суздальской Руси продолжался» [Кучкин 1970,

⁷ См. примеч. 5.

109–110]⁸. Таким образом, сдвиг населения Суздальщины в подвластные ей районы Заволочья и мог вызвать описанное в саге бегство *бьярмов* (здесь жителей Нижнего Подвинья) на север.

Итак, в «Саге о Хаконе Хаконарсоне» контаминированы сведения о Суздальском княжестве, полученные из Новгорода и от путешественников в *Бьярмию*. Вполне вероятно, что скандинавы, попадавшие в Северо-Восточную Русь через Белое море, возвращались назад через Новгород и верхнюю оконечность пути «из варяг в греки» (не случайно в маршруте Эгмунда фигурирует Новгородское княжество).

В приведенном в начале главы фрагменте нашли отражение, с одной стороны, связи Суздальской земли с Подвиньем в первой трети XIII в., а с другой — факт знакомства скандинавов с путем из Беломорья в центральные русские земли⁹. На том основании, что известие о расправе *бьярмов* над его товарищами норвежец Эгмунд получает, находясь в Суздальской земле, И. П. Шаскольский заключает, что «русское население и русская администрация в Поморье знали о приездах норвежцев и об их контактах с местными жителями и общались об этом в центр страны» [Шаскольский 1970, 46]. Этот же факт говорит и за то, что поездки такого рода не были единичными. Отсутствие их фиксации в сагах заставляет лишний раз вспомнить об особенностях отражения в сагах исторической действительности.

Об «Андрее Суздальском»

Еще один фрагмент «Саги о Хаконе Хаконарсоне» содержит упоминание Суздаля как места княжения Андрея Ярославича:

У ярла Биргера было пять тысяч [человек]. Там с ним было много знатных мужей. Там был брат ярла Ульва, Карл, сын Ульва, ярл Фольки и Карл Квейса, сын Иона Энгиля, и много других знаменитых мужей из Свитьод. Был там и Андрес, конунг *af Súrdölum*,

⁸ См. также: Насонов 1969, 246.

⁹ См. также: Якобссон 1983, 117–134.

брат конунга Александра из Хольмгарда. Он бежал с востока от татар [Flat., III, 543–544].

Андрес, конунг *af Súrdölum*, — русский князь Андрей Ярославич. По предположению А. В. Экземплярского, до 1248 г. Андрей владел Суздаlem как удельный князь; из летописей известно, что в 1249 г. он и его брат Александр вернулись из Орды, где Андрей был признан великим князем владимирским; в 1252 г. Александр отправился в Сарай, и Батый признал великим князем его, Андрей же отказался «цесаремъ служити» и «здума... с своими бояры бегати» [ПСРЛ, I: 3, 524], и через Переяславль, Новгород, Псков, Кольвань (Ревель) бежал от рати Неврюя «за море во Свеискую землю» [ПСРЛ, XXV, 141–142]. В 1256 г., примирив Андрея, вернувшегося из Швеции, с ханом, Александр дал ему Суздаль¹⁰. «В лѣто 6772 (1264 г.) преставися А[н]дрѣи Суздальскыи» [ПСРЛ, I: 3, 524].

Итак, из источников следует, что суздальским князем Андрей был с 1256 г. до своей смерти в 1264 (или в 1265) г. Существует предположение, что он сидел на Суздальском столе и с 1246 по 1248 г. В Швецию же он бежал после того, как три года (с 1249 по 1252 г.) был великим князем владимирским. Сага, однако, называет его *Andrés, konungr af Súrdölum*. Каким образом имя русского князя, находившегося в войске противника короля Хакона, шведского ярла Биргера, могло попасть в «Сагу о Хаконе Хаконарсоне», написанную в Норвегии знатным исландцем, использовавшим архивные материалы и воспоминания очевидцев? Почему сага называет Андрея суздальским князем? Ответов на эти вопросы несколько. Так, словосочетание *konungr af Súrdölum* могло сохраниться в памяти либо в письменной фиксации со времени пребывания Андрея в Швеции, и этому есть два объяснения: либо, будучи великим князем, Андрей продолжал именоваться суздальским по своему уделу (если он

¹⁰ См.: Экземплярский 1891, 392. Лаврентьевская летопись под 1257 г. называет Андрея в числе русских князей, отправившихся к татарам (ПСРЛ. Л., 1927. I: 2, 474).

таковым владел в 1246–1248 гг.), либо он получил Суздаль в 1252 г., когда великим князем стал Александр. Кроме того, вполне вероятно (и об этом уже шла речь), что информация о Северо-Восточной Руси поступала в Норвегию через Новгород. Ведь именно Новгородская первая летопись, а за ней и Московский летописный свод конца XV в. сообщают, что в 1252 г. татары пришли на князя Андрея «на Суздалкую землю» [НПЛ, 304; см. также: ПСРЛ, XXV, 141], в то время как «с большой долей вероятности можно полагать», что войско воеводы Неврюя разграбило резиденцию Андрея — город Владимир [Кучкин 1970, 106].

Еще раз о списках русских городов и княжеств

В Главе 5 достаточно подробно анализировался перечень древнерусских городов, содержащийся в исландском географическом сочинении «Какие земли лежат в мире», включенном исландцем Хауком Эрлендссоном в компиляцию древнеисландских произведений («Книгу Хаука»). Автор этого сочинения обладает наибольшей информацией о Восточной Европе по сравнению с авторами аналогичных трудов¹¹ — его перечисление западных соседей Руси, как и список древнерусских городов, наиболее обширны:

В том государстве есть [часть], которая называется Руссия, мы называем ее Гардарики. Там такие главные города: Морамар, Ростова, *Súrdalar*, Хольмгард, Сюрнес, Гадар, Палтескья, Кэнугард [Мельникова 1986, 65].

По мнению М. Б. Свердлова, «присутствие в списке 'старших' городов Ростово-Суздальской земли (Ростов, Суздаль, Муром) и отсутствие 'младших' городов (Переяславль Залесский, Владимир), политическое и экономическое значение которых в XII в. стало не меньше 'старших' городов, а вероятно и больше, позволяет отнести список к XI в.» [Свердлов 1973, 52]. Мне представляется, что аргумент *ex silentio*

¹¹ Сопоставление ряда географических сочинений см.: Мельникова 1976.

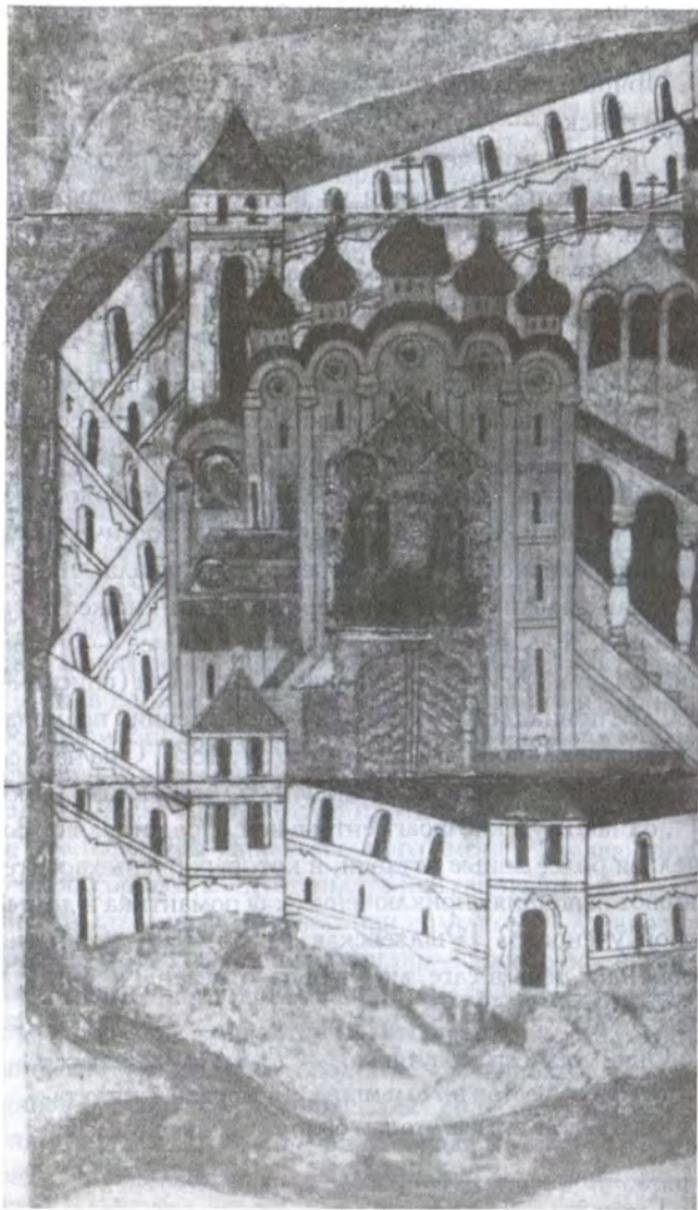

Рис. 14. Муром (деталь иконы «Петр и Феврония в житии». XVI—XVII вв.)

вряд ли применим к сведениям древнескандинавских памятников о русских городах, — выше я приводила данные о числе известных этим источникам и реально существовавших древнерусских городов.

О. Прицак, обращая внимание на три первых города в настоящем списке — Муром, Ростов, Суздаль, — утверждает, что перед нами, несомненно, список тех городов Руси (*Rus' cities*), которые лежали на волжском пути на рубеже IX—X вв. (до начала функционирования днепровского пути). Он полагает, что Муром справедливо назван в списке раньше Ростова и Суздаля, поскольку в последующее время он уже не играл большой роли [Pritsak 1981, 537]. Археологические данные, однако, позволяют говорить о Муроме, Ростове и Суздале как о древнерусских городах лишь со второй половины X в.¹² Наличие имен других городов в этом списке заставляет думать, что список древнерусских городов, помещенный в «Книгу Хаука», мог возникнуть и достичь Скандинавии лишь в период от второй трети X до начала XI в.

Суздаль назван также при перечислении княжеств (*gíki*) в *Гардарики* в «Саге об Одде Стреле», точнее — только в группе поздних (XV века) рукописей этой саги (списки А, В и Е). Сага принадлежит к разряду саг о древних временах, к подгруппе саг о викингах [de Vries 1967, 483]. Она написана, по мнению Яна де Фриса, между 1265 и 1275 гг. [Ibidem, 487]¹³, однако русские фрагменты в ней «представляют собой как нельзя более явные вставки, в которых очень характерно соединяются поздняя приключенческая романтика и домыслы книжной учености» [Рыдзевская 19786, 190]. События, о которых идет речь в саге, могут быть отнесены к концу X в. [Тиандер 1906, 265].

Они (Одд и его попутчики. — Т. Д.) направляются теперь на восток в Хольмгард. Гардарики — это такая большая страна, что там было тогда много владений

¹² См. Главу 5.

¹³ Древнейшая известная рукопись восходит к первой половине XIV в. (см.: Тиандер 1906, 108—110).

конунгов (*ríki*): Марро звали конунга, который правил в Морамар, эта земля — в Гардарики; Радстав звали конунга, Радстова зовется там, где он правил; Эддвал звали конунга, он правил тем владением (*ríki*), которое зовется *Súrsdalr*; Хольмгейр звали того конунга, который вслед за Квилланусом правил Хольмгардом; Палтес звали конунга, он правил Палтескьюборгом; Кёнмар звали конунга, он правил Кёнугардами, и там первым проповедовал Магок, сын Иафета, сына Ноя [Orvag-Odds s., 187].

Ниже в саге рассказывается, что конунг Хольмгарда Квилланус «собрал большое войско из Кирьяланда и Равесталанда, Реваланда, Вирланда, Эстланда, Ливланда, Витланда, Курланда, Ланланда, Эрмланда и Пулиналанда» [Ibidem]. Сравнение настоящего фрагмента с перечнем городов и соседящих с *Гардарики* земель в географическом сочинении «Какие земли лежат в мире» указывает на то, что автор саги был знаком с географическим сочинением или его источником и использовал его при написании данного текста.

Искомый топоним не тождествен в географическом сочинении «Какие земли лежат в мире» и в «Саге об Одде Стреле». Так, в первом из них при перечислении городов используется форма множественного числа *Súrdalar*, а во втором при перечислении владений конунгов (княжеств) — форма единственного числа *Súrdalr*. Это противоречит моему заключению, что в формах множественного числа от названий древнерусских городов следует видеть наименование не городов, а княжеств, столицами каковых они являлись¹⁴. Однако вполне очевидно, что авторы древнескандинавских сочинений не были абсолютно последовательны при передаче топонимии Древней Руси. Общий источник этих двух текстов (вероятно, ранний, так как перечень городов я считаю восходящим самое позднее к началу XI в.) должен был содержать форму единственного числа для обозначения города Суздаля (поскольку название Суздальской земли как государственного образования могло сложиться лишь после ее выделения в отдельное

¹⁴ См. примеч. 5.

княжество, т. е. не ранее 30-х годов XII в.). Автор географического сочинения скорее всего случайно, а может быть, и в силу знакомства с более поздней топонимией искажил ее, автор же саги скопировал без изменений (в его контексте — ошибочно).

К вопросу о происхождении древнерусского названия города

Суздаль знает еще одна прядь «Большой саги об Олаве Трюггвасоне» по рукописи «Книга с Плоского острова» — «Прядь о Торлейве, Скальде Ярлов». Прядь рассказывает о ниде (хулительной песни), сочиненном скальдом Торлейвом и адресованном им хладирскому ярлу Хакону. Нид этот известен и из других источников, в частности из «Саги об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда Сноррасона (ок. 1190 г.), так что можно утверждать, что история взаимоотношений скальда и ярла была известна в конце XII в. Однако данная прядь, как отмечает Ян де Фрис, — более поздняя ее переработка, поскольку она содержит позднейшие висы и включает в себя большое количество сказочных мотивов [de Vries 1967, 429].

Вернувшись после странствий ко двору ярла Хакона, скальд Торлейв, согласно этой пряди, изменяет свою внешность и называет себя вымышленным именем:

Необычно мое имя, господин, потому что зовусь я
Нидунг, сын Гьялланди, и родом из *Syrgisdöllum* в
Холодной Свитьод [Flat., I, 232].

Использование топонима *Холодная Свитьод*, связанного с эвгемеристической легендой о заселении Скандинавии [Jackson 1996, 107–114], указывает на поздний и искусственный характер данного построения, а потому фрагмент не дает оснований для возведения формы *Syrgisdalar* ко временам скальда Торлейва (конец X в.) и не требует учета этой скандинавской формы при решении вопроса о происхождении названия древнерусского города «Суздаль — Суздаль», как это видится О. Прицаку [Pritsak 1981, 264–265].

О древнескандинавском наименовании Суздаля

Как можно видеть из приведенных текстов, в древнескандинавской письменности не существовало единого варианта для передачи местного имени *Суздаль*; это и *Suðridalaríki* (а также *Suðrdalaríki* в трех других списках той же саги), это и *Súrdalar*, и *Surtsdalar*, и *Syrgisdalar*, и *Súrsdalr*. Перед нами попытки передать местное звучание с использованием скандинавских корней. Так, если первый топоним образован от *suðri* — сравнительной степени прилагательного *suðr* «южный» (а в остальных списках — от исходной формы этого же прилагательного), то второй и пятый — от прилагательного *sútr* «кислый», третий — от имени мифологического великана Сурта (ср.: *Hellinn Surts*), четвертый — от глагола *syrgja* «скорбеть». Второй корень во всех пяти случаях — один и тот же: *dalr* «долина» (за исключением последнего топонима, — во множественном числе).

Суммируя сказанное, следует отметить, что среди немногих известных древнескандинавской письменности русских городов не последнее место (по числу упоминаний) занимает *Суздаль*. Форма используемого топонима позволяет в ряде случаев заключить, что речь идет не о городе Суздале, а о Суздальском княжестве. Во всяком случае, никаких описаний города Суздаля скандинавские источники не содержат — налицо характерная для этого рода источников «точность» упоминаний нескандинавской топонимии. Вместе с тем в рассмотренных памятниках находят отражение непосредственные контакты скандинавов с Суздалем (и шире — Волго-Окским междуречьем) в XI в., знакомство скандинавов с путем из Беломорья в центральные русские земли в начале XIII в., а возможно, и в более раннее время. Да и сам факт фиксации Суздаля (или Суздальского княжества) в древнескандинавской письменности говорит о хорошем знакомстве скандинавов с Северо-Восточной Русью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне представляется, что весьма важным результатом проведенного исследования древнескандинавских топонимов Древней Руси, и шире — Восточной Европы, является вывод о том, что в их формировании прослеживается одна общая тенденция к обязательному воспроизведению фонетического облика адекватных им местных географических названий. Следует подчеркнуть, что принцип фонетического уподобления соблюдался древними скандинавами достаточно регулярно при создании топонимии как «Восточного», так и «Западного пути» — таковы *Eistland*, *Kúrland*, *Kirjálaland*, *Finnland* на востоке от Скандинавии и, скажем, *England*, *Bretland*, *Nordimbraland*, *Lundún*, *Grímsbær*, *Jórvík*, *Vincestr* на западе. Возражая против необоснованных утверждений, что некоторые из зафиксированных скандинавскими источниками названий древнерусских городов являются собственно скандинавскими наименованиями, я, напротив, усматриваю за каждым скандинавским обозначением местный прототип, усвоенный древними скандинавами и затем нередко переосмысленный ими в соответствии с действующим при межэтнических языковых контактах механизмом народной этимологии. Суть этого последнего явления заключается в том, что звучание чуждого топонима воспроизводится в другом языке с параллельным его осмыслением и, следовательно, с искажениями, с заменой исходных корней на другие, близкие к ним по звучанию, но порой весьма далекие по смыслу.

Заемствованное слово, имя, понятие, или его составляющая, принимает при этом в родном языке значение слова, близкого к исходному по звучанию.

Важен также, на мой взгляд, вывод о постепенном формировании картины Восточной Европы в скандинавском обществе — по мере продвижения скандинавов на восток. Последовательные этапы географического познания этой территории запечатлелись в разновременных пластах восточноевропейской топонимии, нашедшей отражение в скальдических стихах, рунических надписях и ранних королевских сагах, с одной стороны, и в поздних королевских сагах, географических сочинениях, скальдических тулах и сагах о древних временах — с другой.

Топонимическая информация о Древней Руси в памятниках древнескандинавской письменности позволяет достаточно четко обрисовать область наиболее ранних и наиболее интенсивных славяно-скандинавских контактов (Внешнюю Русь — *Garðar, Garðaríki* — с городами Ладогой и Новгородом — *Aldeigja / Aldeigjuborg, Hólmgarðr*), определить города и области, имевшие наиболее тесные северные связи, а также выяснить характер скандинавского присутствия (отсутствие более детальной информации определено указывает на то, что контакты с местным населением осуществлялись только по магистральным путям и были приурочены к основным центрам на этих путях).

Многое в анализируемом материале, безусловно, следует относить за счет стереотипности средневекового сознания и специфики скандинавской картины мира. Для правильного понимания древнескандинавских источников нам необходимо принять картину мира такой, какой она была в представлении средневековых исландцев — авторов, рассказчиков, слушателей и читателей саг, хроник, скальдических стихов. Хочется верить, что мне удалось здесь воссоздать целостную систему пространственного видения скандинавами «Восточной четверти мира».

SUMMARY

In the course of the last two centuries Russian-Scandinavian relations in the Early Middle Ages have been thoroughly studied. Scandinavian activity in Eastern Europe was simultaneous with the formation of the early states in this region, though the forms of Scandinavian participation therein are unclear. Due to the complex analysis of written sources, as well as of archaeological, numismatic and linguistic materials, carried out in the last decades, scholars have achieved certain insights into the place and role of the Vikings in the social and economic processes in Eastern Europe at the end of the first and the beginning of the second millennium. However, many problems are still open to discussion.

One of them is the evaluation of the character of Russian and Scandinavian inter-ethnic relations. Toponymical data are of great importance here. They do not only reflect ethnic and national stereotypes that existed in Scandinavian consciousness in respect to their eastern neighbours, but also uncover the historical, economic, political, religious and cultural factors that led to the formation of those stereotypes. The present research deals with those place-names (topo-, hydro-, choronyms) that were used in the works of Old Norse literature for the designation of the lands beyond the Baltic in general, of East-European rivers and seas, of the Old Russian state itself, of Old Russian towns, etc.

Monuments of Old Norse literature are considered to be among the most important foreign sources for the history of the

Рис. 15. Old Rus

Old Russian state. Written down in the late twelfth through the fourteenth centuries they contain a large amount of information about historical events and processes that had taken place in Eastern Europe in the ninth to the thirteenth centuries. The *Introduction* includes a brief survey of these sources, as well as a summarised presentation of the historical data preserved in them.

Close contacts of Old Rus and Scandinavian countries in the tenth through the thirteenth centuries found their reflection mostly in the sagas. The forms that this information acquired were numerous, varying from detailed descriptions to short mentions of some names or details. The character of information also varied greatly, the information being both direct and indirect in form, as well as factual, typical and generalized in content. Scandinavian sources, as compared to Russian chronicles, do not present the whole picture of Russian history through the centuries, however their data are worth being studied.

The Old Russian material of the sagas is distributed chronologically rather irregularly. Its main volume refers to the early feudal period of Russian history, namely the tenth through the late eleventh century, which was the period of formation of a relatively united Old Russian state. Information preserved in the sagas concerns the reign of the two princes, Vladimir Svjatoslavich, the great prince of Kiev in 978–1015, and his son Jaroslav the Wise, the prince of Novgorod in 1010–1016 and the great prince of Kiev in 1016–1054. Sagas, always concentrated on genealogies, seem not to know the predecessors of prince Vladimir and call him either 'konungr Valdamarr', or even 'Valdamarr gamla' (Valdamarr the Old), what reminds of Óðinn gamla (Óðinn the Old), the forefather of Scandinavian gods. Several saga narrations refer to the time earlier than the tenth century and relate of Viking expeditions to the East, to the Baltic lands, and to the North, to the White Sea region. Finally, there is a number of episodes in the sagas that pertain to the period from the late eleventh to the second half of the thirteenth century. Mostly, these are the data on matrimonial connections of the Russian ruling dynasty with the Scandinavian ruling houses that are included into the genealogies of the Danish kings, as well as some information about the reign of the great prince Alexander Nevskij (1250–1263).

Skaldic poetry, runic inscriptions, sagas and geographical treatises have preserved a large amount of ethnic names and different place-names (the names of seas, islands, rivers, lands, countries and towns) of the three major regions of Eastern Europe — the Eastern Baltic, Old Rus and European North.

Those historians who use Old Norse sources meet with certain difficulties in the specific features of their genre. Moreover, there is always a problem of a chronological gap, sometimes five centuries long, between an event and the time of its fixation. Runic inscriptions can be dated mostly from the late tenth and eleventh centuries; skaldic poetry composed between 800 and 1100 is preserved mostly within the sagas that were written down in the twelfth and thirteenth centuries, but are available, as well as the geographical treatises of the twelfth to the fourteenth centuries, in much later manuscripts. However, the detailed analysis of runic inscriptions on memorial stones mentioning Eastern Europe carried out by Elena Melnikova shows that all the place-names of these inscriptions belong to the earliest strata of geographical and topographic knowledge the Scandinavians had of these territories. The character of information preserved in the sagas makes us believe that we deal with a reflection of some ancient reality. Finally, the study of geographical treatises proves that they provide an accurate picture of Eastern Europe of the tenth through the twelfth centuries. Thus, it becomes evident that the ethnogeographical nomenclature of the Old Norse sources is rather archaic. It would be most reasonable to assume that it was formed simultaneously with the Scandinavian infiltration into Eastern Europe.

The analysis of the Old Icelandic toponymy of Eastern Europe undertaken in this book demonstrates that each source (or a group of sources) has its own toponymic nomenclature. The chronology of written fixation of place-names reflects the sequence of their emergence in the language of early Scandinavians. However, this is not a one-to-one correspondence. It just shows the general line of the development of Scandinavian place-names of Eastern Europe.

The ethnogeographical nomenclature of the Old Norse sources was formed simultaneously with the Scandinavian infiltration into Eastern Europe. We may even speak of the two different ethnoge-

ographical traditions (those of skaldic poetry, runic inscriptions and early sagas, on the one hand, and of geographical treatises, *þulur* and late sagas, on the other) that reflect a concrete chronological sequence of Scandinavian penetration into Eastern Europe, a progression in which Scandinavians moved along 'the route from the Varangians to the Greeks'.

Chapter One discusses the general concept of Eastern Europe that the Old Norse sources have preserved. Contrary to the 'scholarly' tradition of the three-fold division of the known and inhabited world, in describing concrete geographical objects, distant voyages, sea routes, in practical orientation in space, Scandinavians put to use the idea, traditional among them, as well as among the other Germanic and even Indo-European peoples, of the world divided into four segments in accordance with the four cardinal points. The quadripartite division of the oecumene has found its reflection in a number of place-names, since place-names have always been 'among the prime markers of this process of structuring the space'. The set of lands in each segment of the early Scandinavians' 'mental map' is invariable. The western quarter includes all the Atlantic lands such as England, Iceland, Orkney and Shetland Islands, France, Spain, and even Africa. The southern lands are Denmark and Saxony, Flanders and Rome. The northern quarter is formed by Norway itself, but also by *Finnmørk* and, sometimes, by *Bjarmaland*. As far as the *Austrhálfa* — the eastern segment, or quarter, on the Old Norse 'mental map' — is concerned, the analysis shows that all the lands round the Baltic Sea, as well as those within Eastern Europe, beyond the Baltic Sea, were considered to be eastern lands. These are Sweden and Finland, Estonia and Karelia, the Baltic Sea and the White Sea, the Western and the Northern Dvina, Old Rus, Novgorod and Kiev, and even Constantinople. Their complex analysis is undertaken in *Chapter Two*, while the following chapters are dedicated to the place-names with the root *aust-* (*Chapter Three*), to the Scandinavian designations of Old Rus (*Chapter Four*), and to the names of Old Russian towns (*Chapters from Five to Nine*).

The earliest Old Norse name for Old Rus is *Garðar* that occurs in a skaldic poem of 996. The Old Norse word *garðr* has the

following meanings: 1) a fence of any kind, a fortification; 2) a yard (an enclosed space); 3) a court-yard, court and premises; 4) a separated farm (in Iceland); 5) a house or building in a country or village (especially in Norway, Denmark and Sweden). However, all these meanings give no explanation of the fact that the plural form of this noun, *Garðar*, became a designation of Rus. They cannot either explain why the place-name *Garðaríki* came to existence, why the root *garð-* served to form the names of the three major towns on 'the route from the Varangians to the Greeks', *Hólmgarðr* (Novgorod), *Kænugarðr* (Kiev), *Miklagarðr* (Constantinople), why this noun became a designation of 'towns' in general in a set expression *hofuð garðar* instead of a traditional *hofuð borgar*.

Since the root *garð-* was used in Old Norse texts only for the formation of East-European place-names, scholars naturally paid attention to the relation between the Old Icelandic word *garðr* and the Old Russian *городъ/градъ*. The Old Russian word has the following meanings: 1) a fence; 2) a fortified place, town walls, a fortification; 3) a field defensive work; 4) a settlement, an administrative and trade centre. The word developed in its meaning from 'a fence' to 'a fortified place'.

The Scandinavian name for Russia had to have originated in the ninth century, as, according to archaeological data, Scandinavians in Rus can be traced to the second half of the ninth century, with the exception of Old Ladoga where their traces go back to the 60s of the eighth century. Archaeological materials witness that even in the late tenth and early eleventh centuries there were only three towns in the Novgorodian land, namely Pskov, Novgorod and Ladoga, and the total number of Old Russian towns of that period did not overcome twenty one. At the same time in the Novgorodian land there were no less than twenty fortified settlements going back to the epoch of the Old Rus state formation. In the basin of the lake Ilmen there closed up two main trade routes of the Middle Ages crossing Eastern Europe, the Baltic—Volga route and 'the route from the Varangians to the Greeks'. Straight in this region, in the very centre of the Novgorodian land (along the river Volkhov, in the low reaches of the rivers falling into the lake Ilmen, and along the river Pola), there were situated the

above mentioned fortified settlements. They served both as hiding places for the population of the immediate neighbourhood, and as control stations on water ways. They were often situated at the most complicated sections of the water ways, which is typical, first of all, of the settlements on the banks of the Volkhov river. The Scandinavians, who set on their way from Ladoga down the Volkhov into other Slavonic territories, came across a chain of fortified settlements called by the local population *города* [goroda]. That is why, it is quite natural that on the initial stage of their acquaintance with Rus the Scandinavians started calling this land *Garðar* 'Fortifications'.

Old Norse sources have preserved the names of the twelve towns that are considered by the medieval authors, as well as by their modern publishers, to have been Old Russian towns. These are *Hólmgarðr*, *Aldeigjuborg*, *Kænugarðr*, *Súrdalar*, *Pallteskia*, *Smaleskia*, *Móramar*, *Rostofa*, *Sýrnes*, *Gaðar*, *Álaborg*, *Danparstaðir*. The first eight of them are practically unanimously associated with Novgorod, Ladoga, Kiev, Polotsk, Smolensk, Suzdal, Murom and Rostov.

Firstly, these are the oldest and the largest Old Russian towns: seven of them are among the ten towns named by the Russian Primary Chronicle in the entries under the ninth century. Secondly, what is very important about them is that they are connected with the main trade routes of the late first and early second millennium. Thus, Polotsk, Smolensk, Suzdal, Murom and Rostov belong to the water route of the Western Dvina — the Dnieper — the Oka — the Volga; Ladoga, Novgorod, Smolensk and Kiev are halting places on the 'way from the Varangians to the Greeks' (the Volkhov — the Lovat' — the Dnieper). This fact makes it easy to explain that, on the one hand, Scandinavians were familiar with these towns and, on the other hand, the names of these towns have been preserved by Old Norse literature.

The number of Old Russian towns mentioned in these sources looks, naturally, as greatly underestimated when compared to the number of Scandinavian, or English, town names in the sagas, as well as to the number of Old Russian towns of the ninth through the thirteenth centuries (more than 400) that we know from the

Russian chronicles and through archaeological excavations. These data, however, can by no means be the reflection of the poor acquaintance of Scandinavians with Old Rus, as the materials excavated by the archaeologists prove just the opposite. They should be considered as a reflection of the specific character of Old Norse literature. As a rule, the authors were not interested in the geography of the neighbouring lands, and were even connecting the events outside Scandinavia with a certain set of traditional, conventional regions and places, using for the description of an Old Russian town a stereotyped formula common for the towns of Scandinavia, Rus and Western Europe. Still, these data serve as a doubtless evidence of an immediate and long-time acquaintance of Scandinavians with the main routes of Eastern Europe and the centres located on them.

Information about Russian towns in the Old Norse sources is diverse, from laconic mentions of their names and general typified ideas to concrete details verified by other sources, sometimes really unique.

Better known than any other name (it occurs more than hundred times in all types of Old Norse sources, with the exception of skaldic poetry) is *Hólmgarðr* (Novgorod). It is presented as the capital of *Garðaríki* (Rus), where there is the main seat of the king of *Garðar* ('Í Hólmgarðaborg er mest atsetr Garðakonungs'). On the whole, Novgorod is depicted in the most generalized way: here the king's court is situated (*Óláfs saga Tryggvasonar*) and the palace specially built for queen Ingigerd (*Morkinskinna*), the house for the Varangians that come to serve with king Jarizleifr (*Eymundar þáttr*), the church dedicated to St. Óláfr (*Óláfs saga helga*), and a market place (*Óláfs saga Tryggvasonar*). Thus, the traditional set of characteristics of a capital is present. Nearly all the events that happen in Rus are connected in the sagas with Novgorod: here all the Russian kings are seated, here Scandinavians come to take refuge or to become employed in the king's service, from here they go back home to Scandinavia or on a trip to Jerusalem, here come Scandinavian merchants.

It is remarkable that there are no concrete data in connection with Kiev (*Kænugarðr*). Named about ten times in the late sagas and geographical treatises, Kiev is included there into the lists of towns or (in the plural form) of lands in *Garðaríki*.

Information relating to (Old) Ladoga (*Aldeigja*, *Aldeigjuborg*) is, on the contrary, heterogeneous. Ladoga is mentioned about forty times in skaldic poetry and sagas (though it does not occur in runic inscriptions and geographical treatises). The events described in the sagas and connected with Ladoga can be dated to the Viking age, i.e. till the middle of the eleventh century when Haraldr Sigurðarson left Rus. Ladoga is mainly depicted as a transitional station on the way from Sweden to Novgorod and back.

Data on Polotsk (*Polotteskia*) preserved in geographical treatises and late sagas (six mentions) are manifold: sources know Polotsk and Polotsk land as one of the three constituting parts of the Old Russian state, set forth its fortified character, and also relate some concrete facts of the town life in the eleventh century.

Knowledge of Suzdal (*Súrsdalr*) and Suzdal land (*Suðrdalaríki*, *Súrdalar*, *Syrgisdalar*), also mentioned only six times in geographical treatises and late sagas, is, nevertheless, wide and many-sided. Traces of immediate acquaintance of Scandinavians with Suzdal and the Oka—Volga region in general can be found in the geographical treatise of the late thirteenth or early fourteenth century where, in the list of the Old Russian towns, the 'elder' towns of Rostov—Suzdal land are named: Suzdal, Rostov (*Rostofa*), and Murom (*Móramar*). The other list, found in the geographical treatise of the late twelfth century, includes along with Novgorod, Kiev and Polotsk also Smolensk (*Smaleskia*).

The remaining four place-names are not that easy to identify. *Danparstaðir* occurs, though in a wide context, in one saga only, and *Álaborg*/*Áluborg* in two sagas, all the three of them being the *Fornaldarsögur* which are not really a reliable source material. Correspondingly, the use of geographical terms by their authors is problematic, and the readings of these place-names that exist in scholarly literature cannot be accepted as final. The identification of *Sýrnes* and *Gaðar* is still more complicated, as these two names are *hapax legomena* and are not found elsewhere in Old Norse literature. They occur only in the geographical treatise included by the Icelander Haukr Erlendsson into a compilation of Old Norse

works (*Hauksbók*). However, I am prone to think that these two names served as a designation of a fortified site Gnezdovo, not far from Smolensk on the Dnieper river.

On the whole, information pertaining to the Old Russian towns in Old Norse literature allows to delineate in detail the zone of the earliest and the most intensive Slavic-Scandinavian contacts, namely Northern Rus (*Garðar*, *Garðaríki*) with Ladoga (*Aldeigja*, *Aldeigjuborg*), and Novgorod (*Hólmgarðr*), to discover the towns and regions that had closest northern contacts, as well as to bring to light the character of Scandinavian presence in Eastern Europe (the lack of more detailed information definitely points to the fact that the contacts with local population were achieved only along the main river routes and were attached to the main towns on these routes).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.

ВВ — Византийский временник. М.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., СПб.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гейденштейн — *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582) / Пер. с латинского. СПб., 1889.

Гельмольд — *Гельмольд.* Славянская хроника / Предисл., пер., и примеч. Л. В. Разумовской. М., 1963.

Герберштейн — *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988.

ДГ — Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М. / Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. М.

Древнерусские города — Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий / Г. В. Глазырина и Т. Н. Джаксон. М., 1987.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ЗРАО — Записки Императорского русского археологического общества. СПб.

ИАК — Известия имп. археологической комиссии. СПб.

Исландские саги 1956 — Исландские саги / Редакция, вступ. статья и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956.

Исландские саги 1973 — Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

Иордан — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов: *Getica* / Вступ. статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб. — Пг. — Л.

ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры. СПб. — Пг. — Л.

Круг Земной — *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Издание подготовили А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.

МАР — Материалы по археологии России. СПб.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

Младшая Эдда — Младшая Эдда / Издание подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970.

НИС — Новгородский исторический сборник. Л.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. / М. Б. Свердлов. СПб., 1996.

ПГ — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1977. Вып. I.

ПРП — Памятники русского права. М., 1952. Вып. I: Памятники права Киевского государства / Сост. А. А. Зимин.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб. — Пг. — М.

СА — Советская археология. М.

СС — Скандинавский сборник. Тарту — Таллинн.

Старшая Эдда — Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л.—СПб.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.

Acta — Acta Sancti Olavi regis et martyris // МНН, 125—144.

Adam — Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.

ANF — Arkiv för nordisk filologi. Lund.

Annales Bertiniani — Annales Bertiniani / F. Grat, J. Vieilliard, S. Clémencet. Paris, 1964.

AR — Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves / C. C. Rafn. Copenhagen, 1850–1852. T. 1–2.

ASB — Altnordische Saga-Bibliothek. Halle a. Saale.

Ágrip — Ágrip af Nóregskonunga sögum / Bjarni Einarsson // ÍF. 1984. B. XXIX. Bl. 3–54.

Bjarnar s. — Bjarnar saga Hítðelakappa / R. C. Boer. Halle, 1893.

Eym. þ. — Eymundar þátttr // Flat. 1944, II, 199–218.

Fas. — Fornaldar sögur Norðurlanda eptir gömlum handritum / C. C. Rafn. København, 1829–1830. B. I–III.

Fask. — Fagrskinna: Nóregskonunga tal / Bjarni Einarsson // ÍF. 1984. B. XXIX. Bl. 55–373.

Flat. — Flateyjarbók / S. Nordal et al. Akranes, 1944–1945. B. I–IV.

Fms. — Formanna sögur eptir gömlum handritum. Kaupmannahöfn, 1825–1837. B. I–XII.

Hálfð. s. — Hálfðanar saga Eysteinsonar / F. R. Schröder // ASB. 1917. B. 15. S. 89–142.

Hb. — Hauksbók / Eiríkur Jónsson og Finnur Jónsson. København, 1892–1896.

HN — Historia Norwegiæ // MHN, 69–124.

Homil. — Gamal norsk homiliebook: Cod. AM 619 4° / Gustav Indrebø. Oslo, 1931.

IA — Islandske annaler indtil 1578 / Gustav Storm. Christiania, 1888; reprint — Oslo, 1977.

ÍF — Íslenzk fornit. Reykjavík.

ÍS — Íslendingasögur. Reykjavík, 1946–1949. B. I–XII.

KLNM — Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. København, 1956–1978. B. I–XXII.

Kr. s. — Kristni saga / B. Kahle // ASB. 1905. B. 11.

Landn. — Landnámabók / Jakob Benediktsson // ÍF. 1969. B. I.

Leg. s. — Olafs saga hins helga: Efter pergamenthaandskrift i Uppsala Universitetsbibliotek, Delagardieske samling nr. 8^{II} / O. A. Johnsen. Kristiania, 1922.

MHN — Monumenta historica Norwegiæ: Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / Gustav Storm. Kristiania, 1880.

Msk. — Morkinskinna / Finnur Jónsson // SUGNL. 1932. B. LIII.

NHT — (Norsk) Historisk tidsskrift. Oslo.

Orkn. s. — Orkneyinga saga / Sigurður Nordal // SUGNL. 1913–16. B. XL.

Ó. s. H. Flat. — «Отдельная сага об Олаве Святом» по рукописи GkS 1005 fol. (Flateyjarbók).

Ó. Tr. Oddr — Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Finnur Jónsson. København, 1932.

Passio — Passio et Miracula Beati Olavi / F. Metkalf. Oxford, 1881.

Saxo — Saxonis Gesta Danorum / A. Olrik, H. Ræder. Hauniae, 1931.

ScSl — Scando-Slavica. Copenhagen.

Skj. A, I — Finnur Jónsson. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning.

A — Text efter håndskrifterne. København, 1967. B. I: 800–1200.

Skj. B, I — Finnur Jónsson. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning.

B — Rettet text. København, 1973. B. I: 800–1200.

SS — Scandinavian Studies. Lawrence, Kansas.

SUGNL — [Skrifter udgivet af] Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. København.

Theodricus — Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium // MHN, 1–68.

The Poetic Edda — The Poetic Edda. Oxford, 1969. B. I: Heroic Poems / Ed. with translation, introduction and commentary by Ursula Dronke.

ZDA — Zeitschrift für deutsches Altertum. Berlin.

Þíðreks s. — Þíðreks saga af Bern / H. Bertelsen // SUGNL. 1905–1911. B. XXXIV.

Qrvar-Odds s. — Qrvar-Odds saga / R. C. Boer. Leiden, 1888.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авдусин 1967 — *Авдусин Д. А.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленску 1100 лет. Смоленск, 1967.

Авдусин 1972 — *Авдусин Д. А.* Гнездово и днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972.

Алексеев 1966 — *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля в IX—XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии). М., 1966.

Алексеев 1975 — *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 202—239.

Алексеев 1977 — *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. 1977. № 1. С. 84—91.

Алексеев 1980 — *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.

Аннинский 1940 — *Аннинский С.* Письмо в редакцию. По поводу заметки А. Пьянкова «Одно забытое иностранное известие о рабстве в Киевской Руси» // Историк-марксист. 1940. № 8. С. 156—157.

Арциховский 1956 — *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // МИА. 1956. № 55.

Барсов 1865 — *Барсов Н. П.* Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1865. Т. I: Географический словарь русской земли (IX—XV ст.).

Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996. С. 35—40.

Бережков 1879 — *Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879.

Бернштам 1978 — *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

Богуславский 1993 — *Богуславский О. И.* Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX—XII вв. // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 132—157.

Бранденбург 1896 — *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896.

Браун 1889 — *Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1889. Т. I.

Брим 1931 — *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII серия. Отд-ние общ. наук. 1931. № 2. С. 201—247.

Брун 1880 — *Брун Ф. К.* Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Т. II.

Булкин 1973 — *Булкин В. А.* Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973.

Булкин 1977 — *Булкин В. А.* О появлении норманнов в Днепро-Двинском междуречье // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 101—104.

Булкин 1986 — *Булкин Вал. А.* Социальный заказ и церковное строительство на Руси // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Л., 1986. Вып. 3: Отечественное и зарубежное искусство XVIII века: Основные проблемы.

Булкин 1987 — *Булкин В. А.* Историко-географические данные к проблеме возникновения городов Днепро-Двинского междуречья // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. I. Вып. 2а. С. 34—42.

Булкин, Дубов, Лебедев 1978 — *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978.

Булкин, Лебедев 1974 — *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 11—17.

Веселовский 1887 — *Веселовский А. Н.* Киев — град Днепра // ЖМНП. 1887. Ч. ССLI. С. 294—301.

Витов 1964 — *Витов М. В.* Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера // История СССР. 1964. № 6.

Воронин 1947 — *Воронин Н. Н.* Муромская экспедиция // КСИИМК. 1947. Вып. 21. С. 136—139.

Воронин 1955 — *Воронин Н. Н.* Отчет Ростовского отряда среднерусской экспедиции 1955 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1, № 1109.

Воронин, Раппопорт 1967 — *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Смоленский детинец и его памятники // СА. 1967. № 3.

Воронин, Раппопорт 1979 — *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Древний Смоленск // СА. 1979. № 1.

Глазырина 1984а — *Глазырина Г. В.* Русский город в норвежской саге: К вопросу о достоверности исторических описаний в сагах // ДГ. 1982 г. М., 1984. С. 48—55.

Глазырина 1984б — Глазырина Г. В. *Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна»*: К истории Русского Севера // ДГ. 1983 г. М., 1984. С. 200–208.

Глазырина 1994 — Глазырина Г. В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейтуборга / Старой Ладogi скандинавам) // ДГ. 1991 г. М., 1994. С. 240–244.

Глазырина 1996 — Глазырина Г. В. *Исландские викингские саги о Северной Руси*. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996.

Глазырина, Джаксон 1986 — Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Из истории Старой Ладogi (на материалах скандинавских саг) // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 108–115.

Головко 1982 — Головко А. Б. *Земли Западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X — первой трети XII в.* // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. Минск, 1982.

Греков 1959 — Греков Б. Д. *Киевская Русь* // Греков Б. Д. *Избранные труды*. М., 1959. Т. II.

Грушевский 1911 — Грушевский М. С. *Киевская Русь*. СПб., 1911. Т. I.

Гуревич 1984 — Гуревич Е. А. *Древнескандинавская поэтическая синонимика: Традиция и ее ученое осмысление в XII–XIII вв.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Давидан 1986 — Давидан О. И. *Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII–IX веков* // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 99–105.

Даркевич 1973 — Даркевич В. П. *К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным)* // КСИИМК. 1973. Вып. 138.

Даркевич 1976 — Даркевич В. П. *Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья*. М., 1976.

Джаксон 1976 — Джаксон Т. Н. «Восточный путь» исландских королевских саг // *История СССР*. 1976. № 5. С. 164–170.

Джаксон 1978 — Джаксон Т. Н. *К методике анализа русских известий исландских королевских саг* // *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. М., 1978. С. 128–143.

Джаксон 1981 — Джаксон Т. Н. *Исландские королевские саги как источник по истории Восточной Прибалтики (VII–XII вв.)* // *Летописи и хроники*. 1980 г. М., 1981. С. 27–42.

Джаксон 1982 — Джаксон Т. Н. *Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримониальных связях* // *СС*. 1982. Вып. XXVII. С. 107–115.

Джаксон 1984 — Джаксон Т. Н. *О названии Руси Garðar* // *ScSl*. 1984. Т. 30. С. 133–143.

Джаксон 1985 — Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // ДГ. 1984 г. М., 1985. С. 212–228.

Джаксон 1986 — Джаксон Т. Н. *Sýrnes* и *Gaðar*: Загадки древнескандинавской топонимии Древней Руси // ScSl. 1986. Т. 32. С. 73–83.

Джаксон 1988 — Джаксон Т. Н. Древнескандинавская топонимия с корнем *aust-* // СС. 1988. Вып. XXXXI. С. 140–145.

Джаксон 1989 — Джаксон Т. Н. Север Восточной Европы в этногеографических традициях древнескандинавской письменности (к постановке проблемы) // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Л., 1989. С. 130–135.

Джаксон 1991а — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // ДГ. 1988–1989 гг. М., 1991. С. 5–169.

Джаксон 1991б — Джаксон Т. Н. *Palteskia ok þat ríki allt, er þar liggr til* // ScSl. 1991. Т. 37. С. 58–68.

Джаксон 1993 — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

Джаксон 1994а — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1994.

Джаксон 1994б — Джаксон Т. Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей: Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. 1994 г. М., 1994. С. 54–64.

Джаксон 1995 — Джаксон Т. Н. Древняя Русь в скандинавских письменных источниках IX–XIV вв.: Дис. в виде науч. докл. ... д-ра историч. наук. М., 1995.

Джаксон 1997а — Джаксон Т. Н. Восточная часть мира: ментальная карта средневекового скандинава // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 3. С. 62–66.

Джаксон 1997б — Джаксон Т. Н. Ладога саг в археологическом освещении // Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования. СПб., 1997. С. 61–64.

Джаксон 1998 — Джаксон Т. Н. Из Ладоги в Новгород: исландские саги о мире для проезда // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., 1998. С. 38–40.

Джаксон 1999 — Джаксон Т. Н. Исландские саги о роли Ладоги и Ладужской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 20–25.

Джаксон 2000а — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 2000.

Джаксон 2000б — Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М., 2000.

Джаксон, Молчанов 1986 — Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Из истории формирования древнескандинавской топонимии пути «из варяг в греки» // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986. С. 59–61.

Джаксон, Молчанов 1990 — Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. 1990. Вып. XXI. С. 226–238.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Дучиц 1988 — Дучиц Л. В. Городище Масковичи (к вопросу о порубежных пунктах Полоцкого княжества) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 1988. Вып. 2.

Дучиц, Мельникова 1981 — Дучиц Л. В., Мельникова Е. А. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) // ДГ. 1980 г. М., 1981. С. 185–216.

Загоскин 1910 — Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело допетровской Руси. Казань, 1910.

Заяц 1987 — Заяц Ю. А. Заславль X–XIV веков. Минск, 1987.

Ильина, Грахов 1980 — Ильина Д., Грахов А. Волхов. Л., 1980.

Итоги и задачи — Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981.

Йордаль 1968 — Йордаль К. Греческие заимствования в русском языке // ScSl. 1968. Т. 14.

Карамзин 1842 — Карамзин Н. М. История государства Российского. 5-е изд. В 3 кн. СПб., 1842. Кн. 1.

Кирпичников 1979 — Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Сб. науч. тр. Киев, 1979. С. 92–106.

Кирпичников 1988 — Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Т. 1: Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 38–79.

Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1980 — Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. 1980. Т. 160. С. 24–38.

Кирпичников, Рябинин, Петренко 1985 — *Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., Петренко В. П.* Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 48–51.

Кирпичников, Сарабьянов 1996 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.

Ключевский 1923 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М.; Пг., 1923. Т. 1.

Колесов 1980 — *Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Колчин, Янин 1982 — *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 3–137.

Кордт 1910 — *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910. Т. 2: Карты всей России и Западных ее областей до конца XVII в.

Кочин 1937 — *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937.

Куза 1975а — *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 144–201.

Куза 1975б — *Куза А. В.* Русские раннесредневековые города // Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975. С. 62–65.

Куза 1983 — *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 4–36.

Кузьмин 1989 — *Кузьмин С. Л.* Малые дома Старой Ладоги VIII–IX вв. (культурная принадлежность домостроительной традиции) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1989. С. 34–35.

Кузьмин, Мачинская 1989 — *Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д.* Культурная стратиграфия Ладоги VIII–X вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1989. С. 29–30.

Куник 1875 — *Куник А. А.* Русский источник о походе 1043 г. // Записки имп. Академии наук. 1875. Т. XXVI. Вып. 1.

Куник 1903 — *Куник А. А.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Т. II.

Куник, Розен 1878 — *Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Т. I.

Кучкин 1969 — *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X–XIII вв. (центры и границы) // История СССР. 1969. № 2.

Кучкин 1970 — *Кучкин В. А.* Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопросы географии. М., 1970. Т. 83.

Кучкин 1984 — Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

Лапшин 1981 — Лапшин В. А. Ранняя дата Владимирских курганов // КСИИМК. 1981. Вып. 166. С. 45—48.

Лебедев 1975 — Лебедев Г. С. Путь из варяг в греки // Вестн. ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1975. Вып. 4. № 20. С. 37—43.

Лебедев 1982 — Лебедев Г. С. Этапы развития русско-скандинавских отношений в IX—XI вв. // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Тарту, 1982. Ч. II. С. 188—190.

Лебедев 1985 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Леонтьев 1981 — Леонтьев А. Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // СС. 1981. Вып. XXVI. С. 141—149.

Леонтьев 1985 — Леонтьев А. Е. Ростов (предпосылки образования древнерусского города) // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 61—62.

Леонтьев 1986 — Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3—9.

Ловмянский 1985 — Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Любомиров 1923 — Любомиров П. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. (Преимущественно по данным о кладах восточных монет) // Ученые записки Саратовского университета. 1923. Ч. I. № 3.

Лявданский 1924 — Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды Смоленских государственных музеев. Смоленск, 1924. Вып. 1.

Ляпушкин 1971 — Ляпушкин И. И. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.

Лященко 1926 — Лященко А. И. «Eumundar saga» и русские летописи // Изв. АН СССР. VI серия. 1926. Т. 20, № 12. С. 1061—1086.

Мавродин 1946 — Мавродин В. В. Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства. М.; Л., 1946.

Мальм 1967 — Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Труды Государственного исторического музея. М., 1967. Вып. 43: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.

Матузова 1979 — Матузова В. И. Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

Мачинский 1982 — Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 7—24.

Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986 — Мачинский Д. А., Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII—X вв. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. I. С. 164—166.

Маштаков 1913 — Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна, с картой и алфавитным указателем. СПб., 1913.

Медведев 1963 — Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // МИА. 1963. № 117.

Мельникова 1974 — Мельникова Е. А. Сведения о Древней Руси в двух скандинавских рунических надписях // История СССР. 1974. № 6. С. 170—178.

Мельникова 1976 — Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // ДГ. 1975 г. М., 1976. С. 141—156.

Мельникова 1977а — Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977.

Мельникова 1977б — Мельникова Е. А. Восточноевропейские топонимы с корнем *garð-* в древнескандинавской письменности // СС. 1977. Вып. XXII. С. 199—210.

Мельникова 1978а — Мельникова Е. А. Географические представления древних скандинавов (к истории географической мысли в средневековой Европе) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 111—127.

Мельникова 1978б — Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. Сб. ст. М., 1978. С. 289—295.

Мельникова 1982 — Мельникова Е. А. Этнонимика севера европейской части СССР по древнескандинавской письменности и «Повести временных лет» // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 124—127.

Мельникова 1984а — Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // ДГ. 1982 г. М., 1984. С. 62—75.

Мельникова 1984б — Мельникова Е. А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Материалы научной конференции Новгород древний — Новгород социалистический: Археология, история, искусство, состоявшейся

13—15 октября 1982 г. и посвященной 50-летию археологических раскопок в Новгороде. Л., 1984. С. 128—129.

Мельникова 1986 — Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.

Мельникова 1988 — Мельникова Е. А. Скандинавия во внешней политике Древней Руси (до середины XI в.) // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 1988. С. 45—49.

Мельникова 1997 — Мельникова Е. А. Торговый мир Руси и Норвегии 1024—1028 гг. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы к конференции. М., 1997. С. 35—41.

Мельникова 1998 — Мельникова Е. А. Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V—XIV века. М., 1998.

Мельникова, Петрухин, Пушкина 1984 — Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы) // История СССР. 1984. № 3. С. 50—65.

Мельникова, Седова, Штыхов 1983 — Мельникова Е. А., Седова М. В., Штыхов Г. В. Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР // ДГ. 1981 г. М., 1983. С. 182—188.

Миккола 1908 — Миккола И. Ostrogard — Holmgardr // Сборник Историко-филологического общества Харьковского университета. 1908. Т. 15. С. 27—28.

Миллер 1761 — Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новгорода // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. Июль 1761 года.

Молчанов 1976 — Молчанов А. А. О социальной структуре Новгорода начала XI в. // Вест. Моск. ун-та. Сер. История. 1976. № 2. С. 92—94.

Молчанов 1996 — Молчанов А. А. Верительные знаки в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996. С. 32—35.

Мурзаев 1984 — Мурзаев Э. М. Словарь народных топонимических терминов. М., 1984.

Мурзакевич 1804 — Мурзакевич Н. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Смоленск, 1804. Кн. 5.

Назаренко 1979 — Назаренко В. А. Исторические судьбы Приладжья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь

(На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Сборник научных трудов. Киев, 1979. С. 106—114.

Назаренко 1984 — Назаренко А. В. О датировке Любечской битвы // *Летописи и хроники*. 1984 г. М., 1984. С. 13—19.

Насонов 1951 — Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951.

Насонов 1969 — Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.

Нерознак 1983 — Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983.

Никонов 1965 — Никонов В. А. Топонимия и формирование восточных славян // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965. С. 51—52.

Новосельцев, Пашуто 1967 — Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // *История СССР*. 1967. № 3. С. 81—108.

Носов 1976 — Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII — X в. // *ВИД*. 1976. Вып. VIII. С. 96—110.

Носов 1977 — Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тыс. н. э. Автореф. дис. ... канд.

Носов 1981 — Носов Е. Н. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н.э. // *КСИА*. 1981. Вып. 164. С. 18—24.

Носов 1982 — Носов Е. Н. Скандинавские древности на поселениях Поволховья // Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Тарту, 1982. Ч. I.

Носов 1984а — Носов Е. Н. Археологические памятники Новгородской земли VIII—X вв. // *Археологическое исследование Новгородской земли*. Л., 1984.

Носов 1984б — Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // *НИС*. 1984. Вып. 2 (12). С. 85—107.

Носов 1984в — Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа (К вопросу о возникновении Новгорода) // *Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева)*. Киев, 1984.

Носов 1984г — Носов Е. Н. Поселения IX—X вв. в окрестностях Новгорода // *Новгородский край*. Л., 1984. С. 123—127.

Носов 1995 — *Носов Е. Н.* Новгородский детинец и Городище (К вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. 1995. Вып. 5 (15). С. 5–17.

Носов 1997 — *Носов Е. Н.* Рюриково городище — Новгород — центр на перекрестке торговых путей // *Austrvegt*, Восточный путь: Журнал любителей старины. 1997. № 3. С. 13.

Носов 1998 — *Носов Е. Н.* Первые скандинавы в Северной Руси // *Викинги и славяне: Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях.* СПб., 1998. С. 56–82.

Пашуто 1968 — *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пашуто 1982 — *Пашуто В. Т.* По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» // *Вопросы истории.* 1982. № 9. С. 178.

Петренко 1985 — *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // *Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования.* Л., 1985. С. 81–116.

Петрухин 2000 — *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // *Из истории Русской культуры.* М., 2000. Т. I: Древняя Русь. С. 11–410.

Писарев 1894 — *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894.

Погодин 1914 — *Погодин А. Л.* Киевский Вышгород и Гардарики // *ИОРЯС.* 1914. Т. XIX. Кн. 1.

Подосинов 1999 — *Подосинов А. В.* *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Попов 1981 — *Попов А. И.* Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.

Потин 1968 — *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства. Л., 1968.

Пушкарева 1989 — *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.

Пушкина 1974 — *Пушкина Т. А.* Гнездовское поселение в истории смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Пушкина 1984 — *Пушкина Т. А.* Гнездовское поселение // *Археология и история Пскова и Псковской земли.* Псков, 1984. С. 46–48.

Пушкина 1988 — *Пушкина Т. А.* Скандинавские находки из окрестностей Мурома // *Проблемы изучения древнерусской культуры.* (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 162–169.

Развитие и преобразование географической среды (по материалам Новгородской области). Л., 1975. Вып. 1—2.

Раппопорт 1956 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.; Л., 1956.

Ржига 1932 — *Ржига В. Ф.* О тканях домонгольской Руси // *Vyzantinoslavica*. 1932. В. 4: 2. S. 399—417.

Рожднецкий 1911 — *Рожднецкий С.* Из истории Киева и Днепра в бывшем эпосе // *ИОРЯС*. 1911. Т. XVI. Кн. 1. С. 28—76.

Роспонт 1972 — *Роспонт С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // *Восточно-славянская ономастика*. М., 1972. С. 9—89.

Русинов 1976 — *Русинов Н. Д.* Гардарик и Господин Великий Новгород // *Русская речь*. 1976. № 5. С. 109—110.

Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути // *История культуры Древней Руси*. М.; Л., 1948. Т. I. С. 346—349.

Рыбина 1978а — *Рыбина Е. А.* Повесть о новгородском посаднике Добрыне // *Археографический ежегодник за 1977 год*. М., 1978. С. 79—85.

Рыбина 1978б — *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978.

Рыбина 1986 — *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986.

Рыдзевская 1922 — *Рыдзевская Е. А.* Холм в Новгороде и древнесеверный *Holmgarðr* // *ИРАИМК*. 1922. Т. II. С. 105—112.

Рыдзевская 1924 — *Рыдзевская Е. А.* О названии Руси *Garðaríki* (ок. 1924 г.) // *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978. С. 143—151.

Рыдзевская 1935 — *Рыдзевская Е. А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюгтвасоне // *ТОДРЛ*. 1935. Т. II: 8. С. 5—20.

Рыдзевская 1945 — *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // *КСИИМК*. 1945. Вып. 2. С. 51—65.

Рыдзевская 1970 — *Рыдзевская Е. А.* Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе // *Исторические связи Скандинавии и России*. IX—XX вв. Л., 1970. С. 323—330.

Рыдзевская 1978а — *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978.

Рыдзевская 1978б — *Рыдзевская Е. А.* К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978. С. 159—236.

Рябинин 1980 — *Рябинин Е. А.* Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // *СС*. 1980. Вып. XXV. С. 161—177.

Сапунов 1893 — Сапунов А. П. Река Западная Двина (историко-географический очерк). Витебск, 1893.

Сапунов 1916 — Сапунов А. П. Сказания исландских, или скандинавских саг о Полоцке, князьях полоцких и р. Западной Двине // Полоцко-витебская старина. Витебск, 1916. Т. IV. Вып. 3. С. 1—33.

Сванидзе 1984 — Сванидзе А. А. Зависимое крестьянство Швеции до конца классического средневековья // Вопросы истории. 1984. № 2.

Свердлов 1973 — Свердлов М. Б. Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX—XI вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., 1973. С. 39—58.

Свердлов 1974 — Свердлов М. Б. Скандинавы на Руси в XI в. // СС. 1974. Вып. XIX. С. 55—68.

Свердлов 1988 — Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1988.

Свердлов 1989 — Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия: IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989.

Свердлов, Щапов 1982 — Свердлов М. Б., Щапов Я. Н. Последствия неверного подхода к исследованию важной темы // История СССР. 1982. № 5. С. 183—184.

Седов 1976 — Седов В. В. Путь «из варяг в греки» // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Л., 1976. Ч. I. С. 134—136.

Седов 1982 — Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Седова 1979 — Седова М. В. Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1979. Ч. I. С. 179—181.

Седова 1985 — Седова М. В. Древнерусский город Суздаль в X—XIII вв. (топография, застройка) // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 67—68.

Семенов 1868 — Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1868. Т. IV.

Сементовский 1890 — Сементовский А. М. Белорусские древности. СПб., 1890. Т. I.

Семенчук 1994 — Семенчук Г. Н. Формирование территории Полоцкой земли в IX—XI вв. (этапы, общее и особенное) //

Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 35–37.

Сизов 1902 — Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии // МАР. 1902. № 28, вып. 1.

Смирницкий 1961 — Смирницкий А. И. Фонетика древнеисландского языка. М., 1961.

Соловьев 1988 — Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Т. I: История России с древнейших времен. Кн. 1.

Сорокин 1993 — Сорокин П. Е. К вопросу о сообщении Новгорода с Балтийским регионом в средневековье // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1993. С. 110–115.

Спицын 1905 — Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15.

Срезневский 1958 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. I.

Ставиский 1987 — Ставиский В. И. Полоцкие князья в системе организации власти над Русской землей в XI веке // К 1125-летию Полоцка. Конференция История и археология Полоцка и Полоцкой земли. Полоцк, 1987. С. 57–58.

Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л., 1986.

Старчевский 1899 — Старчевский А. В. Словарь древнего славянского языка. СПб., 1899.

Стеблин-Каменский 1953 — Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953.

Стеблин-Каменский 1970 — Стеблин-Каменский М. И. Снорри Стурлусон и его Эдда // Младшая Эдда / Издание подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 183–219.

Тарасаў 1988 — Тарасаў С. Вялікі пасад у Полацку // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1988. № 4.

Тарасов 1987 — Тарасов С. В. Историческая топография древнего Полоцка (новые данные) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1987. С. 33–35.

Тарасов 1989 — Тарасов С. В. Из истории Полоцкой земли // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1989.

Татищев 1962 — Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1.

Татищев 1963 — Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2.

Тиандер 1906 — Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Тихомиров 1956 — Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

Толочко 1989 — Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.

Толочко 1999 — Толочко П. П. Ладога и ее округа в первые века русской истории // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 216–220.

Томсен 1891 — Томсен В. Начало русского государства // ЧОИДР. 1891. Т. 1.

Топоров и Трубачев 1962 — Топоров В. Н. и Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Третьяков 1952 — Третьяков П. Н. Древлянские грады // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952. С. 64–68.

Трубачев 1988 — Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян (дальнейшее продолжение) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 18–25 сентября 1985 г. Киев, 1988. Вып. 4: 1. С. 216–223.

Успенский 1997а — Успенский Ф. Б. Асгард, Мидгард и Утгард в контексте древнескандинавской топонимии Восточной Европы (этиод об эвгемеристической интерпретации некоторых мифологических объектов у Снорри Стурлусона) // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 1997. Вып. III. С. 51–67.

Успенский 1997б — Успенский Ф. Б. «Греческое» и «русское» в исландских сагах (К вопросу о варьировании отэтнонимического прилагательного) // Балканские чтения 4, Тезисы и материалы: ГРЕЦИЯ-ДРЕВНЯЯ-СРЕДНЯЯ-НОВАЯ. М., 1997. С. 61–63.

Ушинкас 1987 — Ушинкас В. О древнем Браславе // К 1125-летию Полоцка. Конференция История и археология Полоцка и Полоцкой земли. Полоцк, 1987. С. 71–72.

Фасмер 1986 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. I–II.

Фасмер 1987 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1987. Т. III–IV.

фон Фиркс 1982 — фон Фиркс И. Суда викингов / Пер. с нем. Л., 1982.

Фроянов 1980 — Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Хабургаев 1979 — Хабургаев Г. А. Этнонимия Повести временных лет. М., 1979.

Хорошев 1983 — *Хорошев А. С.* Происхождение Новгорода в отечественной историографии // Вест. Моск. ун-та. Сер. История. 1983. № 6.

Шанский 1972 — *Шанский Н. М. (ред.)* Этимологический словарь русского языка. М., 1972. Т. I. Ч. 4.

Шаскольский 1970 — *Шаскольский И. П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Сб. ст. Л., 1970. С. 3—63.

Шафарик 1848 — *Шафарик П. И.* Славянские древности. М., 1848. Т. II. Ч. 1.

Шрамм 1997 — *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.

Штыхов 1973 — *Штыхов Г. В.* К вопросу о пребывании норманнов в Полоцке // Тезисы докладов шестой Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Таллинн, 1973. Ч. I. С. 112—113.

Штыхов 1975 — *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975.

Штыхов 1982 — *Штыхов Г. В.* Киев и города Полоцкой земли // Киев и западные земли Руси в IX—XIII вв. Минск, 1982. С. 45—80.

Экземплярский 1891 — *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II.

Якобссон 1983 — *Якобссон Г.* Варяги и Путь из Варяг в Греки // ScSl. 1983. Т. 29. С. 117—134.

Янин 1956 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

Янин 1977 — *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 218—219.

Янин 1982а — *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. 1982. Вып. 1 (11). С. 79—95.

Янин 1982б — *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138—155.

Янин, Алешковский 1971 — *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32—61.

Янин, Рыбина 1983 — *Янин В. Л., Рыбина Е. А.* Открытие древнего Новгорода // Путешествия в древность. М., 1983.

Alexander Jóhannesson 1956 — *Alexander Jóhannesson*. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1956.

Andersson 1985 — *Andersson Th. M. Kings' Sagas (Konungasögur)* // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / Ed. by C. J. Clover and J. Lindow (Islandica. XLV). Ithaca and London, 1985. P. 197–238.

Ásgeir Blöndal Magnússon 1989 — *Ásgeir Blöndal Magnússon*. Íslensk orðsifjabók. Reykjavík, 1989.

Baetke 1987 — *Baetke W.* Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur. 4. Aufl. Berlin, 1987.

Cleasby and Gudbrandr Vigfusson 1957 — *Cleasby R. and Gudbrandr Vigfusson*. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.

Ellis Davidson 1979 — *Ellis Davidson H.R.* The Viking Road to Byzantium. London, 1976.

Faulkes 1984 — *Faulkes A.* Descent from the Gods // SS. 56: 2 (1984). P. 92–125.

Gejer 1938 — *Gejer A.* Birka, 3: Die Textilfund aus den Gräbern. Uppsala, 1938.

Goetz 1922 — *Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte der Mittelalters. Lübeck, 1922.

Hastrup 1985 — *Hastrup K.* Culture and History in Medieval Iceland: An Anthropological Analysis of Structure and Change. Oxford, 1985.

Heinzel 1887 — *Heinzel R.* Über die Hervararsaga. Wien, 1887.

Heller 1978 — *Heller R.* Sturla Þórðarson und die Isländersagas: Überlegungen zu einer wichtigen Frage in der Sagaforschung // ANF. 1978. B. 93. S. 138–144.

Hesselman 1925 — *Hesselman B.* Kritiska småbidrag till fornisländsk ordhistoria // Göteborgs Högskolas Årsskrift. B. XXXI: 2 (1925). S. 105–111.

Holmberg 1976 — *Holmberg M.-L.* Om Finland och övriga finnländer i den isländska fornlitteraturen // ANF. 1976. B. 91. S. 166–191.

Holthausen 1968 — *Holthausen F.* Wörterbuch des Altwestnordischen, Altnorwegisch-isländischen, einschließlich der Lehn- und Fremdwörter sowie der Eigennamen. Göttingen, 1948.

Jackson 1992 — *Jackson T. N.* Location of Bjarmaland // Suomen varhishistoria. Tornion kongressi 14.–16.6.1991 / Kyösti Julku (Studia historica septentrionalia, 21). Rovaniemi, 1992. S. 122–130.

Jackson 1993 — *Jackson T. N.* The North of Eastern Europe in Early Nordic Texts: the Study of Place-Names // ANF. B. 108 (1993). S. 38–45.

Jackson 1996 — *Jackson T. N.* Svíþjóð in mikla eða kalda (Sweden the Great or Cold) // Berkovsbók. Moscow, 1996. P. 107–114.

Jackson and Podossinov 1997 — *Jackson T. N. and Podossinov A. V.* Norway in Old Norse Literature: Some Considerations on the

Specific Character of Scandinavia Spatial Orientation // *Skandinavistik*. 27: 2 (1997). P. 85–97.

Jahnkuhn 1963 — *Jahnkuhn H.* Haithabu: Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neu-münster, 1963.

Jensen 1981 — *Jensen J.* Et rigdomscenter fra yngre bronzealder på Sjælland // *Aarbøger*. 1981. S. 48–96.

Kleiber 1957 — *Kleiber B.* Zu einigen Ortsnamen aus Gardaríke // *ScSl*. 1957. T. 3. S. 215–223.

Kleiber 1965 — *Kleiber B.* Alstadstenen i lyset av nye utgravninger ved Kiev // *Viking*. 1965. B. 29. S. 61–75.

Krag 1971 — *Krag C.* Landskapsnavn på -land och -rike // *NHT*. B. 50: 4 (1971). S. 341–354.

Krag 1991 — *Krag C.* Ynglingatal og Ynglingasaga: En studie i historiske kilder. Oslo, 1991.

Lebedev 1980 — *Lebedev G. S.* On the Early Date of the Way 'from the Varangians to the Greeks' // *Fenno-ugri et slavi*, 1978. Helsinki, 1980. P. 90–101.

Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / M. Kazanski, A. Narcessian, C. Zuckerman // *Réalités Byzantines*. Paris, 2000. T. 7.

Lewis 1958 — *Lewis A. R.* The Northern Seas: Shipping and Commerce in Northern Europe A. D. 300–1100. Princeton, 1958.

Łowmiański 1957 — *Łowmiański H.* Zagadnienie roli Normanów w genezie państw Słowiańskich. Warszawa, 1957.

Melnikova 1996 — *Melnikova E. A.* The Eastern World of the Vikings: Eight Essays about Scandinavia and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Göteborg, 1996.

Melnikova 1997 — *Melnikova E. A.* Þar var eigi kaupfríðr í milli Svens ok Jarizlefs: A Russian-Norwegian trade treaty concluded in 1024–1028? // *Archiv und Geschichte im Ostsee-raum: Festschrift für Sten Körner*. Kiel, 1997. S. 15–24.

Metzenthin 1941 — *Metzenthin E. M.* Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941.

Mikkola 1906 — *Mikkola J. J.* Ladoga, Laatokka // *Journal de la Société Finno-ougrienne*. T. XXIII: 23 (1906). P. 1–12.

Mikkola 1907 — *Mikkola J. J.* Om några ortnamn i Gardaríke // *ANF*. B. XXIII: 3 (1907). S. 279–281.

Müllenhoff 1860 — *Müllenhoff K.* Zeugnisse und Excursus zur Deutschen Heldensaga // *ZDA*. 1860. B. 12: 1–2.

Munch 1874 — *Munch P. A.* Om Nordboernes Forbindelser med Rusland og tilgrænsende Lande // *Munch P. A.* Samlede Afhandlinger. Christiania, 1874. B. II. S. 184–274.

Nordal 1914 — *Nordal S.* Sagalitteraturen // *Nordisk kultur*. Stockholm; Oslo; Copenhagen, 1953. B. VIII: Litteraturshistorie. B: Norge og Island. S. 180–273.

Pritsak 1981 — *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Cambridge, Mass. 1981. Vol. I: Old Scandinavian Sources other than the Sagas.

Rospond 1969 — *Rospond S.* Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -bisk-. Wrocław, 1969.

Schramm 1982 — *Schramm G.* Normannische Stützpunkte in Nordwestrussland: Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // Beiträge zur Namenforschung. 1982. N.F. B. 17: 3. S. 273–290.

Schramm 1984 — *Schramm G.* Die normannischen Namen für KIEV und NOVGOROD // *Russia Mediaevalis*. 1984. B. V: 1. S. 77–87.

Schramm 1986 — *Schramm G.* Sechs varägische Probleme // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. B. 34: 3. S. 363–373.

Schramm 1998 — *Schramm G.* Wanderwege des Hunnenschlachtstoffes und das Schicksal seiner osteuropäischen Szenerie // *Skandinavistik*. 1998. B. 28: 2. S. 118–138.

Simek 1996 — *Simek R.* Heaven and Earth in the Middle Ages: The Physical World before Columbus. Woodbridge, 1996.

Stalsberg 1982 — *Stalsberg A.* Scandinavian Relations with Northwestern Russia during the Viking Age: The Archaeological Evidence // *Journal of Baltic Studies*. 1982. Vol. XIII: 3. P. 267–295.

Stender-Petersen 1934 — *Stender-Petersen A.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik // *Acta Jutlandica*. 1934. B. 6.

Stender-Petersen 1946 — *Stender-Petersen A.* Études varègues, V: La théorie de l'origine varègue de la byline Russe // *Classica et Mediaevalia*. T. 8: 1 (1946). P. 132–133.

Svahnström 1981 — *Svahnström G.* Gotland zwischen Ost und West // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal, 20–22 avril 1979*. Uppsala, 1981.

Thomsen 1879 — *Thomsen W.* Der Ursprung des Russischen Staates. Gotha, 1879.

Thomsen 1919 — *Thomsen W.* Samlede Afhandlinger. København, 1919. B. 1.

Thrane 1976 — *Thrane H.* Lusehøj ved Voldtofte // *Fynske minder*. 1976. S. 17–32.

Uino 1989 — *Uino P.* On the History of Staraja Lado-ga // *Acta Archaeologica*. København, 1989. B. 59 (1988). S. 205–222.

de Vries 1961 — *de Vries J.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961.

de Vries 1964 — *de Vries J.* Altnordische Literaturgeschichte. Berlin, 1964. B. I.

de Vries 1967 — *de Vries J.* Altnordische Literaturgeschichte. Berlin, 1967. B. II.

Этногеографический указатель¹

- Aðalsýsla *см.* Ляэнемаа
Aldeigja *см.* Ладога
Aldeigjuborg *см.* Ладога
Asia *см.* Азия
Austmarr *см.* Балтийское море
Austrhálfа *см.* Восточная часть мира
Austrlǫnd *см.* Восточные земли
Austrríki *см.* Восточное государство
Austrvegir *см.* Восточные пути
Austrvegr *см.* Восточный путь
Álaborg *см.* Алаборг
Áluborg *см.* Алаборг
Bíarmia *см.* Бьярмаланд
Bjarmaland *см.* Бьярмаланд
Bjarmar *см.* Бьярмы
Bjarnskar kindir *см.* Бьярмы
Borgundarhólmr *см.* Борнхольм
Bretland *см.* Уэльс
Chun(i)gard *см.* Киев
Cönogardia *см.* Киев
Danmǫrk *см.* Дания
Danparstaðir *см.* Данпарстадир
Danaper *см.* Днепр
Danpr *см.* Днепр
Domesnes *см.* Колкасрагс

¹ Принятые сокращения: наг. — нагорье, о. — остров, о-ва — острова, оз. — озеро, п-ов — полуостров, р. — река, ф. — фьрд, * перед названием — реконструированное имя, курсив — буквальный перевод или транскрипция древнескандинавского имени.

- Drafn *см.* Дрёвн
Dröfn *см.* Дрёвн
Dröfn *см.* Дрёвн
Dun *см.* Дон
Duná *см.* Западная Двина
Dúna *см.* Западная Двина
Dúna *см.* Западная Двина
Eistland *см.* Земля эстов
Eistr *см.* Эсты
England *см.* Англия
Ermland *см.* Вармия
Eyland *см.* Эланд
Eystland *см.* Земля эстов
Eustrasalt *см.* Балтийское море
Eysýsla *см.* Сааремаа
Finmland *см.* Земля финнов
Gaðar *см.* Гадаp
Gandvík *см.* Белое море
Garðar *см.* Древняя Русь
Garðaríki *см.* Древняя Русь
Garðaveldi *см.* Древняя Русь
Garðr *см.* Константинополь
Gerseka-borg *см.* Герсике
Gotland *см.* Готланд
Grikkir *см.* Греки
Grímsbær *см.* Гримсби
Holmegarder *см.* Новгород
Holmgardia *см.* Новгород
Hólmgarðr *см.* Новгород
Hólmgarðar *см.* Новгородская земля
Hólmgarðaborg *см.* Новгород
Hólmshaf (?) *см.* Финский залив
Jórvík *см.* Йорвик
Kiriálaland *см.* Карелия
Kiriálar *см.* Карелы
Kiænugarðar *см.* Киевская земля
Kuma *см.* Кама
Kúrir *см.* Курши

- Kúrland *см.* Земля куршей
Kylfingaland *см.* Древняя Русь
Kænugarðr *см.* Киев
Kœnugarðr *см.* Киев
Lifland *см.* Земля ливов
Lundún *см.* Лондон
Miklagarðr *см.* Константинополь
Móramar *см.* Муром
Negr *см.* Днепр
Nógarðar *см.* Новгород
Norðimbraland *см.* Нортумбрия
Norðr(h)álfa *см.* Северная часть мира
Norðrlönd *см.* Северные страны
*Norðvegr *см.* Северный путь
Nóregr *см.* Норвегия
Nyia *см.* Нева
Olga *см.* Волга
Olhava *см.* Волхов
Olkoga *см.* Волга
Pal(l)teskja *см.* Полоцк
Pal(l)teskjuborg *см.* Полоцк
Púlinaland *см.* Польша
Rafali *см.* Ревалы
Ráðstofa *см.* Ростов
Refaland *см.* Земля ревалов
Refalir *см.* Ревалы
Rostofa *см.* Ростов
Runö *см.* Рухну
Rusia *см.* Древняя Русь
Rússaland *см.* Древняя Русь
Rússía *см.* Древняя Русь
Ruzcia *см.* Древняя Русь
Samland *см.* Самбия
Saхар *см.* Саксы
Scythia *см.* Скифия
Smalenzkia *см.* Смоленск
Smaleskja *см.* Смоленск
Suðr(h)álfa *см.* Южная часть мира

- Suðrdalarníki см. Суздальская земля
Suðrlönd см. Южные земли
Suðríki см. Южное государство
Suðrvegur см. Южные пути
Súrdalur см. Суздальская земля
Súrsdalr см. Суздаль
Súrtsdalar см. Суздальская земля
Svartahaf см. Черное море
Svíþjóð см. Швеция
Svíþjóð hin mikla eða hin kalda см. Свитьюд Великая, или Холодная
Syðridalarníki см. Суздальская земля
Syrgisdalur см. Суздальская земля
Sýtnes см. Сюрнес
Sýsla см. Сааремаа
Sæmgallir см. Земгалы
Tafeistaland см. Земля тавастов
Vestr(h)álfa см. Западная часть мира
Vestrlönd см. Западные земли
Vesturvegur см. Западные пути
Vinacestr см. Уинчестер
Vinöland см. Земля вендов
Vinðr см. Венды
Vindøy см. Вентспилс или Вента
Virland см. Вирумаа
Vitahólmr см. Витичев
Vína см. Северная Двина
Vínunynni см. Устье Вины
Vínuskógr см. Винский лес

Агдер 95

Агдир см. Агдер

Адальсюсла см. Ляэнемаа

Азия 16, 48

Алаборг 34, 35, 61, 77–79, 81

Альдейгьюборг см. Ладога

Альдейгья см. Ладога

- Англия 18, 50, 98, 146, 157
Англосаксы 66
Арабский халифат 100
Атлантика 18, 19
Аустрвег см. Восточный путь
Аустрлёнд см. Восточные Земли
Африка 16, 18
Балтийское море 19, 25, 29, 34, 43, 81, 87, 97, 99, 113, 121, 147
Балтика см. Балтийское море
Балтия см. Восточная Прибалтика
Белое море 21, 25, 28, 33, 37, 145, 147, 148
Беломорье 11, 18, 145–148, 155
Белоозеро 78, 79, 124, 147
Берген 87
Борнхольм, о. 19
Браслав Завилейский 138, 139
Браславские озера 139, 140
Бретланд см. Уэльс
Буг, р. 75
Бужск 75
Булгар 98
Бьярмаланд 18, 20, 21, 28, 30, 33, 37, 142, 144–148
Бьярмия см. Бьярмаланд
Бьярмийцы см. Бьярмы
Бьярмы 20, 27, 28, 33, 37, 147, 148
Валланд см. Франция
Валя, р. 81
Вармия 31–34, 153
Варяжская улица (в Старой Ладогe) 108, 114
Великая, р. 129
Великий Новгород см. Новгород
Великий Устюг 145
Вендланд см. Земля вендов
Венды 47
Вента, р. 71
Вентспилс 71
Вепсовская возвышенность 79
Видлица, р. 81

- Византия 24, 40, 45, 70, 71, 98, 104
Вина см. Северная Двина
Виндава см. Вентспилс
Винский лес 33
Вирланд см. Вирумаа
Вирумаа 25, 30, 33, 34, 153
Витебск 74
Витичев 87
Витланд 153
Витьба, р. 74
Владимир 150
Владими́ро-Суздальская земля 79, 142, 143, 145, 147
Владими́ро-Суздальская Русь см. Влади́миро-Суздальская земля
Внешняя Русь см. Древняя Русь
Волга, р. 31, 32, 35, 61, 81
Волго-Окское междуречье 68, 144, 155
Воложба, р. 81
Волхов, р. 27, 28, 52, 57, 59, 61, 80, 84, 86, 87, 91, 92, 106, 113, 114, 121, 146
Восточная Европа 19, 21, 23–25, 30, 37, 39, 43, 48, 50, 56, 57, 70, 90, 140, 141, 150, 157, 158
Восточная область см. Восточная часть мира
Восточная Прибалтика 11, 14, 20, 28, 33–35, 40, 48, 100
Восточная часть мира 15, 17, 19, 20, 21, 42, 158
Восточная четверть см. Восточная часть мира
Восточно-Европейская равнина 28, 37
Восточное государство 17, 42, 45, 48, 52, 96, 103, 118
Восточные земли 17, 42, 43, 45, 47, 48
Восточные пути 42, 43, 45, 46
Восточный путь 11, 14, 17, 39, 42, 43, 45–48, 52, 94–96, 103, 108, 110, 117, 140, 157
Гадар 61, 69, 70, 72, 150
Гард см. Миклагард
Гардавельди см. Древняя Русь
Гардарики см. Древняя Русь
Гарды см. Древняя Русь
Гастингс 62
Германия 19, 98

- Герсике 71, 140
Гибралтарский пролив 15
Гнездово 31, 32, 35, 73–76
Городец 70
Городище (на р. Волхов) 58, 59, 121
Городище (на р. Сясь) 78–81
Гостиннопольские пороги 114
Готланд, о. 19, 71, 95, 99, 100, 102, 104, 121
Готы 82
Греки 96, 98
Греция 41, 102
Гримсби 62, 157
Гунны 66
Дазё см. Хийумаа
Дания 18, 19, 47, 48, 71, 103
Данмарк см. Дания
Данпарстадир 34, 35, 61, 81, 82
Даны 47
Даугава см. Западная Двина
Двинск 138
Дерьбо, оз. 139
Десна, р. 28
Днепр, р. 21, 28, 31, 32, 35, 61, 71, 72, 74, 76, 82, 129, 136, 138
Днепро-Двинское междуречье 32, 70
Дон, р. 16, 28, 32, 35, 138
Дравн см. Дрёвн
Драммен, ф. 137
Драмсэльв, р. 137
Древнерусское государство см. Древняя Русь
Древняя Русь 9, 11–14, 19–21, 24, 27–37, 39, 41, 45, 46, 49–57, 59, 62–64, 66, 68–71, 76, 83, 87–89, 93–95, 97–103, 105, 108, 110, 112, 115–121, 126, 127, 129–131, 136, 138, 141, 144, 146, 150, 152, 153, 157, 158
Дрёвн, р. 32, 36, 71, 136–139
Дривяты, оз. 138
Дрисвяты, оз. 138
Дрисса, р. 129
Друйка, р. 139

- Друя, р. 136
Дублин 98
Дюна см. Западная Двина
Европа 16, 95, 104, 130, 131
Емтланд 87, 115
Заволочье 145, 146, 148
Заонежье 146
Западная Двина, р. 25, 28, 31, 32, 34, 61, 71, 129, 134, 135, 137, 139, 140
Западная Европа 63, 70, 93, 105
Западная часть мира 17
Западные земли 17
Западные пути 17, 42
Зеландия, о. 19
Земгалы 25, 34, 71
Земля вендов 19
Земля куршей 14, 19, 29, 30, 32–34, 47, 71, 153, 157
Земля ливов 25, 30, 33, 34, 71, 153
Земля ревалов 33, 35, 153
Земля тавастов 27, 31, 35
Земля финнов 19, 25, 27, 31, 35, 47, 157
Земля эстов 14, 19, 29, 31, 33, 35, 47, 153, 157
Иерусалим 21, 63, 94, 142, 144
Ильмень, оз. 54, 84, 86, 92, 146
Ингельгейм 24
Ирланд см. Ирландия
Ирландия 18
Исландия 18, 54
Исландцы 20, 22, 51, 69, 136, 141, 149, 150, 158
Испания 18
Италия 43
Йорвик 157
Йорк 62
Йорсалаборг см. Иерусалим
Йорсалаланд см. Палестина
Йорсалахейм см. Палестина
Йорсалир см. Иерусалим
Кама, р. 31, 32, 36

- Карелия 14, 19, 29, 30, 33, 34, 47, 153, 157
Карело-финны 48
Карелы 30, 34
Каспля, р. 71
Касталабрюггья 62
Кентербери 62
Кенугард см. Киев
Кёнугарды см. Киевская земля
Кирьялаланд см. Карелия
Киев 19, 21, 30–33, 36, 37, 55, 61, 64–72, 75, 81, 82, 90, 111, 117, 126–130, 136, 140, 150, 153
Киевская земля 127, 129, 131, 144
Кизнугарды см. Киевская земля
Колкасагс 27, 34, 71
Кольивань см. Ревель
Константинополь 19, 21, 45, 53, 55, 65, 71, 90, 102, 136
Курланд см. Земля куршей
Курши 29, 34, 47, 48, 71
Куры см. Курши
Кьёлъ см. Хьёлен
Кьевь см. Киев
*Кьян(ов)ъ-городъ см. Киев
Кэнугард см. Киев
Ладога 14, 19, 21, 27–29, 31–33, 36, 37, 56, 57, 59, 61, 63, 64, 74, 78–81, 84, 87, 93, 105–116, 118–121, 140, 158
Ладога, р. см. Ладожка
Ладожка, р. 74, 106–108
Ладожская волость 109–112, 114, 115, 121
Ладожская область см. Ладожская волость
Ладожское озеро 78, 79, 81, 87, 106
Лангбардаланд 43
Ланланд 153
Латвия 71
Ледовитый океан 25, 145
Ливланд см. Земля ливов
Ливы 71
Листвен 117
Литовское государство 24

- Ловать, р. 61, 129
Лондон 62, 157
Лоппотти 78
Любек 102
Любша 58, 59, 121
Ляэнемаа 27, 29, 30, 34
Маланген, ф. 147
Малангр см. Маланген
Масковичи *см.* Масковичское городище
Масковичское городище 139
Меларен, оз. 147
Миклагард см. Константинополь
Монастырь, о. 140
Морамар см. Муром
Муром 31, 33, 36, 61, 68–70, 77, 90, 150, 152, 153
Нарва, р. 129
Нева, р. 31, 36, 87
Немцы 66
Непр см. Днепр
Нёрвасунд см. Гибралтарский пролив
Нидарос см. Тронхейм
Новгород 14, 19, 21, 27–29, 31–34, 36, 37, 45, 52–55, 57, 61, 63–66, 69, 70, 72, 75, 79, 83–97, 99–104, 109–111, 113–121, 126, 127, 129, 130, 140, 143, 144, 146, 148–150, 152, 153, 158
Новгородская земля 20, 21, 57, 78, 79, 121, 127, 129, 131, 142, 144, 146
Новгородское княжество *см.* Новгородская земля
Новые Дубовики 58, 59, 121
Новято, оз. 138
Ногардар см. Новгород
Норвегия 9, 17–21, 42, 43, 45, 54, 79, 95, 97, 104, 115, 117, 118, 149, 150
Норвежцы 13, 45, 97, 103, 110–112, 116, 117, 119, 146
Нордманны см. Норвежцы
Норег см. Норвегия
Нортумбрия 95, 157
Ока, р. 28, 61
Олонец 78, 79

- Ольборг 78
Онега, р. 146
Онежское озеро 78
Орда 149
Оркнейские о-ва 18
Осло 93
Палестина 15, 21, 136
Пал(л)тескьюборг см. Полоцк
Пал(л)тескья см. Полоцк
Переяславль Залесский 149, 150
Перынь 58, 92
Пина, р. 75
Пинск 75
Поволжье 81
Поволховье 79
Подвинье 43, 145, 146, 148
Пола, р. 57
Полота, р. 74, 75, 124, 129, 133, 134
Полотчина см. Полоцкая земля
Полоцк 19, 21, 30, 31, 33, 36, 61, 68–72, 74, 75, 90, 111, 123–140, 150, 153
Полоцкая земля 68, 125–128, 130, 138, 140
Полоцкое княжество см. Полоцкая земля
Польша 19, 153
Поморье см. Беломорье
Приильменье 59, 86, 91
Псков 57, 74, 149
Пскова, р. 74
Пулиналанд см. Польша
Пчевские пороги 114
Радстова см. Ростов
Равесталанд 153
Реваланд см. Земля ревалов
Ревалы 30, 35
Ревель 21, 102, 149
Рига 102
Рижский залив 71
Рим 18

- Россия 78, 145
Ростов 31, 33, 36, 61, 68–70, 75, 77, 124, 143, 150, 152, 153
Ростова см. Ростов
Ростово-Суздальская земля 68
Ростовская земля 79, 142, 143
Росы 24
Рюриково городище 36, 58, 59, 91, 92
Руссия см. Древняя Русь
Русция см. Древняя Русь
Русь см. Древняя Русь
Рухну, о. 27, 35, 71
Сааремаа, о. 19, 21, 27, 29, 30, 35, 71
Саксланд см. Саксония
Саксония 18, 130
Саксы 47
Самбия 31–33, 35
Сарай 149
Сарское городище 77
Саутуорк 62
Свартахав см. Черное море
Свеи см. Шведы
Свенские люди см. Шведы
Свинец, р. 74, 76
*Свинеческъ см. Гнездово
*Свинечск см. Гнездово
Свитьод см. Швеция
Свитьод Великая, или Холодная 16, 31, 131, 154
Север Русский 28, 30, 32, 37
Северная Двина, р. 25, 28, 30, 32, 33, 37, 41, 43, 71, 145, 146
Северная Европа 13, 19, 70, 107
Северная область см. Северная часть мира
Северная Русь 75, 92, 131
Северная часть мира 17, 20
Северные пути 42
Северные страны 17
Северный путь 17, 42
Северо-Восточная Русь 77, 144, 148, 150, 155
Сёдерманланд 41, 43, 83

- Сигтуна 102
Сифия см. Скифия
Сицилия 132
Скандинавия 9, 12—14, 21, 37, 40, 43, 59, 62, 63, 67, 76, 87, 93, 98, 100, 102, 104, 110, 112—114, 121, 140, 152, 154, 157
Скандинавские страны 43, 93, 104
Скандинавский п-ов 43, 51, 98
Скарборо 62
Скифия 31, 131
Шотландия см. Шотландия
Славенский конец (средневекового Новгорода) 89—92
Славна см. Славенский конец
Случск 75
Случь, р. 75
Смалескья см. Смоленск
Смоленск 31—33, 36, 61, 72—76, 124, 128, 130, 131
Смольня, р. 75
Средиземное море 15
Среднее Поднепровье 82
Стамфордбридж 62
Старая Ладога см. Ладога
Стиклестади 118
Судрдаларики см. Суздальская земля
Суздаль 31, 33, 36, 61, 68—70, 77, 90, 141—143, 146, 147, 149, 150, 152—155
Суздальская земля 20, 21, 30, 31, 36, 68, 69, 141—148, 153—155
Суздальское княжество см. Суздальская земля
Суздальщина см. Суздальская земля
Сурдалар см. Суздальская земля
Сюрнес 61, 69, 70, 72, 75, 150
Сюсла см. Сааремаа
Сясь, р. 78—81
Тавастия см. Земля тавастов
Танаис см. Дон
Татары 147
Тёнсберг 93
Тихвинка, р. 81
Трандхейм см. Трённелаг

- Трёндалёг* см. Трённелаг
Трённелаг 87, 115
Тромсё 147
Тронхейм 93
Трумс см. Тромсё
Тунсберг см. Тёнсберг
Уинчестер 62, 157
Уитби 62
Упланд (в Швеции) 100
Уппланд см. Упланд (в Швеции)
Уппсала см. Упсала
Упсала 47, 96
Устье Вины 33
Уэльс 18, 157
Финнланд см. Земля финнов
Финнмарк 14, 18, 145
Финны 29, 35
Финский залив 25, 28, 35, 71, 87
Фландрия 18
Франция 18, 98
Фризия 18
Фрисланд см. Фризия
Фюн, о. 19
Хельсингланд 87, 115
Хельсингьяланд см. Хельсингланд
Хийумаа, о. 35, 71
Холм (в средневековом Новгороде) 84, 89—91
Холмогоры 84
Холопий городок 58, 59, 121
Хольмгард см. Новгород
Хольмгардаборг см. Новгород
Хольмгардия см. Новгород
Хольмегардер см. Новгород
Хорезм 98
Хьёлен, наг. 87, 115
Хълмъ см. Холм
**Хълмъ-городъ* см. Новгород
Центральная Европа 19

- Чернигов 70
Черное море 15, 16
Чудское озеро 129
Шведы 97, 110, 111
Швеция 9, 19–21, 64, 83, 87, 104, 108, 109, 113–115, 147, 149
Шетландские о-ва 18
Шотландия 18
Шюста 100, 102
Эйсланд см. Земля эстов
Эйстрасальт см. Балтийское море
Эйсты см. Эсты
Эйсюсла см. Сааремаа
Эланд, о. 19, 96
Энея см. Европа
Эрмланд см. Вармия
Эста 83
Эстланд см. Земля эстов
Эсты 25, 29, 35, 48
Юго-Восточная Прибалтика 48
Юго-Восточное Приладожье 81
Южная Русь 131
Южная часть мира 17
Южное государство 17
Южное Приладожье 110
Южные земли 17
Южные пути 17, 42
Ютландия, п-ов 18, 78
Ямталанд см. Емтланд
Ярославово дворище (в Новгороде) 92

Джаксон Татьяна Николаевна

AUSTRÍ GÖRÐUM:

**Древнерусские топонимы
в древнескандинавских источниках**

Издатель А. Кошелев

**Художественное оформление обложки
Наталии Прокуратовой и Сергея Жигалкина**

Корректор Е. И. Державина

Подписано в печать 10.09.2001. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура «Академическая».
Усл. печ. л. 5,265. Заказ № 4547

Издательство «Языки славянской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: mik@sch-Lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич
(с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

Татьяна Николаевна Джаксон, филолог по образованию, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Хорошо известна как крупный специалист в области русско-скандинавских отношений периода раннего средневековья, ведущий исследователь древнескандинавских источников по истории Древней Руси. Автор около 150 работ, среди них три выпуска свода древнейших источников по истории Восточной Европы «Исландские королевские саги о Восточной Европе» (М., 1993, 1994, 2000), монография «Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в.» (М., 2000).